

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДЕПАРТАМЕНТ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Кафедра конфликтологии

**Центр медиации, урегулирования конфликтов
и профилактики экстремизма**

**ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: АНАЛИЗ И РЕШЕНИЯ**

Всероссийская научно-практическая конференция

Казань, 21 сентября 2021 года

Сборник статей

КАЗАНЬ

2022

УДК 323.14
ББК 66.3(2Рос)
В 92

*Печатается по рекомендации Редакционно-издательского совета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Общая редакция сборника
главный советник при ректорате КФУ,
доктор социологических наук, профессор **Р.Г. Минзарилов**

Руководитель проекта
проректор по социальной и воспитательной работе КФУ,
кандидат социологических наук, доцент **А.М. Межведилов**

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор **И.И. Бикеев;**
доктор юридических наук, доцент **Л.Т. Бакулина**

Вызовы национальной и региональной безопасности: анализ и решения: Всероссийская научно-практическая конференция (Казань, 21 сентября 2021 года). Сборник статей / под общ. ред. Р.Г. Минзарилова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – 200 с.

ISBN 978-5-00130-575-0

В сборнике представлены статьи по итогам Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, прошедшей 21 сентября 2021 года.

УДК 323.14
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-00130-575-0

© Издательство Казанского университета, 2022

Содержание

Предисловие	6
Большаков А.Г. Факторы нестабильности в регионе Центральной Азии: ситуационный анализ эволюционных изменений	10
Зайкова С.Н. Транспортная безопасность в странах Центральной Азии: административно-правовые институты обеспечения	15
Дмитриева М.О. Роль международных институтов в обеспечении безопасности в Центральной Азии	20
Галицкая Н.В. Продовольственная безопасность стран Центральной Азии	25
Джумагулов А.М. Принципы мирного урегулирования споров как основа международного контроля в сфере региональной безопасности	31
Абакумов Д.В. Противодействие транснациональным корпорациям в сфере национальной безопасности	36
Жорнист В.М. Перспективы формирования гегемонистического регионального порядка в Центральной Азии	40
Толмачев Ю.О. Технология организации антикитайских протестных выступлений на территории Казахстана (на материалах социальных сетей и СМИ)	46
Толмачев Ю.О. Влияние деструктивных виртуальных сетевых сообществ на радикализацию молодежи	53
Мартиросян А.Г. Река Сырдарья: трудности водной дипломатии в регионе Центральной Азии.....	56
Лаптев О.В. Проблемы водной дипломатии в Центральной Азии на примере реки Амударья	63
Мусаэлян Р.Э., Зайцева О.В. Профилактика коррупции в странах Центральной Азии	68

Елькина А.С. Деятельность Талибана в Афганистане: захват власти и угроза для Российской Федерации	75
Ниязова С.А. Проблема безопасности в регионе Центральной Азии	79
Грачев С.И., Иванов Н.А. Экстремизм и антиэкстремизм: факторы эволюции и проблемы противодействия.....	82
Шибанова Н.А., Махмутова Р.Г., Храмова Е.В. Технологии и опыт ресоциализации женщин, состоявших в экстремистских организациях	88
Богданов Л.А. Межэтнические и межклановые противоречия как факторы нестабильности в государствах Центральной Азии	94
Забелло О.Н. Угрозы водной безопасности региона Центральной Азии: проблемы и пути решения	100
Иванов А.В. Гендерная ненависть в виртуальном пространстве как фактор радикализации молодежного сознания	105
Махмутова Р.Г., Шибанова Н.А., Храмова Е.В. Религиозный служитель: миссия противодействия мотивированному экстремизму	111
Храмова Е.В., Большаков А.Г., Махмутова Р.Г., Шибанова Н.А. Языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья: риски и факторы конфликтогенности	117
Чудинов С.И. Визуальные аспекты саморепрезентации радикальных исламистских онлайн-сообществ во «ВКонтакте»	124
Лебедева А.В. Кибермоббинг в виртуальном пространстве: профилактика и противодействие агрессору	130
Мухаметзарипов И.А. Зарубежный опыт формирования культуры толерантности при помощи визуальных материалов.....	138
Зианшина Р.И. Анализ состояния исламского образования как центра формирования духовной безопасности общества	144
Кондрашина Е.А. Конфликтологическая компетентность учителей общеобразовательных школ.....	149

Матвеева А.С. Конфликты в школе, инициируемые неформальными сообществами	156
Стадухина С.О. Педагогические конфликты в контексте поколенческой парадигмы: исторический опыт и практики современной России	160
Логинова Л.В., Щепланова В.В. Детерминанты и предупреждение деструктивных проявлений молодежного активизма	167
Терешина Е.А. Корпоративная безопасность в условиях цифровизации общества	173
Анахаева М.Д. Вызовы и проблемы обеспечения безопасности Северо-Кавказских республик в период пандемии Covid-19	179
Архипова А.В., Ганеева М.Р. Одиннадцатое сентября: начало эры глобального террора	186
Шпилев Д.А. Приемы, используемые в сети Интернет для вовлечения подростков в деструктивное движение «Колумбайн»	192
Заключение	196

Предисловие

Современная геополитическая реальность определяется нарастанием нестабильности, ростом напряженности и насилия в мире. Эта тенденция в целом является следствием разбалансировки биполярного мира, ставшей результатом политического краха Советского Союза, который Президент России охарактеризовал как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века. Очевидная на сегодняшний день неспособность США исполнить роль центра глобальной цивилизации обусловила, с одной стороны, выработку модели многополярного мира, с другой – показала неготовность большинства национальных элит всерьез эту модель воспринять. Но проблема не только в том, что большинство представителей политического класса не способны выйти за границы черно-белого спектра политического видения, в рамках которого стигматизация иного / чужого, как безусловного зла, является оборотной стороной собственной априори заданной позитивной идентичности. Время, которое ушло на то, чтобы развеять иллюзию об особой роли американской нации в человеческой истории, оказалось упущенным с точки зрения обнаружения и опознания новых геополитических вызовов, сформулированных радикальными сообществами, стремящимися реализовать программные установки, контекст которых не совпадает с традиционным набором приоритетов национального государства, в том виде, как он сформировался по итогам Великой войны. То обстоятельство, что эти ориентиры оказываются весьма размытыми, а способы достижения целей не исключают насилия и террора, безусловно, добавляет напряжения на поле глобальной политической коммуникации.

Не располагая единой идеологией и не имея ресурсов для открытой борьбы с ведущими мировыми державами, экстремизм не потерпел фиаско, напротив – выяснилось, что сформулированные локальными радикальными группировками вызовы практически невозможно парировать силовыми методами, неэффективны оказались и традиционные политические средства. Трендом последних лет оказалось

распространение радикальных доктрин среди молодежи и развитие экстремистских сообществ в различных регионах мира. Так, в молодежной среде развитие информационно-коммуникационных технологий самым причудливым образом сочетается с распространением радикальных личностных стратегий, а разгром крупных террористических объединений на поле боя, вместо развития политического диалога, обернулся атомизацией субъектов, сохранивших свои радикальные воззрения. Более того, вытеснение террористов за границы районов боевых действий фактически способствовало расширению сферы конфликтной коммуникации, в том числе в регионах Российской Федерации и на территориях государств, входивших ранее в СССР. Мониторинг этих процессов, исследование их причин и динамики, представляли ключевую тему дискуссий на конференциях в Казанском университете в 2020 и 2021 годах. Эти научные форумы, по сути дела, представили под разными углами зрения проблему роста террористической деятельности, превращения экстремистских группировок во влиятельные структуры жизни; усиление жесткости действий экстремистов; многообразие форм деятельности, стремление добиться общественного резонанса, устрашения населения.

Казанский федеральный университет, более двух веков удерживающий лидирующие позиции в отечественной ориенталистике, представляет собой исследовательское пространство, в котором сочетаются академические традиции и актуальные темы, бережно сохраняется наработанный навык научной дискуссии с привлечением самого широкого круга участников. Все это позволило получить значимые результаты как в 2020, так и в 2021 году. В 2020 году на площадке Казанского федерального университета впервые была проведена всероссийская конференция «Научное и педагогическое сообщества в системе мониторинга радикализации молодежи», участники которой обобщили и проанализировали опыт, накопленный за последние десятилетия. По итогам конференции был сделан вывод, что молодежь оказалась самой уязвимой в культурном отношении категорией

населения, в наибольшей степени подверженной влиянию экстремизма, разрушающего традиционные культурные ценности. Отмечена необходимость формирования единого культурно-образовательного пространства, включающего в себя работу на разных уровнях воспитания, начиная с семьи, школы, в том числе – культурно-просветительскую, воспитательную, реабилитационную деятельность с привлечением ученых, педагогов, деятелей культуры, психологов.

В 2021 году в КФУ вновь был организован экспертно-аналитический форум, посвященный противодействию терроризму и экстремизму. Дискуссионное пространство Всероссийской научно-практической конференции «Вызовы национальной и региональной безопасности: анализ и решения» объединило аналитиков и перспективных молодых исследователей, разрабатывающих проблемы противодействия террористическим угрозам и экстремистским вызовам. Был отмечен рост террористической активности в Центрально азиатском регионе, подчеркнута его непосредственная опасность для безопасности Российской Федерации и союзных государств. Были вскрыты причины и указаны ближайшие последствия процессов радикализации в Северо-Западной Евразии.

Работа конференции проходила на четырех площадках. Модератором первой – «Безопасность в Центральной Азии: факторы нестабильности и механизмы урегулирования конфликтов» – выступил заведующий кафедрой конфликтологии, профессор А.Г. Большаков. Среди участников были представители Казахстана, Киргизии, Владивостока, Саратова, Москвы.

Работой второй секции – «Профилактика экстремизма: российский и международный опыт» – руководил доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского С.И. Грачев. С докладами выступили представители Национального центра информационного противодействия терроризму

и экстремизму, а также вузов Уфы, Нижнего Новгорода, Ростова, Ставрополя и Казани.

Модератором панели «Методология исследования радикализации и дерадикализации групп риска» выступила доктор социологических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета А.Ю. Карпова. Среди участников были представители Томска, Новосибирска, Москвы и Казани.

Четвертая секция – «Профилактика экстремизма в российском гражданском обществе». Секцией руководил кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии Казанского федерального университета Р.И. Заляев. Свои доклады озвучили представители Уфы, Москвы и Казани.

В целом положение дел в этом исследовательском сегменте не было неожиданностью для научного сообщества России. Естественно, что представители научных центров Казахстана, Киргизии, Российской Федерации не могли остаться в стороне от решения задачи выработки научно-практической базы для противодействия новейшим видам терроризма и экстремизма на территории современной Северо-Западной Евразии.

В сборник вошли тексты, отражающие наиболее актуальные проблемы, поднятые участниками конференции. Уверен, что знакомство с материалами этого научно-экспертного форума будет полезным для всех, кто связан с противодействием и профилактикой терроризма и экстремизма в образовательных организациях, а также для представителей студенческого актива и молодежных объединений.

**Проректор по социальной и воспитательной работе,
кандидат социологических наук, доцент
А.М. Межведилов**

Факторы нестабильности в регионе Центральной Азии: ситуационный анализ эволюционных изменений

Большаков А.Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье рассматриваются различные трактовки Центральной Азии. В регионе благодаря синтезу формальных и неформальных рычагов удается поддерживать региональную стабильность. Залогом ее являются две великие державы – Китай и Россия. В Центральной Азии существует три основных фактора нестабильности. Все страны региона и региональные организации (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и др.) осуществляют поиск адекватных методов противодействия причинам нестабильности. Изменение ситуации в Афганистане, уход американцев из страны, открывает для России новое окно возможностей в Центральной Азии, однако оно одновременно связано с появлением новых рисков, вызовов и угроз.

Ключевые слова: фактор нестабильности, террористическая группа (организация), наркотрафик, демаркация границ, ОДКБ, «Талибан».

В академической науке встречаются узкие и широкие трактовки того, что представляет собой Центральная Азия. Есть ученые и аналитики, которые отказывают Центральной Азии в региональной субъектности. Узкая трактовка – это 5 бывших советских республик (Казахстан и Средняя Азия), широкая относит региону Афганистан, Монголию, Пакистан и даже значительную часть Индии. Важным для современной геополитики является рассмотрение Центральной Азии через американский концепт «Большой Центральной Азии». В некоторых странах региона (Узбекистан) все более популярным становится другой концепт – «Центральной и Южной Азии».

Три десятилетия формирования региональной идентичности в Центральной Азии привели к тому, что стабильность не может быть охарактеризована тем, что система справляется с появляющимися

угрозами. Трудно прогнозировать, с какими рисками система справиться, а какие станут угрозами и в итоге могут разрушить ее. Это похоже на концепцию стабильности Л. Козера, которую он выводит из большого числа разновекторных и разноплановых по своему содержанию конфликтов. В Центральной Азии благодаря синтезу формальных (региональные институты и двусторонние договоры) и неформальных (личные контакты глав государств и правительств) рычагов удастся поддерживать региональную стабильность. Залогом ее являются две великие державы – Китай и Россия. Система справляется с возникающими региональными угрозами, но не справляется с угрозами национального уровня. Таким образом, уровень безопасности Центральной Азии невысокий. Региональная система стабильности не может учесть весь комплекс факторов, который способен ей угрожать и гарантировать, что ситуация не выйдет из-под контроля. Это хорошо видно на примере конфликта 2021 года между Киргизией и Таджикистаном [1].

В регионе Центральной Азии существует целый ряд факторов нестабильности. На наш взгляд, их можно свести к трем основным. Первый фактор – это угрозы, идущие из соседнего Афганистана. Вывод американских войск из этой страны спровоцировал легкую военную победу «Талибана» над марионеточным проамериканским правительством. Соппротивление талибам было оказано несущественное. Однако оппозиция нынешним властям, безусловно, существует и возобновление гражданской войны в Афганистане возможно даже в ближайшее время. Большинство экспертов сходятся в том, что большая часть талибов пока не настроена враждебно к существующим рядом государствам Центральной Азии, хотя их умонастроения могут измениться.

Но главная угроза странам Центральной Азии – это наличие в самих этих странах террористических групп и организаций. Эксперты свидетельствуют, что у этих формирований существует прямая связь с «Аль-Каидой» и «Исламским государством». Будут ли эти группы свободно существовать на территории Афганистана или «Талибан» постарается их уничтожить, зависит от многих обстоятельств. Но для правительств стран Центральной Азии и России эти формирования

представляют существенную угрозу, поскольку они достаточно эффективно играют на слабости экономик у ряда этих государств, бедности населения, пандемии коронавируса и пр.

Связана с этим и проблема наркотрафика, идущего из Афганистана. Известно, что для многих жителей Афганистана и стран Центральной Азии именно производство и продажа наркотического сырья является основным источником дохода. Проамериканское правительство Афганистана и сами американцы так и не стали или не хотели предпринимать решительных мер по борьбе с наркотрафиком, которые должны были носить системный характер. Уничтожит ли наркотрафик правительство «Талибана», как оно обещает, пока неизвестно, но этот процесс в любом случае займет продолжительное время.

Прямая угроза со стороны нынешнего правительства Афганистана для стран Центральной Азии пока не рассматривается большинством экспертов и аналитиков как возможные события ближайшего будущего. Однако положение может измениться в любой момент. Поэтому Россия и страны Центральной Азии (в первую очередь Таджикистан и Узбекистан) проводят совместные учения, укрепляют границы, перевооружают российских и центральноазиатских военнослужащих, готовятся к отражению возможных провокаций и нападений. Делается это на двухсторонней основе и в рамках ОДКБ.

С Афганистаном граничат непосредственно Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, но последний пока не испытывает никакого давления из-за современного вооруженного конфликта. Надо отметить, что Киргизия, Казахстан, даже Россия находятся достаточно близко и потенциально зависят от его стабильности или нестабильности. Граничат с Афганистаном Пакистан, Индия, Китай, Иран, поэтому перманентная гражданская война в этой стране, особенно в ее острых фазах так или иначе влияет на все эти государства.

Второй фактор нестабильности в Центральной Азии – порожден отсутствием демаркированных границ между Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном и водной проблемой в регионе. Обе эти причины

порождают территориальные конфликты. До недавнего времени считалось, что подобные споры можно решать за столом переговоров или встречей президентов центральноазиатских государств. Но конфликт 2021 года между Киргизией и Таджикистаном стал настоящей трагедией для двух братских народов, поскольку унес множество жизней, привел к столкновению военных частей двух государств. Механизмы ОДКБ в этом конфликте в очередной раз не были задействованы. Россия заняла позицию невмешательства, а после договоренностей двух президентов обозначила свою поддержку переговорам, негатив к вооруженным столкновениям и поддержку двум сторонам конфликта.

Западные страны пытались сыграть на противоречиях между двумя государствами, выдали данный конфликт за поддержку Россией Таджикистана. Активно пыталась участвовать в этом конфликте Турецкая Республика. На последней встрече стран участников ОДКБ Президент Киргизии поднял вопрос о том, что организации должно реагировать на конфликты между странами-участниками и разработать в своих уставных положениях механизмы реагирования на подобные ситуации. Можно отметить, что в последние годы демаркацией границ и переговорами занимается Узбекистан. Это связано с политикой его президента Ш. Мирзиёева. Узбекистану за счет демаркации границ и активных переговоров в целом удастся не переводить территориальные и водные споры в вооруженные конфликты. Однако территориальные проблемы и конфликты нуждаются в постоянном урегулировании и постепенном мирном разрешении.

Третий фактор нестабильности в Центральной Азии – криминально-бытовые конфликты с конструированием в их ходе этнической составляющей. Думается, что конфликты между представителями титульных народов и русскими, которые активно обсуждались во время последней избирательной кампании в Государственную Думу РФ, имели преимущественно внутривнутриполитическое российское содержание. Более существенное притеснение русскоязычного населения было отмечено в 90-е годы XX века, но тогда российское государство молчало

в силу своей слабости и принимало (далеко не всегда гостеприимно) приезжающих соотечественников на своей территории.

Более существенными представляются криминально-бытовые конфликты последних лет между казахами и этническими меньшинствами, имеющими свой бизнес в ряде областей и городов Казахстана. И если конфликт в Караганде между казахами и армянами в 2019 году не повлек за собой многочисленные жертвы и многими до сих пор воспринимается как пьяная драка двух компаний [2], которые были интернациональными по своему составу и не тянули на противоборство двух этнических групп, то события 2020 года на Юге Казахстана представляли собой погромы на этнической основе [3]. Многие дунгане были вынуждены бежать в соседнюю Киргизию. Число жертв достигло 10 человек, а успокоить толпу смогли только казахстанские силовики.

Оба упомянутых конфликта очень похожи на свои российские аналоги в Кондопоге, Арзамасе, Сагре, Нурлате. Они вызвали беспокойство в элите, у патриарха казахстанской политики Н. Назарбаева. Наиболее опасными в таких конфликтах являются действия толпы, которая готова силой наказать оппонентов, и публикации СМИ и Интернета, где конструируется этническая подоплека происходящего, хотя криминально-бытовые аспекты являются доминирующими.

Все страны региона и региональные организации (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и др.) осуществляют поиск адекватных методов противодействия причинам нестабильности. Достичь результатов в этом направлении невозможно без проведения со странами Центральной Азии партнерской политики в сфере региональной и национальной безопасности. Только в процессе ее обеспечения Российская Федерация может предоставить им свою поддержку, а страны Центральной Азии – повысить уровень своей открытости и готовности к интеграционным проектам в экономике, образовании, здравоохранении, культурной и гуманитарной сферах.

Таким образом, изменение ситуации в Афганистане, уход американцев из страны, открывает для России новое окно возможностей в Центральной Азии, однако оно одновременно связано с появлением

новых рисков, вызовов и угроз. Дипломатические усилия во взаимодействии с «Талибаном», конструктивное партнерство с правительством Афганистана, сотрудничество по укреплению военной безопасности границ с центральноазиатскими государствами, совместное противодействие террористическим группам могут обеспечить усиление роли России и пророссийских международных организаций в регионе.

Литература

1. Пограничный конфликт Таджикистана и Киргизии // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/pogranichnyj-konflikt-tadzhikistana-i-kirgizii>. html.

2. Пьяная драка или конфликт между казахами и армянами. В Караганде требуют расследования убийства в ресторане // Телеканал «Настоящее время». – URL: <https://www.currenttime.tv/a/karagansakazachs-armenians/29695759>.html.

3. ЧП республиканского масштаба // «Коммерсант». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4250263>.

Транспортная безопасность в странах Центральной Азии: административно-правовые институты обеспечения

Зайкова С.Н.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье определяется уровень разработанности законодательства в области обеспечения транспортной безопасности в странах Центральной Азии и сформулированы предложения по его унификации. Формально-правовой и сравнительно-правовой методы дали возможность проанализировать национальное законодательство на предмет его соответствия международным договоренностям, выявить ряд недостатков и сформулировать предложения по их устранению.

Результаты настоящего исследования имеют возможность практического применения при внесении изменений в законодательство, регулирующее рассматриваемую область правоотношений. Делается вывод, что не всеми государствами Евразийского Экономического Союза приняты специализированные законы о транспортной безопасности. Требуется унификация национального и международного законодательства, обеспечивающая координацию деятельности государств в области транспортной безопасности.

Ключевые слова: система транспортной безопасности, национальная безопасность, международно-правовые основания.

Актуальность проблем обеспечения транспортной безопасности с 30-х годов XIX века привела к созданию в странах национального законодательства и к разработке международных правовых актов, регулирующих вопросы межгосударственного сотрудничества в рассматриваемой области.

Проблема защищенности транспортного комплекса и пассажиров имеет актуальное значение для каждой страны и на сегодняшний день.

Анализ законодательства стран Центральной Азии показал, что имеются различия в национальном правовом регулировании и применении административно-правовых мер по обеспечению транспортной безопасности. Указанные различия требуют тщательного изучения и анализа в целях объединения усилий государств в борьбе с терроризмом на транспорте.

В настоящее время среди стран Центральной Азии отсутствует единое понимание термина «транспортная безопасность» [1, с. 24]. В законодательных актах Узбекистана¹ и Киргизии² отсутствует

---

¹Закон Республики Узбекистан от 29 августа 1998 г. № 674-И «Об автомобильном транспорте» // Народное слово. 1998. № 184 (1968).

² Закон Киргизской республики от 8 июля 1998 г. № 89 «О транспорте» // Газета «Эркин-Тоо». 1998. № 93.

легальное определение. В Таджикистане¹ и Туркменистане² под транспортной безопасностью понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства.

В законодательстве Республики Казахстан³ транспортная безопасность понимается как составная часть экономической безопасности. При этом защищенность транспортной отрасли экономики от возможных угроз должна обеспечивать не только функционирование, но и развитие транспортного комплекса: обеспечивать создание условий для удовлетворения ежедневных потребностей бизнеса и населения в услугах по перевозке различными видами транспорта, совершенствование транспортной инфраструктуры и конкурентоспособность транзитного потенциала республики.

Однако, как отмечают исследователи [2, с. 142], несмотря на законодательно урегулированный понятийный аппарат, в законодательстве Республики Казахстан имеется недостаточная регламентация отдельных составляющих системы безопасности.

В Узбекистане и Киргизии отсутствуют специализированные законы о транспортной безопасности. Действующие правовые акты о работе транспорта содержат лишь правовые нормы о том, что транспортные средства должны соответствовать требованиям безопасности.

Имеются отличия и в организационно-правовых средствах обеспечения транспортной безопасности, в разных странах по-разному применяются: техническое регулирование, стандартизация, сертификация, аккредитация сил и средств обеспечения безопасности.

---

¹Закон Республики Таджикистан от 3 июля 2012 года № 847 «О транспортной безопасности». URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=117174.

²Закон Туркменистана от 5 января 2018 года «О транспортной безопасности» // Газета «Нейтральный Туркменистан». 2018. № 11. URL: <https://www.parahat.info/law/parahat-info-law-02bu>.

³Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31106860.

В Республике Казахстан, где транспортная безопасность является составной частью экономической безопасности, законодательно закреплён контроль за использованием экономических объектов, находящихся в управлении (либо собственности) иностранных организаций и организаций с участием иностранных инвесторов.

В Киргизской республике признаны зонами повышенной опасности аэропорты и пристани, станции и автотранспортные предприятия, железнодорожные линии и водные пути, используемые для движения транспортных средств. Правила нахождения на их территории строго регламентированы республиканским правительством. Транспортным предприятиям и перевозчикам предписано предотвратить доступ посторонних лиц к транспорту, обеспечить его охрану, техническое оснащение специальными устройствами. В качестве формы контроля предусмотрены административные досмотры.

Правила пребывания на объектах транспортной инфраструктуры устанавливаются также в Республике Узбекистан. Помимо этого, применяются сертификация автотранспортных средств на соответствие требованиям безопасности и лицензирование перевозок.

Вышеприведенный анализ основных административно-правовых процедур показал, что национальным законодательством (за исключением Таджикистана и Туркменистана) не предусмотрены: оценка уязвимости объектов, их категорирование и особые ограничения при приеме на работу сотрудников безопасности на транспорте.

Разное понимание термина «транспортная безопасность», различный уровень правового регулирования (на уровне специализированного законодательного акта или иного акта «меньшей силы»), разные подходы по определению места транспортной безопасности в системе национальной безопасности приводят к разобщенности сил и средств стран Центральной Азии, к отсутствию единообразного понимания системной защищенности транспортного комплекса.

Представляется, что требуется корректировка принятых национальных законов относительно целей, задач, принципов и основных

понятий обеспечения транспортной безопасности, а также принятия всеми странами Центральной Азии соответствующих национальных законов, их интеграция с международным законодательством.

Играя в основном унифицирующую роль [3, с. 118], международное право позволяет формировать национальное законодательство с учетом международного опыта правового регулирования борьбы с терроризмом и иными незаконными актами вмешательства в деятельность транспорта.

Транспортную безопасность, по нашему мнению, следует рассматривать как отдельный вид национальной безопасности. Цели и задачи государственного управления в области транспортной безопасности являются обеспечительными в системном достижении целей национальной безопасности. При этом, по нашему мнению, следует дополнительно изучить опыт Республики Казахстан по наделению рассматриваемого термина «экономической составляющей» и динамичностью.

Литература

1. *Ирошников Д.В.* Теоретические проблемы легального определения транспортной безопасности и смежных с ней категорий // Вопросы безопасности. – 2020. – № 1. – С. 17–29.

2. *Ильясова Г.А.* Правовые аспекты обеспечения безопасности на транспорте: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 1–2. – С. 140–143.

3. *Майстренко Г.А.* Борьба с терроризмом на основе реализации положений международного и российского права // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 116–119.

Роль международных институтов в обеспечении безопасности в Центральной Азии

*Дмитриева М.О.
Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация. В статье анализируется роль и возможности международных институтов (ОДКБ и ШОС) обеспечить безопасность в Центрально-Азиатском регионе и содействовать урегулированию ситуации в Афганистане. Автор приходит к выводу, что организации могут добиться успеха при некотором реформировании своей работы.

Ключевые слова: ОДКБ, ШОС, международные институты, безопасность, сотрудничество, Афганистан.

В Душанбе 16–17 сентября 2021 года прошли саммиты Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Среди основных вопросов мероприятий были укрепление коллективной безопасности, возможности эскалации на афганской границе, недопущение усиления экстремистских группировок и проблемы наркотрафика в регионе.

В этой связи целесообразно обратить внимание на роль, которую могут играть международные институты в Центральной Азии в деле обеспечения безопасности. 2020 год вновь заставил обсуждать вопросы роли и места международных институтов в международных отношениях. Стало очевидным, что их способность отвечать на вызовы безопасности довольно скромна как в глобальном, так и в региональном масштабах.

Нарастает критика в адрес Организации Объединенных Наций, Европейского союза, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной торговой организации и других структур. Многие ответы на подобные претензии сводятся к тому, что пока в мире нет альтернативы этим и остальным институтам. Как отмечает Т. Бордачев, «такие

утверждения основаны на опыте решения важных проблем середины прошлого столетия или, что еще более распространено, связаны с отсутствием пока признаваемых альтернатив институционализации международной политики» [1].

Стоит признать, что, если существование и функционирование международных институтов не отвечает задачам, ради решения которых они были созданы, а вносят больше проблем и конфликтного потенциала между участниками, сохранять такой формат взаимодействия контрпродуктивно. Это связано и с тем, что неудовлетворенность членов со временем будет накапливаться и может вылиться в открытый конфликт несмотря на то, что институты по идее, наоборот, вносят взаимосвязанность и предсказуемость в отношения участников.

Что касается ОДКБ, то, как было решено в ходе саммита и предшествующих встреч, она продолжит уделять приоритетное внимание Таджикистану. Как сообщил генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась: «Через месяц вблизи таджикско-афганской границы пройдет серия масштабных и объединенных единым замыслом учений Коллективных сил ОДКБ – “Поиск-2021”, “Эшелон – 2021”, “Взаимодействие – 2021” и “Кобальт – 2021”» [2]. Также будет ускорена работа по принятию предложенной Таджикистаном в рамках ОДКБ Целевой межгосударственной программы по укреплению таджикско-афганской границы.

15 сентября на встрече министров иностранных дел стран ОДКБ было принято принципиальное решение о неприемлемости размещения на территории стран договора находившихся в Афганистане объектов военной инфраструктуры США и других стран НАТО, а также афганских граждан, сотрудничавших с иностранными военными, «за исключением случаев, требующих безотлагательного решения в гуманитарных целях». Из этого заявления можно сделать важный вывод, что в настоящее время формируется новый порядок в Евразии, и конструируют его государства этого региона без участия внерегиональных акторов.

Важная работа по линии ОДКБ проводится в информационной сфере – реализуются совместные операции по борьбе с распространением экстремистской и террористической пропаганды в сети Интернет. То есть в интернете происходит появление сайтов, через которые террористы осуществляют вербовку (например, у запрещенной в России террористической организации «Исламское государство»). Кроме того, есть операция «Нелегал», цель которой – борьба с неконтролируемой миграцией из третьих стран (например, афганские мигранты), есть операция «Канал», в рамках которой идет борьба с торговлей наркотиками по северному маршруту через Афганистан, через страны Центральной Азии в Россию и дальше в Европу [2].

Можно сказать, что ОДКБ может обеспечить достаточно серьезный контроль над таджикско-афганской границей, но механизмы взаимодействия с Узбекистаном и Туркменистаном не отработаны в необходимом объеме. Никита Мендкович отмечает, что «нет схем совместной охраны границы, размещения наблюдательных пунктов или временного базирования авиации в двух странах» [3].

Обращает на себя внимание и то, что пока позиции стран региона по отношению к Афганистану совпадают не во всем: Таджикистан занял жесткую позицию против правительства талибов (запрещены в РФ). Что дало повод последним заявить о вмешательстве во внутренние дела государства со стороны Душанбе. Накал достиг такого предела, что Москва обратилась к сторонам не допустить эскалации. В это время, например, Узбекистан приветствовал создание нового кабинета и выразил готовность с ним сотрудничать.

И здесь особое значение может приобрести Шанхайская организация сотрудничества. Афганистан имеет статус наблюдателя ШОС. Туркменистан так или иначе координирует свою политику на афганском направлении со странами ШОС. Остальные государства Центральной Азии, а также Россия, Китай, Пакистан и Индия являются членами ШОС.

В ходе саммита важное место лидеры ШОС уделили борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также противодействию международному наркотрафику и коррупции. В целях укрепления безопасности участники договорились продолжать проводить совместные военные учения.

Андрей Кортуннов отмечает, что одним из сравнительных институциональных преимуществ ШОС является предельно широкий, даже не вполне четко определенный мандат Организации. Такой мандат позволяет одновременно заниматься широким кругом разнообразных вопросов, касающихся безопасности, экономического роста и человеческого развития Афганистана, сочетая поддержку политической стабильности, реализацию крупных инфраструктурных проектов и содействие социально-гуманитарному прогрессу [4].

Стоит указать, что и в ШОС имеются значительные разногласия по вопросам развития Афганистана, (в первую очередь между Индией и Пакистаном). Для преодоления этих разногласий и ради реализации идеи стабилизации ситуации в Афганистане эксперт предлагает продумать использование многосторонних механизмов с переменным числом участников (*multilateralism a la carte*). Это означает, что проектная работа «под зонтиком» ШОС могла бы вестись силами подвижных коалиций стран-членов, стран-наблюдателей и стран-партнеров Организации; такие подвижные коалиции не обязательно должны предполагать участие всех членов Организации [4].

Очевидно, что сейчас ШОС представился шанс доказать свою состоятельность как важного актора в регионе, значимого фактора обеспечения безопасности и содействия развитию Афганистана. Членам организации нельзя допустить, чтобы существующие разногласия парализовали ее деятельность. Консенсус как главный механизм принятия решений порой усложняет этот процесс.

Если Организация не сможет пройти этот этап, то многочисленная критика в ее адрес о том, что ШОС представляет собой только клуб авторитарных государств, не способный действительно решать

международные вопросы и отвечать на вызовы и угрозы, окажется обоснованной. Это относится и к ОДКБ, которая также противостоит обвинениям в несостоятельности. Успех в деле урегулирования ситуации вокруг Афганистана станет для обоих институтов новым источником их международной легитимности, катализатором развития и углубления сотрудничества.

Таким образом, успех в Афганистане может стать доказательством успеха сотрудничества в рамках одного института по разным направлениям. Это в свою очередь сможет продемонстрировать несостоятельность полного отказа от работы международных организаций и необходимость поиска новых схем взаимодействия внутри них.

Литература

1. *Бордачев Т.* Конец международных институтов // сайт РСМД. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konecz-institutov/>.
2. Военные союзники России усилят противодействие угрозам из Афганистана // сайт РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2021/614303f09a794783e0046d97>.
3. *Мендкович Н.* Талибан и его военная угроза Центральной Азии // сайт РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/taliban-i-ego-voennaya-ugroza-tsentralnoy-azii/>.
4. *Кортунов А.* Афганистан как стресс-тест для ШОС // сайт РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/>.

Продовольственная безопасность стран Центральной Азии

Галицкая Н.В.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье анализируется законодательство Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана, регулирующие вопросы обеспечения продовольственной безопасности. Автор рассматривает научные подходы к определению продовольственной безопасности, делает предложения по улучшению ситуации с обеспечением продовольствия в законодательствах исследуемых стран.

Ключевые слова: Центральная Азия, продовольственная безопасность, правовое регулирование, законодательство, правовые акты, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, продукты питания.

Странами Центральной Азии являются: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан. Государства, расположенные в Центральной Азии, несмотря на климатически благоприятный регион, они испытывают проблемы с обеспечением продовольственной безопасности. Способствует такой ситуации не только коррупция в республиках, слабо развитая законодательная база, но и находящиеся в постоянном состоянии гражданской войны и внешних межгосударственных конфликтов соседние государства (Афганистан, Пакистан). Центрально-Азиатские республики имеют богатый демографический и климатический потенциал для решения продовольственных проблем, поэтому понятно желание властей урегулировать имеющиеся трудности с обеспечением населения качественными продуктами питания собственного производства. Республики ставят целью наладить экспорт сельскохозяйственной продукции в Россию и Европу.

Рассмотрим научные подходы к определению продовольственной безопасности. Часть ученых полагает, что продовольственная безопасность – это обеспечение населения продуктами питания на уровне, необходимом для поддержания здоровой жизнедеятельности организма человека, без учета количества импорта продуктов питания, завозимых в страну. Однако другая часть ученых считает, что измерять состояние продовольственной безопасности и определять его следует исходя из объемов отечественного производства продуктов питания, так как импорт основных социально значимых продуктов представляет собой угрозу безопасности населения и государства. По мнению сторонников вышеупомянутой позиции, поддержание состояния продовольственной безопасности немыслимо без усиления мер поддержки собственных производителей продуктов питания [2, с. 59].

Такие страны, как Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан, сталкиваются с постоянным недостатком продуктов питания, Казахстан и Узбекистан перешли на другой уровень развития и занимаются вопросами улучшения качества пищевой продукции, разнообразием и улучшением рациона питания своего населения. В Индексе «Глобальной продовольственной безопасности» по состоянию 2020 года азиатские республики занимают следующие места: Казахстану досталось 32 место, Узбекистан расположился на 83 месте, а Таджикистан 85-й в рейтинге¹. Информация по Кыргызстану и Туркменистану, к сожалению, не представлена. При исследовании учитывался анализ трех групп показателей продовольственной безопасности: состояние доступности и потребления продуктов питания; наличие и достаточность пищевых продуктов; качество и безопасность питания. Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод о низких позициях исследуемых стран на фоне более развитых и благополучных государств.

---

¹ См.: Рейтинг стран мира по обеспечению продовольственной безопасности. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index> (дата обращения: 10.09.2021).

Власти Центрально-Азиатских стран принимают соответствующие законы, направленные на решение продовольственных проблем. Например, в республике Казахстан понятие продовольственной безопасности раскрывается в законе «О национальной безопасности Республики Казахстан». Согласно закону, продовольственная безопасность Казахстана – «это состояние экономики, при котором государство способно обеспечить физическую и экономическую доступность населению качественных продовольственных товаров, достаточных для удовлетворения физиологических норм потребления и демографического роста»¹. Уточним, что на текущее время в Республике Казахстан не существует отдельного правового акта, регулирующего продовольственную безопасность страны. Тем не менее вопросы обеспечения продовольственной безопасности содержатся в законах «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий», «О зерне», «О техническом регулировании», «О мерах по защите внутреннего рынка при импорте товаров», «О государственном материальном резерве». Законами предусмотрены такие меры поддержки населения, как доступность цен на необходимые для жизнедеятельности населения продовольственные товары. Раскрыты критерии и основные направления обеспечения продовольственной безопасности. В законодательстве Казахстана закреплена возможность импорта продовольственных товаров у иностранных государств, которая позволяет регулировать на государственном уровне рынок пищевых товаров, которые не выращиваются в Казахстане, либо выращиваются в недостаточном количестве. Очевидно, что в Казахстане необходимо принять отдельный закон о продовольственной безопасности, который бы собрал и систематизировал правовые нормы, разбросанные по законодательству.

---

¹См.: Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 06.01.2012. № 527-IV. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860#pos=392;74 (дата обращения: 10.09.2021).

Касательно Кыргызской Республики, в 2019 году была принята государственная Программа продовольственной безопасности и питания на 2019–2023 годы¹. В программе обозначены такие цели и задачи, как наращивание объемов отечественной сельскохозяйственной продукции, увеличение роста поставок продуктов питания внутри страны, стимулирование и обеспечение эффективности производства продуктов питания. С помощью Всемирной продовольственной программы ООН в Кыргызстане создали Атлас продовольственной безопасности, который закрепил направления, проблемы и вызовы в обеспечении продовольственной безопасности, стоящие перед республикой.

В Таджикистане еще в 2010 году власти приняли закон «О продовольственной безопасности»². Правовой акт соединил в себе основные направления политики Таджикистана в сфере продовольственной безопасности и закрепил продовольственную безопасность важнейшей частью национальной безопасности. В стране в 2020 году была проведена аграрная реформа, позволившая оказать государственную поддержку сельхозпроизводителям, в рамках реформы были субсидированы не только государственные, но и частные агропредприятия, а также фермерские хозяйства.

Республика Туркменистан в своем законодательстве, начиная с 2000-х годов, имеет обширную базу правовых актов, регулирующих вопросы продовольственной безопасности. Флагманом в исследуемой сфере стал принятый в 2016 году закон «О продовольственной

---

¹ См.: Постановление Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Программы продовольственной безопасности и питания в Кыргызской Республике на 2019–2023 годы» от 27.05.2019. № 320. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/14561> (дата обращения: 10.09.2021).

² См.: Закон Республики Таджикистан «О продовольственной безопасности» 13.10.2010. № 12, ч. 1, ст. 830. URL: <http://tpp.tj/business-guide2017/pdf/zakonodatelstvo/23%20-%20закон%20Республики%20Таджикистан%20О%20продовольственной%20безопасности.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

безопасности»¹. В законе раскрыты цели, задачи и направления страны в обеспечении продовольственной безопасности. Сама продовольственная безопасность понимается как составная часть экономической безопасности государства. Закон устанавливает право граждан Туркменистана на здоровое и полноценное питание. Законодательно закреплены три направления обеспечения продовольственной безопасности страны. Первое направление – это развитие сельскохозяйственной отрасли, второе – это бережное и рациональное отношение к сельскохозяйственным, земельным и водным ресурсам республики, третьим стало уменьшение вреда, наносимого природным богатствам Туркменистана действиями человека и изменением климата. Качество и стандарты продуктов питания республики урегулированы законом «О качестве и безопасности пищевых продуктов»².

В Узбекистане, в целях укрепления продовольственной безопасности, Президент подписал Указ «О мерах по дальнейшему обеспечению продовольственной безопасности страны». В Указе содержатся меры по поддержанию и защите отечественных производителей, ограничивается количество импорта продуктов питания, отменяются преференции и льготы, ранее действовавшие для иностранных производителей³. Органам исполнительной власти предписано организовать на территории Узбекистана появление безопасных продовольственных складов, хранилищ, холодильных камер, обязательно использование высокотехнологичного инновационного оборудования для производ-

---

¹См.: Закон Республики Туркменистан «О продовольственной безопасности» от 23.11.2016. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36864945#pos=4;-106 (дата обращения: 10.09.2021).

² См.: Закон Республики Туркменистан «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 16.08.2014. № 105-V. URL: https://fsvps.gov.ru/fsvps-docs/ru/importExport/turkmenia/files/zakon_turkmenistan_pril6.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

³ См.: Указ президента Узбекистана «О мерах по дальнейшему обеспечению продовольственной безопасности страны» от 12.12.2018. URL: <https://lex.uz/docs/3506753> (дата обращения: 10.09.2021).

ства и хранения продуктов питания. Министерству Экономики Узбекистана поручено Президентом Узбекистана подготовить проект закона «О продовольственной безопасности», в котором рекомендовано закрепить меры по насыщению рынка качественной, безопасной и доступной продовольственной продукцией. Так же от министерства требуется разработать план развития сельского хозяйства Республики, создать механизмы социального и государственно-частного партнерства. От Правительства Узбекистана Президент ждет изменений в таможенно-тарифном регулировании сельскохозяйственных товаров, ввозимых в страну.

Негативно повлиял на состояние продовольственной безопасности в регионе начавшийся в марте 2020 года и не заканчивающийся до сих пор период пандемии COVID-19 [1, с. 1]. Сельское хозяйство и экономики республик оказались не готовы к пандемии и понесли огромные убытки. Несмотря на случившиеся трудности, законодательства республик находятся в процессе активного формирования и развития. На наш взгляд, Казахстан остро нуждается в принятии отдельного нормативно-правового акта, который урегулирует вопросы продовольственной безопасности в стране. Касательно Узбекистана, разработка закона о продовольственной безопасности по требованию Президента страны уже активно ведется соответствующими ведомствами. Таджикистану, Киргизстану и Туркменистану вплоть до нормализации экономической ситуации и решения вопросов с платежеспособностью населения необходимо на законодательном уровне прописать регулирование цен на необходимые базовые продукты (хлеб, крупы, мясо, яйца), поскольку такие меры государственного регулирования в области фиксирования цен на жизненно необходимые продукты помогут избежать кризисных ситуаций и голода в отсталых районах указанных государств.

Литература

1. *Галицкая Н.В.* Влияние пандемии COVID-19 на продовольственную безопасность // Международный научно-практический журнал «Научное обозрение». – № 3. – 2021. – URL: <https://srjournal.ru/2021/id305/>.

2. *Кошеббаева Г.К., Алпысбаева Н.А., Бирюков В.В.* Анализ и перспективы продовольственной безопасности Казахстана // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 4. – С. 57–69. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=66> (дата обращения: 10.09.2021).

Принципы мирного урегулирования споров как основа международного контроля в сфере региональной безопасности

Джумагулов А.М.

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

Аннотация. Описан механизм реализации принципа мирного урегулирования или разрешения международных споров в Центральной Азии, перечислены факторы нестабильности в регионе, реальные шаги по формированию системы региональной безопасности.

Ключевые слова: архитектура безопасности, угрозы, внешнеполитические интересы.

Принцип мирного урегулирования или разрешения международных споров, получивший закрепление в п. 3 ст. 2 Устава ООН, является одним из основных общих принципов международного права. Субъекты международного права, согласно этому принципу, обязаны все разногласия и споры по тем или иным вопросам решать мирными средствами, не подвергая угрозе международный правопорядок и безопасность, соблюдая при этом иные принципы – в первую очередь

принципы равноправия государств, взаимного уважения, взаимной выгоды и справедливости.

Безусловно принципы и средства мирного разрешения международных споров играют важнейшую роль и должны лежать в основе региональной безопасности в Центрально-азиатском регионе.

Проблемы региональной безопасности в Центральной Азии после распада СССР и провозглашения независимости всегда занимали особое место во внешней и внутренней политике государств региона и в геополитических выкладках т. н. великих держав. Формирование системы региональной безопасности, продолжающееся и в настоящее время, осуществлялось в условиях становления государственности постсоветских стран региона, социально-экономических и политических кризисов, нерешенности вопросов делимитации границ, территориальных споров, пограничных конфликтов, гражданской войны в Таджикистане, т. н. цветных революций и переворотов в Кыргызстане, межэтнических конфликтов, роста религиозного экстремизма, тех или иных проявлений терроризма, роста оргпреступности, наркотрафика и контрабанды, вторжений боевиков международных террористических формирований, т. н. сирийского и афганского факторов, проблем связанных с распределением международных водотоков и т. д. Перечисленные факторы нестабильности продолжают иметь место и в настоящее время.

Ситуация в сфере региональной безопасности существенно осложнилась в последнее время из-за крупного пограничного вооруженного конфликта в апреле-мае 2021 года между Кыргызстаном и Таджикистаном – двумя государствами-членами ОДКБ и ШОС, приведшего к многочисленным человеческим жертвам и утрате имущества, уходу вооруженных сил США из Афганистана и приходу к власти в этой стране движения «Талибан», запрещенного в Кыргызстане и других государствах региона.

Анализируя данную ситуацию, доктор политических наук Д.Б. Малышева справедливо подчеркивает: «От существующих

в регионе Центральной Азии структур безопасности потребуются значительные усилия – военно-политические, дипломатические, экономические, чтобы не допустить расползания хаоса по всей Евразии. Очевидно, что ни Китай, ни нерегиональные политические силы (США, НАТО, Евросоюз) не будут брать на себя ответственности за поддержание стабильности в регионе. Для Соединенных Штатов, например, с завершением войны в Афганистане (или, по крайней мере, участия в ней США) географически отдаленный от них регион Центральной Азии, скорее всего, утратит существенную часть своего военного значения, хотя, возможно, опосредованное соперничество с Россией за ресурсы в регионе сохранится. Определенно США не будут заинтересованы и в возвращении России в том или ином виде в Афганистан и уже тем более – в укреплении российского военного и экономического присутствия в Центральной Азии. Таким образом, возникающие в Центральной Азии в связи с афганской ситуацией новые реалии и возможности будут определяться позицией, прежде всего самой России» [3].

В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики: «Сложная военно-политическая обстановка в Афганистане и Пакистане, где сконцентрированы основные идеологические и боевые силы терроризма, религиозного экстремизма и специальные лагеря подготовки боевиков ..., несет серьезную угрозу безопасности во всем регионе. В современных условиях, особенно после вывода из Афганистана ... сил США и НАТО, это создает реальные предпосылки для проникновения эмиссаров и боевиков указанных организаций, а также активизации террористических и экстремистских проявлений в странах Центральной Азии, в том числе и в Кыргызской Республике» [1].

В экономической сфере полагаем возможным отметить кризис, связанный с проблемами перемещения товаров, людей и услуг из-за закрытия границ и карантина вследствие пандемии «COVID-19».

Ранее в Концепции внешней политики Кыргызской Республики, принятой в 2019 году отмечалось: «Рост напряженности в мире, расширение масштабов международного терроризма и экстремизма

в различных их проявлениях, трансграничная преступность, незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми, угроза возникновения и эскалации конфликтов вблизи границ Кыргызской Республики и внешних границ государств Центральной Азии требуют проактивной внешней политики и принятия превентивных мер. События в мире свидетельствуют о том, что ни одно государство не в состоянии исключительно собственными усилиями эффективно противостоять современным вызовам и угрозам. Обеспечение безопасности в стране и регионе определяет необходимость тесной координации, сотрудничества и обмена информацией со всеми заинтересованными государствами и международными организациями. Вызовы в сфере безопасности требуют принятия Кыргызской Республикой соответствующих эффективных мер как на национальном уровне, так и путем продвижения активного сотрудничества с международными партнерами» [2].

В формировании системы региональной безопасности особую роль играют ОДКБ и ШОС. После распада СССР, образования СНГ и ОДКБ в Кыргызстане функционировали оставшиеся от Советской Армии узел дальней связи ВМФ РФ в Чуйской области, испытательная база противолодочного вооружения РФ на озере Иссык-Куль, 1-я автоматическая сейсмическая станция и 17-я радиосейсмическая лаборатория РФ. Оба объекта предназначены для контроля за испытаниями ядерного оружия, в первую очередь на полигоне «Лобнор», расположенном в приграничном Синьцзянь-Уйгурском автономном районе КНР, а также на территории стран Южно-Азиатского региона и входят в систему технического контроля в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия. Статус этих объектов и персонала определялся двусторонними договорами между Россией и Кыргызстаном о сотрудничестве в военной области, порядке использования российских военных объектов, условиях аренды и др.

22 сентября 2003 года Россия и Кыргызстан заключили Соглашение о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории КР. В г. Кант в окрестностях Бишкека была размещена

999-я авиабаза, предназначенная для базирования российской (как составной части подразделений ОДКБ) авиационной группировки, которая способна решать широкий спектр боевых задач в случае возникновения реальной внешней угрозы одному из государств Центральной Азии. В 2009 году действие договора продлили еще на 49 лет.

20 сентября 2012 года было подписано новое Соглашение о статусе и условиях пребывания Объединенной российской военной базы на территории КР, а также Протокол о сотрудничестве в военной области в период, предшествующий вступлению в силу указанного Соглашения. Соглашение и Протокол ратифицированы Законом КР 17 декабря 2012 года № 200 и Федеральным законом РФ от 7 мая 2013 года № 74 – ФЗ. В соответствии с Соглашением, оно вступило в силу 29 января 2017 года.

В соответствии с приложениями к Соглашению утвержден перечень объектов недвижимого имущества совместного использования и условия нахождения воинских формирований базы: авиабаза в г. Кант как структура КСБР ОДКБ – на безвозмездной основе, узел связи и испытательная база – на условиях арендной платы. Автономный сейсмический пункт – на условиях передачи сейсмической информации национальному институту сейсмологии и МЧС Кыргызстана. На основании получаемой информации эти структуры могут отслеживать сейсмологическую обстановку не только на территории республики, но и в сопредельных регионах.

Функционирование объединенной российской военной базы на территории Кыргызстана носит оборонительный характер и не направлено против третьих государств, в значительной степени укрепляет обороноспособность, отвечает национальным интересам и целям поддержания мира и стабильности в регионе, развития взаимовыгодного сотрудничества. Соглашение от 20 сентября 2012 года придало военным объектам России на территории Кыргызстана необходимый международно-правовой статус, соответствует нормам национального права и внешнеполитическим интересам Кыргызской Республики.

Решение проблем в сфере формирования системы региональной безопасности нам видится в дальнейшей активизации сотрудничества с Россией и соседними государствами региона в рамках ОДКБ, с КНР в рамках ШОС, при соблюдении основных принципов международного права вообще и особенно принципа мирного разрешения международных споров.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики [текст]: утв. указом Президента Кырг. Респ. от 9 июня 2012 г. УП № 120. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4797>. – Загл. с экрана.

2. Концепция внешней политики Кыргызской Республики [текст]: утв. указом Президента КР от 11 марта 2019 г. № 37. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045?cl=ru-ru>. – Загл. с экрана.

3. Малышева Д.Б. «Фактор – 2014» для Центральной Азии и России // Международная жизнь. – 2014. – № 2. – С. 25–43.

Противодействие транснациональным корпорациям в сфере национальной безопасности

Абакумов Д.В.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. Автор анализирует стремление со стороны транснациональных компаний-гигантов ограничить, а в некоторых случаях вмешаться в национальные интересы и стать угрозой безопасности государства. В статье рассмотрены ряд направлений, создающих опасность для государства в данном контексте, и оценены пути противодействия данным явлениям.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы национальным интересам, деятельность Роскомнадзора.

В принятой в июле 2021 года новой редакции «Стратегии» [1], посвященной национальной безопасности в Российской Федерации, в качестве одной из тенденций, влияющих на положение нашего государства в современном мире, указывается деятельность транснациональных корпораций по ограничению роли государства.

Обычно под транснациональными корпорациями понимаются международные фирмы, имеющие свои подразделения в более чем двух странах, с единой системой управления и принятия решений. Такой межнациональный инструментарий позволяет осуществлять единую стратегию по распределению ресурсов, технологий и ответственности. Транснациональным корпорациям принадлежат или ими контролируются комплексы производства или обслуживания, находящиеся за пределами страны, в которой эти корпорации базируются, имеющие обширную сеть филиалов и отделений в разных странах и занимающие ведущее положение в производстве и реализации того или иного товара [2, с. 244].

Изначально предполагается, что это такой вид бизнеса, цель которого приносить материальную выгоду – прибыль собственникам. В то же время, по мнению отдельных ученых [3], это не мешает транснациональным корпорациям влиять на мировые события или реализовывать функции, которые раньше брало на себя национальное государство.

Примеров тому было не мало: 1954 году американская United Fruit Company инициировала государственный переворот в Гватемале; американская корпорация ИТТ финансировали свержение режимов в Латинской Америке в 60–70-х годах прошлого века (Бразилия, Сальвадор, Чили) [4]. И, несмотря на то, что данные события были связаны с борьбой бизнеса за собственные активы, которая заставляла искать

нестандартные решения возникающих проблем, в то же время корпорации искусно манипулировали интересами между государствами.

Степени противодействия стремлению транснациональным корпорациям вмешиваться в интересы государства зависят от ресурсов и уровня авторитарности режима. Китайские власти создали особый фильтр для нежелательной информации, а также заставляют глобальные компании соглашаться действовать в китайском сегменте сети на основе законодательства КНР (это стало одной из причин конфликта с Google) [5]. Другие ограничиваются подозрениями компаний вроде Facebook и Twitter в проведении национальных интересов США во время «арабской весны».

За последние годы в Российской Федерации было подготовлено правовое поле, позволяющее заставить транскорпорации соблюдать национальное законодательство. Прежде всего, это касается корпораций в информационной сфере, именно в эпоху информационного общества, когда ведутся информационные войны между государствами, роль таких транснациональных объединений наиболее важна.

В июне 2021 года Фейсбук Инкорпорейтед (Facebook Inc.) признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации, и приговорен к солидному штрафу в 17 млн рублей [6].

В августе этого года решением Арбитражного суда города Москвы был отклонен иск Google LLC (Гугл ЭлЭлСи) по ограничению доступа к информационному ресурсу к Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [7].

Большие претензии государства предъявлены к интернет-сервису Twitter в связи с тем, что в период с 2017 года по настоящее время не удаляется контент, склоняющий несовершеннолетних к совершению самоубийств, содержащий детскую порнографию и информацию об использовании наркотических средств, а также за призывы к участию детей в несанкционированных акциях [8].

Кроме того, государству удалось переломить ситуацию по локализации баз данных российских пользователей на территории РФ, которая действует с 2015 года, а ответственность за неисполнение была установлена в 2019 году. На время хранения персональных данных российских пользователей локализовали порядка 600 представительств в РФ зарубежных компаний, среди которых Apple, Microsoft, LG, Samsung, PayPal, Booking и другие [9].

Таким образом, в настоящее время роль транснациональных корпораций в социально-политических реалиях, а также вовлеченности их при взаимодействии с обществом и государственными институтами достаточно велика. Поэтому задача государства состоит в обеспечении национальной безопасности, при котором правовое принуждение должно быть направлено исключительно на соблюдение национальных приоритетов и интересов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: consultant.ru.

2. Трифонова И.В. Роль транснациональных корпораций в глобализации мировой экономики / И.В. Трифонова // Молодой ученый. – 2013. – № 9 (56). – С. 243–245. – URL: <https://moluch.ru/archive/56/7687/>.

3. Зайцев С.Ю. Модели взаимодействия транснациональных корпораций (ТНК) и современного государства: диссертация на соискание ученой степени к.п.н. – СПб 2018. – С. 10. – URL: https://disser.spbu.ru/files/2018/disser_zaitsev_s.pdf.

4. Корпоративные войны // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2184633>.

5. Google ушел из Китая // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnol/internet-i-telekommunikatsii/46869-google-ushel-iz-kitaya>.

6. Суд оштрафовал Facebook за удаление запрещенного контента // Известия. – URL: <https://iz.ru/1176987/2021-06-10/sud-oshtrafoval-facebook-na-17-mln-rublei-za-neudalenie-zapreshchennogo-kontenta>.

7. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-88220/21-139-647 06 августа 2021 г. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/62837b5b-0be3-4429-99b0-077c744fcb3a/237908a8-7130-430c-af59-1435906c413c/A40-88220-2021_20210806_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

8. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. – URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73464.htm>.

9. Суд оштрафовал Facebook, Twitter и WhatsApp на 36 млн рублей за нелокализацию баз данных российских пользователей на территории РФ // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. – URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73828.htm>.

Перспективы формирования гегемонистического регионального порядка в Центральной Азии

Жорнист В.М.

*Московский государственный институт
международных отношений*

Аннотация. В представленной статье изучаются перспективы формирования гегемонистического регионального порядка в Цен-

тральной Азии. Выдвигается тезис о том, что ввиду ослабления присутствия США в регионе и сохранения высокой зависимости стран Центральной Азии от Китая и России невозможно формирование гегемонии одной из великих держав. Вместо этого наиболее вероятным представляется сосуществование российского и китайского гегемонистических проектов.

Ключевые слова: гегемония, региональный порядок, Китай, Россия, США, Центральная Азия.

Перед лицом традиционных и новых вызовов в сфере безопасности, которые возникают в Центральной Азии, все острее звучит вопрос устойчивости регионального порядка. Если региональный порядок слаб или отсутствует, то угрозы приведут к дестабилизации и хаосу, а сильный региональный порядок, напротив, поспособствует скорейшей стабилизации ситуации и пропорциональному ответу на возникающие вызовы. Поэтому при изучении вопросов безопасности в регионе важно не только смотреть на природу угроз и конкретные меры, принимаемые сторонами, но и на общую региональную архитектуру.

Существует три базовых пути формирования регионального порядка в Центральной Азии, способного обеспечить эффективный ответ на угрозы безопасности.

Это особенно актуально на фоне того, что ослабление глобального гегемонистического порядка создает пространство для формирования регионального порядка.

Согласно неолиберальной теории Кохейна [2, 44], ослабление гегемонии ведет к увеличению роли международных институтов и региональных организаций. Однако в Центральной Азии этого не происходит. Таким образом, остается две опции для формирования регионального порядка: 1) установление гегемонистического порядка великих держав, 2) установление регионального порядка, управляемого средними державами.

Рассмотрим возможность установления регионального порядка, управляемого средними державами. Для его установления в Центральной Азии необходимы средние державы.

В литературе выделяется несколько подходов к определению средних держав, которые включают следующие критерии: 1) активная дипломатия и усилия по разрешению конфликтов, 2) вовлеченность в деятельность международных институтов, 3) экономические показатели, 4) самостоятельная внешняя политика [3]. На роль средних держав претендуют Казахстан и Узбекистан. Казахстан обгоняет другие страны Центральной Азии по ВВП, однако его внешняя политика направлена на балансирование между великими державами – Китаем, Россией и США – с целью приобретения выгоды, а не на продвижение собственной повестки. Узбекистан, который на протяжении своей истории сочетал политику балансирования и изоляционизма, при президенте Мирзиёеве начал активно продвигать повестку урегулирования конфликтов и сотрудничества между странами Центральной Азии, при этом сохраняя самостоятельность на международной арене. Так, обе страны приблизились к тому, чтобы стать средними державами, однако еще ими не стали: Казахстану не хватает большей активности и самостоятельности в международных делах, а Узбекистану – экономической мощи.

Из-за того, что в Центральной Азии не сформировалось средних держав, невозможно установление регионального порядка, в центре которого были бы страны Центральной Азии. Тогда наиболее вероятным становится вариант установления региональной гегемонии в Центральной Азии одним из внешних игроков, соперничающих за влияние в регионе, – Китаем, Россией или США.

Исторически Россия имела наибольшее влияние на страны Центральной Азии ввиду сохранившихся связей после распада СССР. Тем не менее, несмотря на географическую близость и общее прошлое, страны Центральной Азии предпочитали ограниченное сотрудничество с Россией, а их национальные элиты стремились закрепить

приобретенную независимость и предотвратить установление контроля России над политикой их стран [4, 190–191].

Страны Центральной Азии (за исключением Туркмении, которая стабильно придерживалась политики изоляционизма) выбрали стратегию балансирования между Россией, Китаем и США, заинтересованными во включении центральноазиатских республик в свои сферы влияния. С помощью такой стратегии центральноазиатские республики получали выгоды от сотрудничества с тремя великими державами и одновременно не попадали в сферу влияния ни одной из них.

Однако в последние годы ввиду внешней политики администраций Д. Трампа и Дж. Бадена, направленной на концентрацию ресурсов внутри страны и снижение военных расходов, присутствие США в Центральной Азии и в регионе в целом ослабевает. Основными игроками, соперничающими за влияние в Центральной Азии, становятся Китай и Россия, ввиду чего возникает вопрос о перспективах развития отношений между ними в контексте борьбы за влияние в Центральной Азии.

Отношения между Россией и Китаем можно в целом охарактеризовать как партнерские и дружеские. С ухудшением отношений России со странами Запада и наложением санкций после 2014 года Китай стал одним из наиболее стратегически важных партнеров России. В особенности Россию и Китай сближают общие взгляды на принципы устройства международных отношений (невмешательство в политику других государств, соблюдение международного права, опора на ООН как гаранта сложившейся системы международных отношений) и наличие общего противника – США и стран Запада, стремящихся навязать России и Китаю свои интересы (например, санкции по поводу Крыма, санкции по поводу Гонконга, приостановление закона об экстрадиции граждан Гонконга США, Великобританией, Канадой и Австралией). Страны Запада обвиняют Китай и Россию в нарушении прав человека и диктуют свои условия, при невыполнении которых они прибегают к давлению – введению санкций. Фактически конфронтация стран

Запада с Россией и Китаем вызвана несовпадением взглядов на устройство мирового порядка и непризнанием Китаем и Россией права стран Запада на установление правил в международных отношениях и их навязывания другим странам.

Таким образом, Россия и Китай являются стратегическими партнерами, что подкрепляется внешнеполитическими документами, встречами глав государств и сопряжением проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь». Однако отношения Китая и России не лишены конфликтов. Так, их сотрудничество в рамках ШОС ограничивалось борьбой с распространением и существованием «трех зол» (терроризма, сепаратизма, экстремизма), а инициатива Китая по введению зоны свободной торговли была заблокирована Россией [5]. Сопrotивление России установлению зоны свободной торговли объясняется низкой стоимостью китайских товаров и сравнительно большим весом экономики Китая. В случае установления ЗСТ российские товары могут быть вытеснены китайскими, и Китай приобретет рычаги оказания давления на страны Центральной Азии.

Помимо нежелания России вступать в экономическую конкуренцию с Китаем, важным аспектом соперничества между Россией и Китаем является важность Центральной Азии для обеих стран. Для Китая Центральная Азия выступает как в качестве источника полезных ископаемых, так и в качестве емкого рынка для китайских товаров. Для России Центральная Азия важна с точки зрения обеспечения безопасности своих границ, обеспечения безопасности транспортных путей и как рынок для российских товаров. Кроме того, после распада СССР Россия рассматривает Центральную Азию как сферу своего влияния.

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП объясняется тем, что российский и китайский гегемонистические проекты до сих пор не противоречили друг другу. Китайский гегемонистический проект направлен на продвижение китайской экономической модели, китайских товаров и китайского влияния в странах мира. Этот проект действует на глобальном уровне. Российский же гегемонистический проект осуществляется

на региональном уровне и сосредоточен на экономической интеграции. Тем не менее нет никаких гарантий того, что в будущем китайский и российский проекты не будут пересекаться. Оба проекта нацелены на установление экономического влияния в Центральной Азии, а основной целью сопряжения ЕАЭС и ОПОП является «примирение» существующих гегемонистических проектов для смягчения конкуренции Китая и России за экономическое влияние в Центральной Азии.

На практике стремление Китая установить свое экономическое влияние в Центральной Азии отражается в размере его накопленных инвестиций в регион (около 23 млрд долларов по данным China Global Investment Tracker с 2005 по 2021 год), в особенности в энергетический сектор, и усилении присутствия китайских компаний в ТЭК стран Центральной Азии. Тем не менее китайские инвестиции сосредотачиваются не только в Центральной Азии, но и в других странах мира в рамках проекта ОПОП, что позволяет говорить о том, что Центральная Азия – это лишь один из многих регионов, в которых Китай заинтересован с экономической точки зрения.

Формирование гегемонистического регионального порядка одной из великих держав невозможно ввиду высокой зависимости стран Центральной Азии от всех трех. Наиболее вероятно, что российский и китайский гегемонистические проекты будут сосуществовать без слияния в один единый проект. Это возможно благодаря тому, что они нацелены на разные сферы на разных уровнях: Россия заинтересована в политической и экономической интеграции, в то время как Китай заинтересован в обеспечении безопасности своих границ и наращивании экономического сотрудничества со странами Центральной Азии.

Таким образом, наиболее реальная альтернатива регионального беспорядка – это сосуществование китайского и российского гегемонистических проектов.

Литература

1. *Cooley A.* Exit from hegemony: the unraveling of the American global order / A. Cooley, D. Nexon. – Oxford University Press, 2020.
2. *Keohane R.* After hegemony / R. Keohane. – Princeton university press, 1984.
3. *John J.* Becoming and being a middle power: Exploring a new dimension of South Korea's foreign policy / J. John // China Report, 50 (4). – 2014. – P. 325–341.
4. *Roy O.* The new Central Asia: the creation of nations / O. Roy. – NYU Press, 2007.
5. *Арис С.* Российско-китайские отношения через призму ШОС / С. Арис // Russie. Nei. Visions, (34). – 2008.

Технология организации антикитайских протестных настроений на территории Казахстана (на материалах социальных сетей и СМИ)

Толмачев Ю.О.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация. В статье рассматриваются методы и формы организации антикитайских протестных выступлений на территории Казахстана.

Ключевые слова: Китай, национализм, Казахстан.

КНР всегда была заинтересована в расширении своего влияния в странах Центральной Азии. Партийно-политическая система Казахстана (КР) отличается авторитарностью. Поэтому, когда в 2019 году новым президентом стал Касым-Жомарт Токаев, то Си Цзиньпин продолжал укреплять отношения с этой страной с помощью экономических проектов. Главная причина заинтересованности Казахстана

в КНР заключается в том, что последняя дает кредиты и не требует проводить реформы в духе демократических ценностей.

Многочисленные китайские проекты, о реализации которых заговорил новый президент, сразу вызвали недовольство среди местного населения, равно как и его планы посетить Пекин в сентябре 2019 года. Стали распространяться информационные сообщения, согласно которым Китай планирует использовать казахские земли для размещения устаревшей техники.

С сентября 2019 года начались массовые антикитайские выступления среди молодежи. 2 сентября 2019 года начались протестные настроения в городе Жанаозен [1]. Всего митинговало 500 человек. Главный вопрос, который ставился перед правительством, заключался в том, что большая часть населения не может устроиться на работу, и приглашение китайской рабочей силы является неоправданным. Нефтяники компании «Озенмунагайз» также поддержали протестующих, так как действия компаний КНР будут нарушать интересы казахского бизнеса.

Большую роль в нагнетании антикитайских настроений в сентябре сыграл Мухтар Аблязов – лидер движения «Демократический выбор Казахстана». В своем «Инстаграме» он публиковал сообщения, где указывал, что «весь бизнес, который оформлен на китайцев, принадлежит и Назарбаеву, который работает с ними в доле 50/50» [3]. Далее он обвинил власти Казахстана в клановости, насаждении китайского языка и культуры.

Митинги в других частях Казахстана были организованы при помощи использования мессенджера. С помощью сервиса “WhatsApp” была организована рассылка информационного сообщения, где говорилось о строительстве 55 китайских предприятий [4]. Была осуществлена следующая схема. На территории западной страны была куплена сим-карта, так как в КР все номера регистрируются. С помощью данных зарубежной разведки были получены номера местных жителей. Далее телефон подключается к компьютеру, устанавливается

программа по массовой рассылке информационного сообщения при активном использовании сети VPN. После завершения процедуры сим-карта выбрасывается. Установить источник (кто рассылал информацию) не представляется возможным. Казахские силовики так и не смогли выяснить, кто же осуществил эту рассылку. Они смогли только успешно внедриться в группы в “WhatsApp”, и поэтому там никакой информации не осталось. В основном в сентябре 2019 года все ограничилось небольшими блокировками сервиса “WhatsApp”, но приложение работало с перебоями и информацию все прочитали.

В СМИ существовало большое количество точек зрения о том, кто организовал эту кампанию. Некоторые обвиняли во всем западные спецслужбы. Другие, как китайский посол в Казахстане Чжан Сяо, указывали на то, что именно страны Запада причастны к организации антикитайских выступлений.

Данную гипотезу подтверждают и заявления китайского посла Чжан Сяо, который указывал в своих заявлениях в октябре 2019 года на причастность стран Запада к организации антикитайских выступлений.

Резкие заявления посла серьезно обострили ситуацию на территории Казахстана. Местные граждане критиковали его за то, что он вмешивается в дела суверенного государства. Ситуация обострилась также из-за того, что казахские власти серьезно наказывали тех, кто обсуждал политику в религиозных группах “Whats App”.

Пандемия коронавируса позволила казахскому правительству на короткий промежуток времени стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку. Поэтому силовые структуры решили бороться с активистами в сфере защиты прав уйгур.

Данная линия отчетливо прослеживалась еще с 2019 году. Казахские власти были недовольны тем, что на протяжении двух лет на территории КР действовала организация «Атажұрт». Ее лидером был Серикжан Билаш. Основными участниками этой группы были казахи, переселившиеся из Синьцзяна. На территории Казахстана они занимались распространением информации о притеснении этнических меньшинств

на территории СУАР в Китае. В своих информационных сообщениях они часто ссылались на организацию “Human Rights Watch”. На протяжении двух лет организацию отказывались регистрировать, а в марте 2019 года Серикжана Билаша осудили и отправили под домашний арест, но уже в августе 2019 года выпустили из тюрьмы. Казахское правительство тайно провело переговоры с Ерболом Даулетбеком о создании организации «Атажурт Еріктілері» («Волонтеры отечества»). Организация получила регистрацию и формальное одобрение госдепа, но действовать она перестала. Тогда он создал организацию «Нағыз Атажурт Еріктілері» («Настоящие волонтеры отечества»).

Поэтому, не случайно, что казахское правительство, внимательно проанализировав данные заявления, выработало устойчивую внешнеполитическую стратегию. На протяжении 2020 года они не регистрировали оппозиционные неправительственные организации. Уже в марте 2020 года Билаш заявил о том, что распускает свою организацию из-за недостатка финансирования. В августе 2020 года на него завели два уголовных дела за разжигание «межнациональной розни» и «незаконное присвоение собственности». Все его имущество также было арестовано. Несмотря на это международная неправительственная организация «Всемирный уйгурский конгресс» оказывала значительную помощь казахам, выступающим против китайцев на территории КР.

В то же время эта внутривластная стратегия не позволила до конца решить проблему антикитайских настроений в казахском обществе.

На протяжении 2019–2020 годов между казахами и китайцами постоянно шли вооруженные столкновения. Две нации, так или иначе, понимают, что они борются за экономические ресурсы. Отсюда большое количество конфликтов. Преимущественно они происходят на предприятиях. Зачинщиком является то одна, то другая сторона.

К примеру, 9 октября 2019 года китайцы и казахи подрались на предприятии ТОО “Citic Construction” в Аксуском районе [8]. Вначале китайцы избили водителя казаха, а через день местные жители избили

китайских рабочих. Генконсул Китая Гэн Липин пыталась оправдать китайцев и заявила, что они ничего не нарушали, и это казах неправильно построил часть дороги. Ситуация вызвала общественный резонанс. Результатом стал судебный процесс. С территории Казахстана были депортированы 42 китайца. Международные неправительственные организации осудили политику казахских властей. Международная конфедерация профсоюзов (МКП) приостановила членство Казахстана в своей организации.

Подобная реакция не была принята во внимание казахской властью, поэтому этнические конфликты возобновились в 2020 году. 7 февраля 2020 года полицейские погнались за машиной, которая не стала останавливаться по их требованию из-за несоответствия номеров. Водитель автомобиля принадлежал к диаспоре дунган, говорящих на китайском языке мусульман. Когда он укрылся во дворе своего дома в селе Сортобе, то к нему на помощь пришли родственники, которые закидали казахов камнями [2].

Инцидент не был исчерпан, и в ночь на 8 февраля 2020 года казахи начали сжигать китайские предприятия, дома дунган и торговые точки в селах Аухатты, Булан батыр и Масанчи. Все деревни расположены в Жамбылской области Казахстана, где дунган фактически заняли все ключевые посты во всех сферах. Конфликт был спровоцирован намеренно: все снималось на видео и выкладывалось в социальных сетях для разжигания межнациональной розни. К драке постоянно присоединялись новые казахи. Связано это было с тем, что видео с лозунгами о необходимости борьбы с китайцами распространялось в социальных сетях. В конечном итоге в конфликте приняло участие 40 человек, 8 человек погибли, 40 человек были ранены, 30 домов и 15 магазинов сгорело, и 23 машины были повреждены. Силловые ведомства Казахстана сработали плохо, так как они отключали мессенджер “Whats App”, но уже после того как все посмотрели видео [9].

Далее казахское правительство использовало ситуацию с коронавирусом и запретило проводить митинги и демонстрации. Общеполи-

тическая ситуация была относительно спокойной вплоть до начала сентября, когда вновь обострился китайский вопрос.

В сентябре активизировалась партия «Демократиялық». Схожая риторика и превалирование идеи о либеральных ценностях позволяет говорить о том, что она тоже стала новым американским проектом в глобальной геополитической игре между КНР и США. Данная организация провела митинг 13 сентября 2020 года на территории Аламаты [6]. Его результатом стала специальная петиция. Китайская тема развивалась там вместе с проблемами кредитной амнистии всем жителям Казахстана, борьбой с олигархией и другим комплексом социальных проблем. Обращает на себя внимание тот факт, что при анализе социальной политики властей КР лидеры оппозиции сравнивают ее вначале с США. Антикитайская демонстрация прошла мирно.

Схожие тезисы развивались в рамках онлайн-сми. Айдар Алибаев, заместитель председателя оппозиционной «Общенациональной социал-демократической партии (ОСДП)», дал интервью интернет-газете ZonaKZ. Он раскритиковал китайско-казахстанское сотрудничество и указал, что большая часть подписанных соглашений между двумя странами не опубликована и не доступна для широкой публики. Поэтому в ближайшее время стоит ждать экспансии Китая. В выступлении мало фактов и большая часть приведенных положений основана на личном весьма предвзятом анализе [7].

30 сентября 2020 года разгорелся новый скандал. Депутат Мажилыса Берик Дуйсембинов отметил, что приграничные населенные пункты в Алматинской и Восточно-Казахстанской областях лишены возможности пользоваться казахстанским телевидением, радио и интернетом. Вместо этого жители пользуются китайскими коммуникациями, и при въезде в Урджарский район Восточно-Казахстанской области получают на свой телефон смс следующего содержания: «Добро пожаловать в Китай» [5].

Таким образом, можно сказать, что антикитайские протесты на территории серьезно дестабилизировали внутривнутриполитическую

ситуацию на территории Казахстана. Организованы они были с помощью комплекса методов. Среди них первостепенное значение имел мессенджер “WhatsApp”.

Литература

1. Люди в Жанаозене снова вышли на площадь. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/lyudi-v-janaozene-snova-vyishli-na-ploschad-378162.
2. Итоги 2020 года. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/zhetysu/press/article/details/36808?lang=ru>.
3. Мухтар Аблязов. – URL: <https://www.instagram.com/mukhtarablyazov/>.
4. *Козырева А.* Откуда взялись 55 китайских заводов, или о влиянии WhatsApp-рассылки на отношения между КНР и Казахстаном. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1567803780>.
5. «Добро пожаловать в Китай!» – депутата возмутили sms в Восточном Казахстане. – URL: <https://ru.sputnik.kz/society/20200930/15094269/kitayskoe-radio-slabye-seti.html>.
6. «Демократиялык». – URL: <https://www.facebook.com/Demokratialyq/>.
7. Китайский взгляд на казахские земли. – URL: <https://zonakz.net/2020/09/23/kitajskij-vzglyad-na-kazaxskie-zemli/>.
8. В Алматинской области произошел конфликт между китайскими и казахстанскими рабочими. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/30208259.html>.
9. Неработающая модель «межэтнического согласия». Что показали события в ночь на 8 февраля? – URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-korday-after-deadly-ethnic-clashes/30426646.html>.

Влияние деструктивных виртуальных сетевых сообществ на радикализацию молодежи

Толмачев Ю.О.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация. В статье рассматривается влияние Интернета на радикализацию молодежи.

Ключевые слова: молодежь, Интернет, манипуляции.

Современная среда характеризуется большим количеством информации. Обилие информационных материалов в Интернете оказывает большое влияние на представителей молодежи. Телевидение, библиотеки, музеи не имеют особого значения для молодого поколения.

Современный представитель молодежи, как правило, мечтает о быстром социальном признании, когда его мысли, поступки и решения одобряются обществом.

Получить желаемое одобрение в реальном обществе весьма сложно. Учебный процесс для многих не является показателем их успешности. Оценки преподавателей воспринимаются как необходимость исполнения социальных предписаний общества.

Исходя из этой совокупности обстоятельств, представители молодежи начинают активно взаимодействовать в интернет-среде.

Именно там молодое поколение стремится найти группы по своим увлечениям. Общий интерес к той или иной проблеме помогает человеку выстроить систему социального взаимодействия.

Вступая в ту или иную группу в социальной сети, молодой человек ищет единомышленников, где создается своя система ценностей, базирующаяся на моментальном признании достижений человека. Достигается это посредством «лайков», так как молодежь ждет их как признание своих заслуг. Самооценка представителя молодежи становится тесно связана с количеством полученных «лайков». Быстрота

достижения результата заставляет молодых людей проводить огромное количество времени в социальных сетях.

Создаются специальные теги, которые позволяют отследить ту или иную группу сообщений. При работе с молодежью политтехнологи учитывают ее особенности. Во-первых, это способность усвоить лишь небольшой объем информации. Поэтому информационные сообщения во Вконтакте, Ютубе, Инстаграме, Тик-токе и Фейсбуке наполнены емкими лозунгами, которые, как правило, не превышают одного предложения.

Во-вторых, это создание либо коротких, либо длинных роликов, которые молодежь успешно смотрит. Первые пользуются очень большой популярностью, так как, к примеру, дети в 6 классе постоянно сидят в тик-токе, и они уже привыкли к такой подаче. Длинные фильмы имеют воздействие, если делается установка, согласно которой все принадлежит народу. Об этом свидетельствует популярность фильма о «дворце» В.В. Путина.

В-третьих, большое внимание уделяется проблеме морали. Традиционно школьная и вузовская система образования на правовом уровне ставят своей целью сформировать комплекс моральных и этических норм среди обучающихся. Если посмотреть на выступления студентов и школьников, то они в большинстве своем анализируют с позиции «добрый и злой». Поэтому политтехнологи в Интернете под понятием «добро» подразумевают максимальную свободу делать то, что хочется. Зло же – это ограничения, накладываемые государством. Соответственно, вседозволенность и анархия выступают в качестве новой ценности.

В-четвертых, используя концепт американской мечты, политтехнологи приводят данные статистики, где говорят о том, что жизнь в Америке и Европе лучше, чем в России. Внедряется концепция, что на Западе можно достигнуть всего просто так и стать богатым. Возникает иллюзия ложного восприятия и формируется система убеждений. Приводятся несколько фактов, а в конце делается вывод.

В результате среди молодежи начинает формироваться обобщенная картина мира, которая отличается в деталях биографии, но общее содержание ее можно свести к следующему: человеку все обязано дать государство, так как демократия предполагает полную свободу и самореализацию. Достичь своих целей можно, если заявить о своих целях и не бояться пойти против системы. Среди представителей молодежи был проведен эксперимент: 50 учащимся было предложено написать эссе, и в конце они пришли к одинаковому выводу о том, что важно анализировать событие общественной жизни с точки зрения соответствия или несоответствия демократическим ценностям. Фактически молодые люди, сами того не осознавая, копируют методику анализа событий общественной жизни, руководствуясь чужими аналитическими схемами.

Данная картина мира не обязательно предполагает знакомство с политическими программами и целями тех или иных участников политической жизни. Как правило, может быть сформировано убеждение, что любая протестная акция – это развлекательное мероприятие, где силовики будут наказывать тех, кто вышел на улицу. Поэтому важно его посетить, дабы получить новые эмоции. Иногда молодежь взаимодействует лишь в Интернете, критически анализируя события общественно-политической жизни.

Идея о правах, пропагандируемая в интернет-среде, также приводит к формированию следующего убеждения среди молодых людей: представителю молодежи обязаны все: родители, школа, университет. Он не должен делать ничего, а только ждать, когда все его желания исполнятся автоматически. Никаких обязанностей нет, а сформирован культ потребителя, готового только пользоваться результатами труда, а не создавать что-то новое.

Ограниченность рынка труда также приводит к большой проблеме, связанной с тем, что выпускник вуза не может найти себе работу по полученной специальности. Постепенно формируется установка, что ресурсы в политической системе должны быть перераспределены, так как в сложившейся профессиональной среде для него нет

места. Начинается поиск специальных групп по интересам, где человек видит свою востребованность, когда его ценят и хвалят за все его мысли и идеи. Оценки других людей фактически заменяют собственную самооценку человека. Поэтому таким молодым человеком легко манипулировать, так как ему можно внушить идею о том, что он герой, который изменит жизнь многих людей.

Таким образом, в современном российском обществе именно интернет-среда становится тем институтом, который формирует ценностные ориентиры современной молодежи. Получение одобрения в короткий срок – это основной психологический метод, используемый профессиональными политтехнологами для достижения своих целей. В будущем, скорее всего, молодежь будет больше общаться в Телеграме, так как там пользователи могут создать закрытые каналы. Социальные сети будут использовать меньше, ведь общение по политической проблематике там легко отследить.

Река Сырдарья: трудности водной дипломатии в регионе Центральной Азии

Мартиросян А.Г.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Анализируется переговорный процесс между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек, описаны меры по институционализации статуса реки Сырдарья, напряженность, возникающая между Кыргызстаном, Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном, в связи с их использованием ресурсов реки, объясняются причины отсутствия механизмов распределения водных ресурсов в Центральной Азии.

Ключевые слова: переговоры, национальные интересы, экономика, споры, конфликтность.

Сырдарья – это река, протекающая на территории центральноазиатских республик: Узбекистана, Таджикистана и Казахстана. Сырдарья образована слиянием рек Нарын и Карадарья в восточной части Ферганской долины и течет на северо-запад, пока не впадает в Аральское море. Сырдарья имеет протяженность 2 256 км, а если считать с рекой Нарын – 3 019 км, что делает ее самой длинной рекой в Центральной Азии, однако она несет меньше воды, чем Амударья. Для водного режима реки характерно весенне-летнее половодье, которое начинается в апреле. Река, как и Амударья, питается за счет таяния ледников и снегов в высокогорных массивах Центральной Азии (Тянь-Шань, Памир), что вызывает трудности, когда осадков в горах выпадает немного.

Основной проблемой региона в сфере водной дипломатии является то, как именно распределяется вода между республиками Центральной Азии. Во времена СССР проблема распределения и использования водных ресурсов централизованно решалась министерством водного хозяйства СССР, исходя из единого плана развития региональной экономики и сельского хозяйства. После же распада СССР все страны региона переживали тяжелый экономический кризис, и вопросы о разделении водных ресурсов региона стали гораздо более острыми. В такой ситуации каждая республика ставила на первый план свои собственные национальные интересы.

Две главные отрасли, для которых критически важен бассейн Сырдарьи в Центральной Азии, – это ирригация в сельском хозяйстве и добыча электроэнергии через ГЭС [3]. Во времена СССР были созданы централизованные системы распределения воды для главных рек – Бассейновая водохозяйственная организация (БВО) «Амударья» и Бассейновая водохозяйственная организация «Сырдарья». Форсировалось производство хлопка за счет постоянного расширения посевных площадей и, соответственно, расширения систем орошения: в 1950 году в Центральной Азии орошалось 2,9 миллионов гектаров, а в 1989 году – уже 7,4 миллионов га. Чтобы обеспечить регулярное и непрерывное поступление воды, в 40-е годы XX века начали строить

целый ряд водохранилищ. На питающей Сырдарью реке Нарын было создано Токтогульское водохранилище. Площадь его зеркала при максимальном заполнении составляет около 285 кв. км, максимальный объем воды – 19,5 миллионов куб. км. Мощность Токтогульской ГЭС – 1 200 мегаватт [2]. К концу 80-х годов проблема чрезмерного использования водных ресурсов стала очевидна – Аральское море было практически высушено, республики не получали достаточного количества воды, хлопковая направленность экономики региона имела слишком высокую цену для экологии региона. После распада СССР ситуация с водными ресурсами стала еще сложнее и необходимо было начать урегулирование ситуации путем соглашений и сотрудничества между республиками Центральной Азии.

Важнейшим политическим шагом стала инициатива ведомств государств Центральной Азии о принятии в октябре 1991 года Ташкентского заявления. Оно стало отправной точкой переговорного процесса между центральноазиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В нем стороны договорились о совместном использовании водных ресурсов, с учетом интересов всех сторон [4].

Следующим этапом стало становление правовой и организационной базы сотрудничества в области водопользования. В период 1992 и 1993 годов пять стран также учредили Международный фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственную комиссию по устойчивому развитию (МКУР). В 1992 году было принято Алма-Атинское соглашение [6] и инициировано создание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), органа для проведения согласованной политики водопользования в регионе. Проблемой данного соглашения стали слишком размытые формулировки и отсутствие четких обязательств.

Ситуация в регионе оставалась конфликтной. Основная причина – различие во взглядах стран низовья и верховья. Кыргызстан и Таджикистан считают реки своим национальным ресурсом и нуждались в их энергетическом потенциале, они заинтересованы накапливать воду

в летнее время, чтобы зимой вырабатывать электроэнергию, а аграрным странам низовья (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) вода нужна именно летом, в поливной сезон, и, с их точки зрения, бассейны рек Амударья и Сырдарья являются общим ресурсом и все страны региона имеют одинаковое право на их использование.

Одной из важных проблем спора между странами верховья и низовья является экономический дисбаланс – страны верховья заметно беднее. Кыргызстан и Таджикистан не могут отдавать большее количество воды для орошения земель стран низовья, ведь они и так находятся в сильной зависимости от энергии Узбекистана, а уменьшение вырабатываемой на собственных ГЭС электроэнергии может ухудшить ситуацию.

В попытках решить данный вопрос в 1998 году было принято Соглашение о совместном использовании водных и энергетических ресурсов в бассейне реки Сырдарья, заключенное между Кыргызстаном, Казахстаном и Узбекистаном. Здесь Кыргызстан брал на себя обязательства летом сбрасывать большую часть воды Казахстану и Узбекистану, которые, в свою очередь, обещали поставлять Кыргызстану электроэнергию зимой. К сожалению, конкретные детали остались непроработанными, и каждая сторона находила лазейки в соглашении и недовыполняла условия соглашения, что привело к обоюдосторонним обвинениям и утрате силы соглашения.

С 1999 года три организации (МФСА, МКУР и МКВК) функционируют под эгидой Правления МФСА, руководство которым совместно осуществляют представители всех центральноазиатских государств на уровне заместителей премьер-министров [1]. Наиболее важные решения, касающиеся стратегических направлений деятельности МФСА, принимаются Советом глав государств Центральной Азии. Последняя встреча Совета глав государств состоялась уже довольно давно, в 2009 году; на ней все участники согласились с необходимостью реформирования трех вышеупомянутых организаций не в последнюю очередь с целью включения в их мандаты полномочий по обсуждению вопросов энергетического сектора. Этот «эволюционный»

подход к реформе, который страны Центральной Азии согласовали в ходе той встречи, до сих пор не был реализован, поскольку правительство Узбекистана в то время не было убеждено в необходимости такой реформы. Совсем недавно, в 2016 году, разочарование в связи с отсутствием прогресса по данному вопросу привело к тому, что правительство Кыргызстана объявило о «замораживании» своего членства в МФСА [5].

Механизм распределения водных ресурсов в Центральной Азии до сих пор не может быть налажен. Основные проблемы в создании такого механизма лежат в исторических корнях. Главная из них – это отсутствие общего восприятия разделения используемых ресурсов основных рек Центральной Азии и разные цели в использовании данных ресурсов. Для Кыргызстана и Таджикистана – это национальный ресурс, который необходим им для выработки электроэнергии зимой, для Казахстана, Туркменистана и Узбекистана – общерегиональный ресурс, необходимый для орошения хлопчатой промышленности и других сфер сельского хозяйства летом. Из-за этого каждое рамочное соглашение, подписанное между этими странами, не выполняется в полной мере.

Другая проблема – раздробленность гидротехнологической системы рек в регионе. Система, построенная в Центральной Азии, была создана с учетом границ СССР, а что еще более важно, с учетом тотального контроля из Москвы, который сдерживал все разногласия и позволял распределять ресурсы равномерно между странами региона. Данная система просто не работает в текущем политическом пространстве Центральной Азии, а для построения новой необходимы очень большие инвестиции, и отсюда вытекает еще одна крупная проблема региона – высокая диспропорция в экономических потенциалах среди республик Центральной Азии, а также сложность в привлечении внешних инвестиций.

Еще одной проблемой в построении механизма распределения водных ресурсов является трудность в нахождении консенсуса при заключении договоров и соглашений среди стран Центральной Азии.

Как уже говорилось ранее, страны преследуют разные интересы, что приводит к подписанию соглашений, которые имеют хорошие намерения и принципы, но на практике не работают из-за слишком размытых формулировок, недостаточно конкретных цифр и обязательств. В таком случае страны всегда находят способы объяснить невыполнение обязательств по поставкам, что в конечном итоге подрывает соглашения, как, например, в случае с Соглашением о совместном использовании водных и энергетических ресурсов в бассейне реки Сырдарья 1998 года. При конкретизации деталей чаще всего одна, а иногда и все стороны оказываются в невыгодном положении в разное время года, на что никто не соглашается.

Одной из важных проблем политики Центральной Азии в целом является слабость государственных режимов. Политики часто отдают приоритет ежеминутным интересам, а не стремлению сформировать последовательную и эффективную политику. Любое послабление во внешней политике, а особенно в водной дипломатии региона, касающееся одного из важнейших вопросов, может сыграть злую шутку с любым режимом Центральной Азии, что порождает страх предпринимать резкие шаги в данном направлении.

Подводя итог, можно сказать, что главные вопросы по разделению водных ресурсов в Центральной Азии остаются нерешенными. Все государства региона осознают, что при наличии общей системы распределения водных ресурсов каждая республика имела бы выгоду, однако создание такой системы в текущей политической обстановке при отсутствии явного лидера, угрозе со стороны Афганистана, многочисленных внутренних проблемах стран региона крайне затруднительно. Основными путями развития дальнейшего диалога о пресной воде в регионе в ближайшее время видятся следование уже установленным договоренностям, стремление повысить доверие между странами путем культурного обмена, а также составление небольших, но конкретных соглашений между странами региона, таких как договор об обмене электроэнергией между Кыргызстаном и Казахстаном 2021 года.

Литература

1. *Mohammadreza Dehshiri, Hamed Hekmatara*. Water Diplomacy in the Aral Sea Basin. – 2019. – URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/163/139>.
2. *Акунова Г.Ч.* Особенности водной дипломатии в Центральной Азии. Проблемы постсоветского пространства. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>.
3. *Беате Эшмент*. Распределение водных ресурсов в Центральной Азии. Неразрешимая проблема? – 2011. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/08598.pdf>.
4. Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана от 12.10.1991. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. – URL: http://www.icwc-aral.uz/statute2_ru.htm.
5. Переосмысление водного вопроса в Центральной Азии // *Adelphi, РЭЦЦА*. – 2017. – URL: <https://www.adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia%20-%20adelphi%20carec%20RUS.pdf>.
6. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» от 18.02.1992. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. – URL: http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm.

Проблемы водной дипломатии в Центральной Азии на примере реки Амударья

Лантев О.В.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается тема водных ресурсов как важнейший вопрос безопасности и стабильности развития региона Центральной Азии. Идея работы состоит в том, что проблемы с водными ресурсами не сводятся только к самой воде, их причины необходимо отыскать на более общем уровне. Автор рассматривает проблему водной безопасности как политический вопрос.

Ключевые слова: водная дипломатия, Амударья, Центральная Азия.

Крупнейшая река Центральной Азии – Амударья. Она берет начало от слияния рек Пяндж и Вахш на афганско-таджикской границе, затем образует границу между Афганистаном и Узбекистаном, далее между Афганистаном и Туркменистаном, течет через Туркменистан и вновь достигает узбекской территории, где река, пробежав 2 540 км, большей частью впадает в Аральское море. В верхнем течении Амударьи имеются три значительных притока. Река питается за счет таяния ледников и снегов в высокогорных массивах Центральной Азии (Тянь-Шань, Памир). Соответственно, объем стока в течение года сильно колеблется, что зависит от количества снега, выпавшего в горах за зиму. На равнине притоков у реки больше нет, она лишь отдает воду за счет испарения и использования в оросительных системах. Вода распределяется между восемью государствами, через которые протекает Амударья.

Конкуренция за использование водных ресурсов в Центральной Азии наблюдалась на фоне распада Советского Союза. СССР создал единую региональную структуру, которая включала централизованную систему распределения воды – Бассейновая водохозяйственная

организация «Амударья» – на основе сложной водной инфраструктуры. Основной целью было расширение ирригационных мощностей в нижнем течении Амударьи. Распределение воды между советскими республиками (Узбекская ССР, Туркменская ССР, Казахская ССР) отражало эту направленность на орошение в нижнем течении (что стало решающим фактором для высыхания Аральского моря).

Правительства стран Центральной Азии создали ряд региональных институтов для защиты или улучшения важнейших аспектов интегрированного управления ресурсами. В феврале 1992 года министры водных ресурсов всех пяти правительств Центральной Азии подписали Алма-атинское соглашение, в соответствии с которым была создана Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВК), мандат которой включает обеспечение регионального сотрудничества в области управления трансграничными водными ресурсами посредством оперативных мероприятий, включая утверждение и осуществление мер по распределению водных ресурсов среди стран бассейна и определение ключевых направлений региональной политики в области водных ресурсов. В 1992 и 1993 годах пять стран также учредили Межгосударственный фонд спасения Арала (МФСА) и Международную комиссию по устойчивому развитию (МКУР) [2, с. 22].

После обретения независимости правительства стран Центральной Азии сосредоточили свое внимание на строительстве государства. Региональная торговля энергоносителями стала одной из первых проблем, с которыми столкнулись молодые государства. Из-за высокого спроса в сочетании с частичным внедрением рыночных механизмов страны, расположенные ниже по течению, начали продавать ископаемое топливо по самой высокой цене.

Таким образом, страны верхнего течения начали сталкиваться со значительными проблемами в отношении своей национальной энергетической безопасности. Когда цены на ископаемое топливо выросли до цен мирового рынка, потребители переключились на электроэнергию для отопления. Пытаясь обеспечить достаточное количество

электроэнергии, страны верхнего течения, которым не хватало твердой валюты для покупки ископаемого топлива, увеличили производство гидроэлектроэнергии в зимний период. Как следствие, сброс воды зимой увеличился, а сброс летом упал с 75 % до менее 50 % для крупнейшего Токтогульского водохранилища [3, с. 26]. Это дважды нанесло ущерб Узбекистану и Казахстану ниже по течению: летом фермеры столкнулись с нехваткой воды в течение вегетационного периода, а зимние наводнения нанесли значительный ущерб отчасти из-за того, что замерзшие каналы не могли поглощать воду. Выбросы часто были нескоординированными, а информация о выпусках не всегда передавалась достаточно заблаговременно, чтобы страны, расположенные ниже по течению, могли принять соответствующие меры защиты.

Когда государства начали отказываться от своих обещаний по поставке воды и энергии, сотрудничество стало затруднено из-за растущего недоверия. Правительства продолжали регулярно встречаться для обсуждения корректировок распределения воды. Однако большая часть сотрудничества на более высоком уровне по совместному использованию водных ресурсов носила ненадежный характер. Эти проблемы обострились вместе с растущей политизацией водоснабжения и уменьшением инвестиций в персонал и оборудование водохозяйственной бюрократии. Примерно на рубеже последнего десятилетия эти события, а также убытки и издержки, связанные с таким ограниченным сотрудничеством, привели к тому, что региональные отношения достигли своего апогея.

Чтобы защитить себя от последствий отказа от сотрудничества, правительства стран Центральной Азии стремились уменьшить свою зависимость от соседей и предлагали прагматичные, но обычно ориентированные на свою страну решения. Таким образом, страны нижнего течения построили водохранилища на своих территориях, чтобы защитить себя от зимних паводков и сберечь воду для вегетационного периода. Страны, расположенные выше по течению, стремились повысить свою самообеспеченность, в том числе в сфере энергетики. Эта политика стоит немалых затрат, потому что она дублирует дорогостоящую

инфраструктуру. Однако предотвращенный таким образом потенциальный ущерб и снижение взаимной уязвимости также снизили напряженность. Таким образом, они могут позволить новые формы сотрудничества, менее обремененные старыми зависимостями [4].

Почему прогресс в области водного сотрудничества остается таким ограниченным?

Отсутствие прогресса можно объяснить взаимоусиливающими последствиями проблем управления на национальном и региональном уровнях. Проблемы национального управления включают, в частности, сбои в работе институтов управления водными ресурсами в сочетании с отсутствием межотраслевой согласованности политики, отсутствием стимулов для активного решения проблем и сильным нежеланием относиться к рискам, связанным с политическими инициативами по укреплению сотрудничества. Эти проблемы управления на национальном уровне и их отрицательные трансграничные результаты усугубили проблемы регионального управления.

Учитывая значительную зависимость от воды в экономике Центральной Азии, отсутствие доверия и сотрудничества обострило проблемы на национальном уровне, что привело к возникновению порочного круга, разрушительные последствия которого правительствам стран Центральной Азии трудно сдерживать [1, с. 14].

Низкая эффективность государства в Центральной Азии порождает проблемы на нескольких уровнях. Политики часто отдают приоритет ежеминутным интересам, а не стремлению сформировать последовательную и эффективную политику. Позиции в правительстве часто меняются быстро, без особых шансов для разработки и систематической реализации устойчивой долгосрочной политики.

Эта общая тенденция отражается и в управлении водным сектором. Водный сектор во многом утратил свой престиж, силу и профессионализм советских времен. Снижение качества управления привело к отсутствию стимулов или даже способности обеспечить соблюдение существующих региональных соглашений по водным ресурсам. Это подорвало саму способность «водных организаций» управлять водой.

Так, управляющие водными ресурсами могут забирать несанкционированные объемы воды [3, с. 61].

Распределение водных ресурсов между государствами ЦАР и до сих пор осуществляется на основе Алма-атинского соглашения 1992 года, то есть на основе правил советских времен, которые уже тогда не удовлетворяли ни одну из сторон и не удовлетворяют сейчас. Тем не менее перспектива принятия новых правил не просматривается [5, с. 8].

Получив свою независимость, правительства стран ЦАР могли бы приступить к разработке прагматичных и взаимовыгодных решений проблем, связанных с водными ресурсами. Можно сделать несколько предложений по улучшению регионального управления водными ресурсами: разработка региональной информационной системы раннего предупреждения о наводнениях; обмен информацией и совместный мониторинг; адаптация региональных структур, институтов и механизмов к текущим потребностям региона; совершенствование и гармонизация правовых рамок сотрудничества в области водных и других ресурсов окружающей среды [2, с. 7].

Очевидно, обсуждение деталей этих предложений будет сложным, поскольку некоторые виды использования водных ресурсов и приоритеты их использования просто конкурируют. Конструктивному сотрудничеству в этой области мешают также финансовые ограничения в сочетании с отсутствием уверенности в том, что каждое правительство, на самом деле, будет преследовать взаимно разделяемые интересы или, по крайней мере, воздерживаться от использования потенциальных рычагов воздействия, таких как новые варианты контроля воды, в ущерб своим соседям.

Литература

1. *Беате Эшмент*. Распределение водных ресурсов в Центральной Азии. Неразрешимая проблема? – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/08598.pdf>.

2. Индекс BluePeace 2020. – URL: https://bluepeaceindex.eiu.com/pdf/EIU_Blue%20Peace%20Index_2020_Russian.pdf.

3. Переосмысление водного вопроса в Центральной Азии. – URL: <https://www.adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia%20%20adelphi%20carec%20RUS.pdf>.

4. *Shokhrukh-Mirzo Jalilov, Oll iVaris, Marko Keskinen*. Sharing Benefits in Transboundary Rivers: An Experimental Case Study of Central Asian Water-Energy-Agriculture Nexus. – URL: <https://www.mdpi.com/2073-4441/7/9/4778>.

5. World Bank 2004: Water Energy Nexus in Central Asia: Improving Regional Cooperation in the Syr Darya Basin. – URL: http://siteresources.worldbank.org/INTUZBEKISTAN/Resources/Water_Energy_Nexus_final.pdf.

Профилактика коррупции в странах Центральной Азии¹

Мусаэлян Р.Э., Зайцева О.В.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье дается анализ антикоррупционной политики стран Центральной Азии на примере таких государств, как Таджикистан и Казахстан. Проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие борьбу с коррупцией в указанных странах. Автор приходит к выводу, что в странах Центральной Азии антикоррупционные меры требуют особого внимания и должны рассматриваться наряду с другими злободневными проблемами. Автором предлагаются меры борьбы с коррупцией в данном регионе.

---

¹ *Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00194.*

Ключевые слова: коррупция, стратегия борьбы с коррупцией, Центральная Азия, профилактика, антикоррупционное законодательство.

Проблема коррупции достаточно актуальна для мирового сообщества, и страны Центральной Азии не стали исключением. Она представляет собой угрозу экономике страны, ее национальной безопасности. Поэтому борьба с ней представляет важную государственную задачу, с которой необходимо эффективно справляться для благосостояния общества [4, с. 410].

Коррупция является достаточно неординарным для изучения и противодействия общественным явлением. В теории под этим термином понимаются разного рода злоупотребления должностными полномочиями для удовлетворения своих личных интересов, которые противоречат законодательству государств.

Российский законодатель понимает под коррупцией злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Таким образом, суть коррупции выражается в следующем: злоупотребление данными лицу полномочиями по осуществлению государственных или тождественных с ними функций для получения разного рода выгод, как личных, так и в интересах других юридических или физических лиц, которые противоречат законодательству стран.

Странами Восточной и Центральной Азии разработан предварительный отчет об антикоррупционной политике. Данный документ содержит стратегические положения по борьбе с коррупцией. В основе

два основных направления предотвращения: надежное государственное администрирование и деловая этика [1, с. 188].

В целях борьбы с коррупцией в странах Центральной Азии предлагаются следующие меры:

1. Честность и компетентность государственных служащих. Для обеспечения компетентности государственных служащих следует предпринять следующие действия: открытый найм, равный доступ к государственной службе, соизмеримость объема работы и величины вознаграждения, прозрачность карьерного роста, рациональный контроль.

2. Найм и продвижение государственных служащих [3, с. 88]. Для реализации первой меры следует обеспечить открытость, прозрачность найма на службу, равный доступ к ней вне зависимости от непрофессиональных факторов. Критерии отбора должны быть обозначены в законе.

3. Вознаграждение государственных служащих. Достойный уровень вознаграждения служащих позволит минимизировать вероятность возникновения корыстных мотивов, которые могут подвигнуть служащего к совершению коррупционных правонарушений.

4. Установление правил поведения на службе.

5. Обязанность по раскрытию информации о доходах и обязательствах.

6. Обучение по вопросам борьбы с коррупцией. В странах Центральной Азии только ведется деятельность по разработке системы обучения в сфере антикоррупционной деятельности.

7. Предотвращение злоупотребляемого влияния. Надзор и контроль за взаимоотношениями между государственными служащими и гражданами позволят исключить нежелательные клиентские отношения, которые порождают коррупционные правонарушения на службе.

8. Ротация государственных служащих. Ротация, проводимая с определенной периодичностью, позволяет снизить масштабы коррупции за счет исключения изолированности государственных служащих.

9. Электронное правительство. С помощью инновационных технологий имеется возможность минимизировать личные контакты государственных служащих и тем самым исключить влияние на них и коррупционное взаимодействие.

10. Прозрачная нормативно-правовая среда. Четкая и недвусмысленная нормативно-правовая среда часто воспринимается как третий важный элемент эффективного, прозрачного и честного государственного управления, так как ясные и поддающиеся проверке правила и процедуры оставляют меньше возможностей для коррупционной политики.

11. Привлечение общественности к борьбе с коррупцией. Для эффективной борьбы с коррупционными правонарушениями представляется полезным привлечение общественности и использование помощи общественных организаций.

12. Обязательное декларирование доходов государственных служащих и введение контроля за поступлением крупных сумм денежных средств.

13. Создание подразделений внутреннего расследования, которые существуют во многих правоохранительных и других ведомствах стран Стамбульского плана действий. Система внутреннего расследования позволяет оперативно выявлять факты коррупции и применять административные меры воздействия, а также передавать информацию правоохранительным органам.

Рассмотрим процесс противодействия коррупции на примере отдельных стран Центральной Азии.

Например, Правительство Таджикистана провело ряд реформ в рамках антикоррупционной политики, которые включают следующие направления:

- профилактика коррупции;
- создание Национального совета по противодействию коррупции [2, с. 130];

- усиление финансового контроля за деятельностью служащих и их доходами [2, с. 126];
- разработан и принят «Кодекс этики государственного служащего»;
- ужесточены требования к декларированию доходов и имущества служащих и членов их семей [4, с. 405].

Анализ антикоррупционной политики Таджикистана показал отсутствие инновационных мер по борьбе с коррупционными правонарушениями. В результате данные меры носят общий превентивный характер.

В отличие от Таджикистана достаточно обширная антикоррупционная политика проводится Казахстаном. Нормативную базу борьбы с коррупцией там составляет Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.12.2020 г.) и Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015–2025 годы».

Основными направлениями противодействия коррупции являются:

1. Антикоррупционное воспитание и образование.
2. Повышение правовой грамотности населения. На сегодняшний день возникает острая необходимость работы с будущим поколением, а именно студентами и школьниками, так как именно они будут формировать будущее государства. И поэтому так необходимо внедрять и использовать инструменты по формированию правильной, правосознанной культуры.
3. Усиление общественного контроля.
4. Повышение качества оказания государственных услуг и совершенствование системы государственной службы.

С целью профилактики коррупции в государственном секторе считается необходимым:

- обеспечение законности и прозрачности процесса управления и приватизации государственной собственности;

– формирование кадрового резерва государственных служащих с проверенной безупречной репутацией;

– обеспечение достойного уровня жизни государственных служащих, бюджетных работников.

5. Повышение открытости и прозрачности, подотчетности перед обществом и государством государственных служащих.

6. Обеспечение прозрачности деятельности правоохранительных и судебных органов.

7. Совершенствование антикоррупционного законодательства [3, с. 89].

Таким образом, в странах Центральной Азии антикоррупционные меры требуют особого внимания и должны рассматриваться наряду с другими злободневными проблемами. Среди всей совокупности мер борьбы с коррупцией в данном регионе следует выделить:

– психологические меры, направленные на выявление скрытых психических проявлений;

– автоматизацию и расширение электронного документооборота;

– повышение уровня правового воспитания и правовой культуры служащих;

– усиление внутреннего контроля;

– улучшение и конкретизацию действующего законодательства, разработку четких подходов к классификации, обеспечение более жесткой ответственности;

– расширение международного сотрудничества, перенимание опыта зарубежных стран и внедрение международных способов борьбы с коррупцией;

– повышение уровня профессионализма сотрудников государственных органов, установление жесткого контроля и периодических проверок;

– разработку мероприятий и их реализацию по повышению политической культуры населения, формирование неприятия коррупционного поведения, как самого явления, так и непосредственного участия в коррупционных схемах.

Таким образом, борьба с коррупцией в странах Центральной Азии – это задача особой важности. От успехов ее решения зависит экономическая безопасность государств, состояние доходной части федерального бюджета, а также степень доверия населения системе государственных органов.

Литература

1. *Ермаханбетов Н.Б., Бекбосынов Е.Т.* Некоторые аспекты борьбы с коррупцией в странах Центральной Азии (сравнительно-правовой анализ) // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. – 2016. – № 3 (38). – С. 185–189.

2. *Мартыненко А.В., Давыдов Д.Г., Потапова Л.А.* К вопросу о феномене коррупции на Востоке: историко-культурный аспект // Гуманитарные науки и образование. – 2020. – Т. 11. – № 2 (42). – С. 126–131.

3. *Перевозчикова Е.А.* Рекомендации по борьбе с коррупцией: международный опыт // Modern Economy Success. – 2019. – № 1. – С. 88–92.

4. *Холоднов В.Г., Муртазин А.А.* Антикоррупция в странах Центральной Азии // Вестник научных трудов «Юристъ». По материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции. В 2-х частях / под редакцией Н.Т. Димитриевой [и др.]. – 2020. – С. 405–411.

Деятельность Талибана в Афганистане: захват власти и угроза для Российской Федерации

Елькина А.С.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Аннотация. В данной статье проанализировано одно из самых резонансных событий 2021 года – захват власти в Афганистане исламским террористическим движением «Талибан». Выявлены гипотетические угрозы для России, в частности угроза роста динамики наркотрафика, а также представлен логически обоснованный подход к их устранению.

Ключевые слова: терроризм, Афганистан, наркотрафик, захват власти, Талибан.

Деятельность террористических организаций все время находится под пристальным вниманием международного сообщества, что обусловлено соответствующим характером подобных действий: масштабностью; глобальностью; угрозой и огромной разрушительной силой не только для обособленного государства, но и для всего мира в целом.

В связи с этим рассмотрение ситуаций, обострившихся вследствие деятельности террористических движений, представляется актуальным, так как именно благодаря тщательно проведенному анализу удастся дать последующий прогноз развития событий, а также изучить произошедшее с точки зрения угрозы для Российской Федерации (далее – РФ).

Так, одним из последних событий стало обострение ситуации в Афганистане: захват власти движением «Талибан», вывод американских войск из государства и последующий хаос, распространившийся повсеместно [6]. Средства массовой информации (далее – СМИ) буквально «кипят» видеороликами и новостными сводками, где сотни афганских жителей пытаются зацепиться за шасси самолета, чтобы

покинуть страну. Напомним, 15 августа 2021 года Кабул перешел под власть Талибана, президент Афганистана Ашраф Гани покинул страну. Талибы заявили, что считают войну завершённой, а власть, с точки зрения боевиков, полностью перешла в их руки [4].

Насильственный захват власти не смог не породить целый ряд вопросов для РФ:

- существует ли гипотетическая угроза для России;
- возможно ли дальнейшее поддержание дипломатических отношений с Афганистаном;
- следует ли признать власть талибов легитимной;
- есть ли необходимость сдерживания распространения идеи «исламского государства» на близлежащие территории.

Итак, в ходе брифинга 09.09.2021 официальный представитель МИД РФ Мария Захарова сообщила о поддержании рабочих отношений с радикальным движением, однако проведение каких-либо переговоров иного характера пока не предвещается. Более того, российской стороной было заявлено о готовности признания нового правительства Афганистана при условии инклюзивности [3].

Немного ранее спецпредставитель президента РФ по Афганистану Замир Кабулов в эфире одного из телеканалов упомянул, что талибы проявляют даже большую договороспособность, нежели предыдущее правительство.

Помимо этого, есть уверенность в соблюдении талибами договоренности относительно ненападения последними на близлежащие к Афганистану страны [1]. Данную информацию также подтвердил лидер Российского союза ветеранов Афганистана Франц Клинецвич в своем интервью. Следовательно, предпринимать пока какие-либо действия нет необходимости, но в случае ее появления, Россия будет готова защитить границы Узбекистана, Таджикистана и иных стран Центральной Азии.

К сожалению, пока имеется возможность прослеживать позицию РФ в основном только через СМИ и также через мнения отдельных

представителей политической власти. Многие из них указывают на появление такой угрозы для России, как повышение уровня активности наркотрафика, с чем тяжело не согласиться. Однако член Совета по внешней и оборонной политике Александр Михайлов указанной позиции не разделяет, а, наоборот, уверен в возможном резком сокращении уровня наркотрафика, обосновывая это тем, что талибы – противники наркотиков [4].

Представленная точка зрения выступает достаточно спорной – многие источники научной информации свидетельствуют об обратном. По оценке ООН, в 1997 году подконтрольные Талибану территории давали 96 % афганского опиума. Позднее был введен запрет на выращивание мака, однако к 2003 году культивирование продолжилось в еще больших масштабах [2, с. 82], что свидетельствует о стратегической цели введенного запрета – занятие более выигрышной позиции для переговоров с ООН, а не забота о населении и здравоохранении. Учитывая, что талибы нарушили указанную договоренность, нельзя с уверенностью говорить о соблюдении ими обещания относительно ненападения на соседние государства.

Данную позицию поддерживают в своих исследованиях большое количество ученых. Так, например, К. Матин-уд-дин, анализируя различные сценарии развития событий, указывал на возникновение патовой ситуаций в результате войны и победы Талибана еще до событий 2021 года, а «безразличие Запада, вызванное намерением договориться с талибами, стало гарантом того, что наркотики продолжают играть господствующую роль в афганской политике благодаря своей способности приносить деньги» [5, с. 128].

Таким образом, признать истинной позицию, согласно которой приход Талибана к власти будет способствовать снижению уровня наркотрафика, достаточно проблематично.

По нашему мнению, угроза распространения и культивирования наркотических веществ является вполне реальной для РФ. Несмотря на то, что данное утверждение не соответствует информации,

содержащейся в СМИ, где большинство новостных сводок указывает на отсутствие какой-либо явной угрозы для России вследствие прихода к власти талибов, научные источники насыщены фактами игнорирования последними запрета наркотиков.

На основании этого можно прийти к выводу, что позиция РФ в данном вопросе (настаивание на отсутствии явной угрозы) основана на поддержании сохранности дипломатических отношений с международным сообществом. На данном этапе это представляется вполне логичным, однако в дальнейшем может привести к активному повышению уровня наркотрафика (в случае окончательного перехода власти к Талибану). Одним из возможных способов разрешения данной проблемы может выступать тщательный мониторинг и анализ ситуации на рынке наркоторговли, и в случае повышения активности – занятие более жесткой позиции в отношении признания нового правительства в Афганистане.

Литература

1. *Бережная А.* МИД России потребовал от талибов выполнения обещаний / Анжелика Бережная // Политика: Мир: Lenta. RU, 20.09.2021. – URL: https://lenta.ru/news/2021/09/20/talib_russia/ (дата обращения: 20.09.2021).

2. Доклад за 2003 год: Международный комитет по контролю за наркотиками // Доклады Международного комитета по контролю над наркотиками, опубликованные в 2003 году, ООН.

3. *Тельманов Д.* «Там, где будет бессилён Лавров, проблему решит Шойгу». Эксперты рассказали, чем захват талибами власти в Афганистане грозит России / Денис Тельманов, Валентин Логинов // Газета. RU, 17.08.2021, 09:07. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/16_a_13885220.shtml?updated (дата обращения: 20.09.2021).

4. *Свидригайлов Г.* Россия поддерживает рабочие контакты с талибами через посольство в Кабуле / Геннадий Свидригайлов // Газета.

RU, 09.09.2021, 17:49. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/09/09/n_16508024.shtml (дата обращения: 20.09.2021).

5. *Фурсов К.А.* 2004. 01. 039-040. Талибы, наркоторговля и борьба за власть в Афганистане в 1989–2002 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2004. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-01-039-040-taliby-narkotorgovlya-i-borba-za-vlast-v-afganistane-v-1989-2002-gg> (дата обращения: 20.09.2021).

6. *Secunder K.* Afghanistan: Life under Taliban rule one month on / Kermani Secunder // BBC News, Mazar-i-Sharif, 17.09.2021. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58550640> (дата обращения: 20.09.2021).

Проблема безопасности в регионе Центральной Азии

Ниязова С.А.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Раскрываются угрозы, существующие в регионе Центральной Азии, охарактеризованы основные трудности политического транзита, приведены интеграционные события и внутривнутриполитические сдвиги в Центрально-Азиатском регионе.

Ключевые слова: государства, безопасность, риски, политический процесс.

ЦАР входит в сферу национальных интересов внерегиональных акторов, например, России, и очень для нее важен. С начала XXI века регион Центральной Азии представляет собой систему безопасности, которая все еще остается аморфной, подверженной большому количеству негативных факторов, разрушающих ее основы. Судьба ЦАР проблематична. Она напрямую зависит и от внешних факторов, и от

внутриполитической стабильности государств региона, и от степени интеграционных процессов на территории ЦАР.

В настоящее время можно говорить о ряде угроз для стран данного региона. К ним мы можем отнести терроризм, экстремизм, нарко-трафик и их перевоз и миграция. Также не нужно забывать о таких угрозах, как увеличение направлений сепаратизма, межнациональные и этноконфессиональные столкновения и противоречия, этнорегионализм, отсутствие усовершенствования механизма управления, экономический кризис, проблемы энергетической и экологической безопасности, ситуация в Афганистане. В последнее время эксперты выделяют и угрозу политической нестабильности в ЦАР выраженная в смене политического руководства (Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан). Однако, к счастью, к настоящему времени региону ЦАР удалось исключить негативные последствия смены руководства.

Политический курс, вопросы территориальной безопасности и экономика Узбекистана остались такими же и при новом президенте Ш. Мирзиёеве. Конечно, при всем этом трудности переходного периода политических верхушек имеют свои трудности. Например, Таджикистан делает упор на более «ограничительную политику». Туркменистан придерживается постепенных и осторожных публичных перемен, но при этом повышается финансовая непостоянность. Фактически бюджет Туркмении функционирует в отсутствие дохода от продажи за границу газа, что в целом осложняет и без того трудную экономическую ситуацию.

В Республике Казахстан в 2020 году прошли не только президентские выборы, но и выборы в парламент.

2019 год для государств ЦАР также был обозначен значительными интеграционными событиями и внутриполитическими мероприятиями в каждой из 5 государств. Именно в этом году проводились встречи президентов стран в рамках организаций международного уровня и интеграционных структур (СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ).

Таким образом, из выше сказанного можно сделать вывод, что у стран региона исторические, культурные, родственные связи, и они идеально подходят для создания интеграционного объединения, у которого есть возможность не только стать большим региональным участником, но и вести диалог с крупными игроками на одном уровне. Формирование и появление региональных связей будет давать возможность не только объединяться, но и помогать друг другу решать проблемы и угрозы, возникшие в регионе, быть друзьями и партнерами.

Литература

1. *Бекешев Д.* Депутат Жогорку Кенеша (парламента Кыргызстана) в Бишкеке. – URL: http://central.asianews.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/02/22/feature-01.

2. Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. – Братислава, 2005. – URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/central_asia_2005.pdf.

3. *Зайцева Е.А.* Центральная Азия: конкуренция или сотрудничество. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-bezopasnostitsentralno-aziatskogo-regiona-na-sovremennom-etape-osuschestvleniya-regionalnogo-sotrudnichestva/viewer>.

4. Мирзиёев видит своей главной задачей продолжение курса Ислама Каримова. – Sputnik Узбекистан, 2016. – URL: <https://ru.sputniknewsuz.com/politics/20160909/3679294.html>.

5. *Сатпаев Д.* Терроризм в Центральной Азии: реальность и перспективы // Саясат. – 2008. – № 12. – С. 16.

6. *Шоберлейн Д.* Укрепление стабильности в Центральной Азии // Труды Международной конференции «Содействие стабильности в Центральной Азии». – Ташкент, 2000. – С. 57.

Экстремизм и антиэкстремизм: факторы эволюции и проблемы противодействия

Грачев С.И., Иванов Н.А.

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Аннотация. Указаны факторы распространения экстремизма и вербовки новых членов в деструктивные формирования. Рассмотрены последствия использования фактора толерантности в управлении конфликтностью в российских регионах. Делается вывод о малом социальном эффекте концепции мультикультурализма, активизации мировоззренческих детерминант в развитии антиэкстремистских ценностей, указаны меры по формированию гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей у молодых людей.

Ключевые слова: экстремизм, деструктивная деятельность, идеология, мировоззрение, толерантность, противодействие.

Экстремизм – явление многофакторное, возникает и развивается в определенных политических, экономических, социальных и иных условиях. Детализация факторного комплекса деструктивной деятельности необходима для осуществления комплексного подхода при предупреждении угроз экстремистского характера и противодействии им.

Современный мир в очередной раз, но уже с большей долей агрессивности, столкнулся с опасностью в лице экстремизма, терроризма и целого ряда действий деструктивно характера. Противодействие данным угрозам является одной из основных задач государственных и политических структур, общественных институтов, научного потенциала современного государства.

Падение авторитета власти, поверхностное знание основных положений и регламентов, несправедливость в деятельности системы правосудия, коррупционный фактор и кумовство при назначении на

должности, нарушение прав человека и гражданина, слабая (зачастую формальная) воспитательная работа среди молодежи являются благоприятными факторами для распространения экстремизма и вербовки новых членов в деструктивные формирования [1, с. 256]. Это побуждает молодых людей к использованию деструктивных форм в политических баталиях, «направляя» их в пространство экстремистских идеологий и радикальных методов отстаивания интересов.

Не стоит перечислять весь спектр конфликтов среди молодежи начала XXI века, имеющих этнонациональную основу. Выделим лишь события в с. Курманаево (Татарстан), которые произошли, в том числе, и в результате непрофессионализма, халатности и бездействия представителей администрации и правоохранительных органов, не предупредивших антиобщественные проявления. В частности: «Попытки “вразумить” переселенцев немедленно пресекались чиновниками и полицией, встававшими на сторону мигрантов. После отъезда полиции молодые таджики шли бить тех, кто посмел пожаловаться. Как только татарские парни объединялись для отпора, в полицию звонили приезжие. Полиция занимала сторону мигрантов, укоряя местных в «нетолерантности» [2]. Кстати, одной из причин массовых беспорядков в г. Нурлат летом того же года, явился также фактор толерантности [3], который весьма активно применяется по делу и без дела, зачастую не отражая истинность данного понятия и действия. В данном контексте уместно замечание российского публициста Чудиновой Е.П.: «...толерантность же и закон – две вещи несовместимые. Перед законом все равны. Перед толерантностью некоторые равнее других... Сегодня толерантность служит дымовой завесой для процессов экспансии, поражает недоверие к суду, провоцирует акты самосуда» [4, С. 99–101]. На наш взгляд, следует изымать на всех уровнях общения данный термин, ибо его уже трактуют как «терпимость ко всему», а значит и деструктивной деятельности. В языках россиян были и остаются прекрасные слова: уважать, признавать, почитать, любить... Они исторически

устоялись и живы в лексиконе всех народов, населявших Российскую империю, СССР, проживающих в современной России.

Кстати, и мультикультурализм как один из аспектов толерантности показал свою несостоятельность. Так, ряд лидеров европейских стран (Д. Кэмерон, Н. Саркози) отметили, что считают политику мультикультурализма в своих странах не состоявшейся, а канцлер ФРГ А. Меркель заявила, что «...последние годы продемонстрировали полный провал концепции мультикультурализма в ее стране» [5]. Следует также отметить несостоятельность политики мультикультурализма в России. В частности, мигранты, приезжающие в Россию, не озабочены вопросом вливания в российскую идентичность, культуру, не хотят изучать язык страны, национальные языки регионов пребывания.

И далее: незаконная коммерческая деятельность, коррупционный подкуп должностных лиц и как продолжение – информационно-психологическое давление на чиновников, проникновение в органы власти с целью усиления влияния мигрантов на процесс функционирования властных структур в собственных интересах. Это перманентно обостряет социально-политическую обстановку в стране, усиливает этнические, социальные и другие противоречия. Нелегальные мигранты «питают» теневую экономику и пополняют криминальную среду, создавая национальные анклав, этнические организованные преступные формирования, иногда и вооруженные формирования (зачастую незаконные), с целью поддержания порядка и якобы для защиты себя и своих земляков от нападений и иных физических воздействий.

Мотивационной основой экстремистской деятельности является идеология. Наиболее уязвимы в мировоззренческом отношении были и остаются молодые люди, чему способствуют: «...высокий жизненный тонус, завышенные амбиции, желание “восстановить справедливость”, максимализм, бескомпромиссность и идеализм...». Именно экстремистская идеология формирует из обывателя фанатика идеи, ради которой он готов совершать любые преступления, будучи при этом убежденным в полной своей правоте [1, с. 257]. Таким образом,

идеологический компонент экстремизма является базисным. Соответственно, базовыми элементами в системе антиэкстремизма также должны выступать мировоззренческие детерминанты, несущие духовно-нравственные, культурные, патриотические основы...

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в одном из выступлений отмечал: «Воспитание нравственности должно стать столь же важной задачей, как и передача знаний. Однако в наше время мы наблюдаем, что образование склонны трактовать неоправданно узко, исключая из него воспитательный момент» [6, с. 62–63].

И, действительно, современная российская система образования не занимается в должной мере вопросами морально-нравственного и культурного воспитания молодежи. Хотя одним из основных компонентов в формировании гражданского самосознания личности, да и в системе противодействия идеологии деструктивной (экстремистской) деятельности всегда выступал постоянно действующий союз образования и воспитания.

Приведем еще слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Сегодня, к сожалению, и средствами массовой информации закладывается вместо системы ценностей, система антиценностей. Благополучие общества во многом зависит от того, основывается ли информирование зрителя, читателя, слушателя на заботе о нравственном состоянии личности и общества, раскрываются ли положительные идеалы в СМИ, присутствует ли в них осуждение порока и зла» [6, с. 62–63]. Не будем подвергать анализу весь спектр передач центральных каналов российского телевидения, ибо порок и зло там гости обычные. Приведем пример: летом сего года на первом канале российского ТВ весьма успешно (судя по реакции ведущего) дебютировала Клава Кока (утверждают, что она известная ныне певица), с песней, где есть слова: «Я твой личный маньяк, я тебя придушу...». Морально?! Нравственно?! Патриотично?! Судя по всему, Росляков в Керчи, Галявиев в Казани, Бекмансуров в Перми и совершали убийства в режиме процитированного выше. Все убеждают, что

«колумбайн» пришел в Россию. Соответственно, разочарования и претензии, выплескивают в социальные сети, а потом в реальный мир.

Что делать? Правительство России в текущем году выделяет Институту развития интернета 10 млрд рублей на развитие 200 интернет-проектов, для производства до 31 декабря 2021 года «государственного контента», направленного на «формирование гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей среди молодежи». Проектами заинтересовались и, скорее всего, будут исполнять «Газпром-Медиа», Национальная Медиа Группа, ВГТРК, RT, «Яндекс» и другие «крупные игроки рынка». Конечно же, будет произведен дорогой и красивый продукт. На презентациях и в правительственных кругах оценят: современно, патриотично, исторично, молодежно. А далее – масса вопросов. Ибо воспитательный процесс должен постоянно развиваться и трансформироваться, а не оставаться в рамках продукта, выполненного ускоренными темпами за три месяца и все. Сравнительно немного молодых людей смотрят государственное телевидение. Эффективнее бы было использовать часть средств для создания продукта через возможности региональных вузов. Практически во всех университетах имеется хорошая техника, есть профессионалы высочайшего уровня, которые достойно изготовили бы интернет-проекты, учитывая специфику региона и студенческий контингент университета.

Руководители государства, лидеры политических партий и общественных объединений утверждают, что у молодежи должны быть «гражданская идентичность» и «духовно-нравственные ценности». Несомненно. Но это все должно быть и у них, и, несомненно, у ближайшего окружения лидера. Гражданская идентичность именно так и формируется. Слуги народа должны жить среди народа, лечиться в тех же поликлиниках, учиться в тех же вузах и школах. Иначе виртуальная реальность может предложить и обозначить только виртуальный патриотизм.

Что можно противопоставить экстремистской идеологии? Следует постоянно, а не разово, развивать и укоренять анти экстре-

мистское мышление у граждан. Следует предупреждать правовой нигилизм и «тормозить» дальнейший нравственно-духовный упадок. Запретить трансляцию и пропаганду безнравственности, жестокости и насилия в СМИ и массовой культуре. Все это может послужить барьером на пути дальнейшего проникновения экстремистской (деструктивной) идеологии в массовое сознание. Данного рода деятельность требует постоянной трансформации в законодательстве и практике противодействия экстремизму. Соответственно, этой работой должны заниматься научные работники-эксперты, подготовленные сотрудники правоохранительных органов, представители общественных объединений под руководством властных органов государства.

Литература

1. *Грачев С.И.* «Государство, власть, общественные институты в системе противодействия экстремизму». Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов: монография / под общ. ред. М.И. Рыхтика, А.Н. Фортунатова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. – 329 с.
2. Татары против таджиков. – URL: <http://begemot-0007.livejournal.com/687832.html> (дата обращения: 29.06.2017).
3. Суд расформировал «Автороту». Участники массовых беспорядков в Нурлате получили сроки колонии. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2719094> (дата обращения: 13.10.2020).
4. *Чудинова Е.П.* Похищение Европы. Исламизация и капкан толерантности / Елена Чудинова. – М.: Вече, 2012. – 288 с.
5. Меркель заявила о провале мультикультурализма. – URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed (дата обращения: 21.07.2021).
6. *Павлинов А.В., Быба А.И.* Правовая школа по профилактике экстремизма среди молодежи. Владимирский опыт: вопросы и ответы / под общ. ред. В.Ю. Картухина. – Владимир, 2010. – 101 с.

Технологии и опыт ресоциализации женщин, состоявших в экстремистских организациях

*Шибанова Н.А., Махмутова Р.Г., Храмова Е.В.
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В статье рассматриваются причины вовлечения женщин в экстремистские организации, отечественные и зарубежные практики по ресоциализации таких женщин.

Ключевые слова: гендер, радикализация, ресоциализация, конфликт, экстремизм, терроризм.

Проблема ресоциализации женщин является актуальной во многих странах мира. Женщины все больше вовлекаются в экстремистскую деятельность, выполняя широкий ряд функций (жена мужа-боевика, вынашивание и воспитание детей для будущего «Халифата», служба в органах полиции, здравоохранения, образования, вербовка новых членов организаций). Согласно данным ООН, с 2012 года в общем притоке иностранных боевиков и сторонников, примкнувших к рядам Исламского государства (запрещенная в России террористическая организация) в Ираке и Сирии, отмечается возросшее количество женщин. В целом этот показатель колеблется в среднем от 15 до 20 %, для отдельных стран он составляет 30 % [1, с. 3].

Необходимыми условиями эффективной ресоциализации являются знание причин и мотивов вступления женщин в экстремистские организации, понимание государственными органами важности данной проблемы, поддержка программ со стороны гражданского общества.

Современные отечественные и зарубежные исследователи выделяют следующие группы факторов, влияющие на вовлечение в террористическую деятельность: психологические, личностные, социальные, экономические, религиозные и политические [2, с. 100]. Рассмо-

трим основные причины вовлечения женщин в экстремистские организации:

1. Бедность, женская безработица, социальная уязвимость женщин. Часто это приводит к тому, что женщины попадают в зависимость от экстремистских организаций, которые на первом этапе оказывают женщинам, попавшим в сложную жизненную ситуацию, помощь различного характера, а затем используют их в своих целях.

2. Психологические особенности женщин (альтруизм, жертвенность, внушаемость, слабо выраженная личная идентичность, потеря самоуважения и уверенности в себе). Отдельно выделяется стремление к лидерству – такие женщины добровольно вступают в экстремистские организации с целью удовлетворить свою потребность во власти и лидерстве.

3. Желание выйти замуж по различным причинам: стремление легализовать сексуальные отношения, соответствовать желанию семьи, через брак с боевиком смыть грехи.

4. Полная зависимость от семьи, прежде всего отца или мужа, перманентное нарушение прав женщин. Часто причиной служит домашнее насилие, отсутствие у женщин экономических, образовательных, политических возможностей [1, с. 3–9; 3, с. 3–4].

5. Недостаточное религиозное образование женщин. С помощью методов пропаганды и манипуляций происходит героизация членов экстремистских и террористических организаций в псевдоисламском русле. Женщины с пробелами в религиозном образовании могут попасться на этот «крючок» и пытаться следовать их примеру с целью попасть в рай.

6. Осуждение и отсутствие поддержки жен, сестер, матерей, дочерей боевиков, примкнувших к экстремистским и террористическим организациям, со стороны местного сообщества и органов власти вынуждают женщин присоединиться к радикализированным мужчинам [4, с. 6].

7. Дискриминация по религиозному, этническому, гендерному или иному основанию. Переживание изоляции в современном обществе.

Таким образом, радикализация женщин есть или способ разрешения конфликта (внутриличностного, межличностного, с группой), или результат, последствие конфликтов, в основе которых чаще всего лежит стремление удовлетворить базовые физические потребности, потребности в безопасности, в принадлежности [5], реже – потребности в самореализации и признании. К сожалению, остается констатировать, что данный способ разрешения конфликта, напротив, приводит к еще большей фрустрации данных потребностей. Важно понимать, что технологии ресоциализации должны содержать компонент, направленный на реализацию фрустрируемых потребностей иными, конструктивными, социально одобряемыми методами.

Международные организации, в том числе ОБСЕ, ООН, указывают на необходимость разработки индивидуальной программы ресоциализации с учетом конкретного опыта, мотивов вступления женщин в экстремистские и террористические организации, а так же привлечения женщин в процесс ресоциализации женщин, так как они обладают уникальным потенциалом и их участие повышает возможность успешной ресоциализации. «Для обеспечения эффективности мер, направленных на отказ от идей насильственного экстремизма, реабилитацию и реинтеграцию, необходимо учитывать гендерные факторы и разнообразный опыт, а также конкретные препятствия и проблемы, с которыми могут сталкиваться женщины и девочки» [4, с. 8–9; 6, с. 117].

Международный опыт свидетельствует об эффективности следующих направлений в рамках ресоциализации женщин.

Преодоление стигматизации женщин из-за их связи с экстремистами, предположений о том, что они подверглась сексуальному насилию, и опасений возможной мести. Важно не допустить стигматизацию женщин и семей «как угрозу безопасности, а не людей и семьи с потребностями и правами», что подрывает «гарантии равенства и недискриминации как внутри семей, так и между ними» [7, с. 18]. Такое

стигматизирование, в свою очередь, поддерживает спираль насилия и дискриминации и мешает женщинам вернуться в общество полноправными членами.

Обеспечение возможности для профессионального обучения с учетом индивидуальных интересов и навыков конкретной женщины. Это особенно важно для женщин, от которых отказались семьи и которым необходимо быть материально самостоятельными, чтобы вновь не попасть под «опеку» экстремистских организаций.

Привлечение в программы по ресоциализации женщин, в том числе женщин, имевших опыт радикализации и успешно прошедших ресоциализацию. Например, обучение в Индии, Ирландии, Нигерии, Пакистане, Йемене и других странах в рамках программ “Mothers MOVE!” (Mothers Opposed to Violent Extremism – Матери против насильственного экстремизма) и “Mothers Schools” («Школы матерей»), когда в домашних семинарах участвуют матери из общин, находящихся в зонах риска. В Марокко более 10 лет реализуется программа обучения женщин – религиозных лидеров работе в качестве наставников членов общины. Женщины-проповедники, называемые «муршидат», поддерживают религиозную сдержанность и терпимости с целью ограничения насильственного экстремизма, работая в мечетях, общинах и тюрьмах [8, с. 239–240].

Соблюдение прав женщин, создание эффективных механизмов обеспечения уязвимых женщин необходимыми социальными услугами (трудоустройство, предоставление жилья, правовая и социальная помощь).

В программы ресоциализации должны вовлекаться специалисты разных сфер. При этом, как отмечают международные организации, важно, чтобы работники социальной сферы (работники органов по делам молодежи, социальные работники, сотрудники психиатрических служб, преподаватели и медики) осуществляли свою деятельность, сохраняя профессиональную и нравственную ответственность [7, с. 18], т. е. воспринимая подопечных как нуждающихся в помощи, а не как

источник угрозы. Мероприятия могут иметь как индивидуальный, так и групповой форматы.

Широкую признательность международной общественности получила серия операций «Жусан», «Мехр» по репатриации и ресоциализации прежде всего женщин и детей – выходцев из стран Центральной Азии – в рамках социального партнерства. Вывезенные женщины и дети размещаются в уникальном реабилитационном центре, в котором в течение первых 30 суток после возвращения в Казахстан проводится комплексная работа по возвращению их на путь к мирной жизни. В этой работе принимают участие самый широкий круг специалистов: медики, психологи, теологи, религиоведы, педагоги, воспитатели, репатриантам восстанавливают документы, проводятся исследования их опыта. При этом наблюдение за ними продолжается и после карантинного периода. Директор павлодарского Центра анализа и развития межконфессиональных отношений Г. Раздыкова выделяет три основных направления работы центра:

- 1) самоактуализация женщин (проведение психологических тренингов с целью помочь осознать, почему они попали в сети вербовщиков, и выработать новую модель поведения и ответственность за поступки);

- 2) изучение традиционного ислама;

- 3) социальная адаптация, профессиональная ориентация и формирование жизненных навыков.

Эффективность программы подтверждают ее результаты – 95 % возвращенных женщин отказались от экстремистских убеждений, 20 женщин привлечены к уголовной ответственности как боевики [9]. Программа получила масштабирование, но при этом важно понимать, что ее эффективность зависит не только от профессионализма специалистов, но и от финансирования, конструктивного межсекторного взаимодействия, а также от понимания и признания необходимости подобных программ со стороны всего общества.

Литература

1. Женщины и насильственный экстремизм в странах Европы и центральной Азии. Краткие выводы и рекомендации. 2017. ООН-женщины. – URL: <https://eca.unwomen.org/ru/digital-library/publications/2017/10/women-and-violent-extremism-in-europe-and-central-asia>.

2. Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания // Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. – № 3. – С. 97–107.

3. Краткий информационный документ № 1. Женщины, вовлеченные в насильственный экстремизм. – URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2019/07/Policy-paper-1-on-women-in-extremism.pdf>.

4. Женщины и радикализация в террористических целях. Заключительный отчет. ОБСЕ. – Вена, 2013. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/6/99994.pdf>.

5. Джули Аростегуи Ле Мастер. А как насчет женщин // per Concordiam. 22 ноября, 2017. – URL: [https://perconcordiam.com/ru/ %d0%b0-%d0%ba%d0%b0% d0%ba-%d0%bd%d0%b0%d1%81%d1%87%d0%b5%d1%82-%d0%b6%d0%b5%d0%bd%d1%89%d0%b8%d0%bd/](https://perconcordiam.com/ru/%d0%b0-%d0%ba%d0%b0% d0%ba-%d0%bd%d0%b0%d1%81%d1%87%d0%b5%d1%82-%d0%b6%d0%b5%d0%bd%d1%89%d0%b8%d0%bd/).

6. Руководство по гендерным аспектам мер борьбы с терроризмом в рамках уголовного правосудия. Организация объединенных наций. – Вена, 2019. – URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/GENDER/19-01530_R_ebook.pdf.

7. Финнуала Ни Илойн. Влияние политики и практики борьбы с терроризмом и (насильственным) экстремизмом на права женщин и девочек и семью в аспекте прав человека // Генеральная Ассамблея ООН. 22 января 2021. – URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/A_HRC_46_36_R.pdf.

8. Борьба с насильственным экстремизмом и уважение прав и независимости женщин и их общин // ООН женщины. – URL: https://wps.unwomen.org/pdf/ru/RU_CH09.pdf.

9. О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе

с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов. – URL: [https:// www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf](https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf).

10. *Бондал К.* Казахские женщины, репатриированные из Ирака и Сирии, строят карьеру на родине // Caravanserai. 26 июля 2021. – URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2021/07/26/feature-01.

Межэтнические и межклановые противоречия как факторы нестабильности в государствах Центральной Азии

Богданов Л.А.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается проблема межэтнических и межклановых противоречий, которая является одной из угроз безопасности и препятствием для развития стран Центральной Азии. Значимость данной проблемы заключается в том, что в условиях этнического разнообразия в государствах ЦА конфликты на данной почве приводят к нестабильности политической системы и гражданского общества.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, клановость, Центральная Азия, нестабильность, национальные меньшинства, титульные нации.

На сегодняшний день Центральная Азия является отдельным регионом, обладающим важным стратегическим положением в Евразийском пространстве. Тем не менее государства Центрально-Азиатского региона до сих пор рассматриваются ключевыми международными игроками как «нестабильные». Одной из причин такого статуса является их конфликтный потенциал, связанный с межэтническими проблемами и клановостью как феноменом внутривнутриполитической жизни.

«Конструирование» границ центральноазиатских республик в советский период сыграло серьезную дестабилизирующую роль в межэтнических отношениях в них и продолжает представлять серьезную угрозу политической стабильности. Наиболее заметными в этой области были и остаются противоречия между Казахстаном – Узбекистаном, Кыргызстаном – Узбекистаном, Таджикистаном – Узбекистаном. В частности, несмотря на произведенную делимитацию большей части совместной границы между Кыргызстаном и Узбекистаном, существуют от 70 до 100 спорных участков, по которым до сих пор не достигнуто соглашение [4].

Конфликты происходят на основе противоречий между этническими меньшинствами и титульными нациями, так как внутри каждой страны данного региона присутствует доля населения, этнически принадлежащего к соседним государствам. Так, основными этническими группами в Казахстане являются казахи – 70 %, русские – 20 %, узбеки – 3,5%. Если говорить о Кыргызстане, то на июль 2019 года по данным НацСтатКома этническая картина КР выглядит следующим образом: 73,5 % – кыргызы, 14,7 % – узбеки, 5,5 % населения – русские, 1,1 % населения – дунгане, 0,9 % населения – уйгуры, таджики и другие национальности [2].

Следует отметить, что этнические конфликты чаще всего возникаю в приграничных районах не только как территориальные споры (Ферганская долина, Ходжентская область), но и вследствие национальной политики центральной власти, направленной на продвижение культуры и языка титульного народа в ущерб этническим меньшинствам. Более того, этнические столкновения рассматриваются как попытка противопоставления государственной власти, открытый бунт [2].

В марте 2019 года на границе Таджикистана и Кыргызстана произошел очередной конфликт после столкновения жителей приграничных сел. В результате несколько человек были убиты, более 40 получили ранения. Это не первый конфликт в этом регионе. Основной причиной всех споров остается неопределенность линии государственной

границы. Возникла довольно странная ситуация, когда, например, большинство стран Центральной Азии, войдя в Шанхайскую организацию сотрудничества, смогли решить свои пограничные проблемы с тем же Китаем, а границы внутри региона превратили в перманентный источник напряжения. Одной из причин является наличие нескольких анклавов в регионе.

Национальный вопрос затрагивает и Казахстан – страну, основу национальной политики в которой проводили под декларированием многоэтничности и многоконфессиональности. В феврале 2020 года в Жамбылской области на юго-востоке страны произошли столкновения между казахами и дунганами, а в июле 2020 года в селе Шорнак в Туркестанской области, где проживают узбеки и казахи, произошел конфликт, в результате которого были задержаны более 80 человек. Власти поспешили заявить о том, что конфликт носит «бытовой» характер [3]. Все это является проявлениями бытового национализма, от которого казахские власти пытаются абстрагироваться. Деятельность движений «активистов», которые разжигают межнациональную рознь, в отдельных случаях протекает беспрепятственно. Например, движение Куата Ахметова, которое устраивает «языковые рейды» против использования русского языка, закрепленного в конституции Казахстана в качестве официального. Некоторые из «рейдов» протекают крайне нелицеприятно, провоцируя владельцев заведений, в которых используется русский язык, на конфликт. Все это, в свою очередь, провоцирует русских националистов, что только подливает масла в огонь. Даурен Абаев, первый заместитель руководителя администрации президента Казахстана, 12 августа в телеинтервью ограничился лишь порицанием в адрес подобных активистов, заявив, что они не имеют ничего общего с правительственными программами по продвижению казахского языка [5].

Примечательно то, как различные общественные и правозащитные организации сталкиваются с препятствиями со стороны государства. В этой связи ярким примером попыток «замалчивания» является

признанное незаконным Комитетом ООН по правам человека заключение правозащитника Аскаророва Киргизскими властями. Аскароров был арестован при документировании нарушений прав человека во время межэтнического конфликта, произошедшего в Кыргызстане в 2010 году. В июле 2020 года правозащитник скончался в тюрьме, отбывая на тот момент пожизненное заключение в течение 10 лет [3].

Важную роль в разрешении межэтнических конфликтов играет то, как СМИ преподносят конфликты на национальной почве. Отражение этнических меньшинств в качестве угрозы не только не способствует разрешению конфликта, но, напротив, служит почвой для его эскалации.

Среди главных проблем возникновения конфликтов на национальной почве выделяют:

- разжигание межнациональной розни в соц. сетях;
- проблемы, связанные с водопользованием различными этническими общинами внутри страны и соседними странами (например, проблемы вокруг ирригационного канала Кадамжайского района на границе с Узбекистаном);
- безработица, религиозный экстремизм;
- политические игры отдельных политиков или политических партий [3].

Особенно конфликтогенным является резкое понижение уровня жизни населения и социальное расслоение по этническим признакам. Так, в районах компактного проживания моноэтнического населения с отличающейся от окружающих культурой и низким уровнем жизни, при высокой степени отчуждения от коренного населения, происходит отождествление социального неравенства с этнической дискриминацией. Как следствие, протест против низкого уровня жизни приобретает окраску межэтнического конфликта. Причем этническая составляющая приобретает решающую роль не столько для участников акций, сколько для стороннего наблюдателя. Тем не менее

протестующие могут использовать этот акцент в свою пользу, привлекая таким образом внимание [4].

К причинам возникновения межнациональных напряжений и конфликтов в условиях суверенизации центральноазиатских государств следует в первую очередь отнести неумелую этнополитику, а также социально-экономические факторы внутригосударственного характера. Государство, прежде всего, является главным инструментом распределения и перераспределения «рынка привилегий» и зачастую становится главным источником конфликтности в межнациональных отношениях, поскольку распределение привилегий неизбежно принимает этническую окраску [4].

В некоторых случаях органы власти отстранены от повседневных проблем и реалий местных жителей в силу личных родственных обязательств или влияния на них высокостатусных общин. Это делает межклановость еще одним фактором нестабильности в государствах Центральной Азии.

Для государств региона характерен гибридный политический режим, в рамках которого твердо укрепился принцип клановости. К примеру, в Киргизии формально политика выглядит так, что в стране есть власть и оппозиция, политические партии и их различные программы, есть конкурентные выборы. В реальности каждая партия – это фасад определенной группы, сформировавшейся вокруг авторитетных лидеров и объединенной земляческими, родственными и другими неформальными связями. При Курманбеке Бакиеве занимали основные должности и аккумулировали денежные потоки его ставленники, преимущественно южане. После прихода к власти в 2011 году Алмазбека Атамбаева, выходца из северной Чуйской области, маятник качнулся в другую сторону. В 2019 году Атамбаев и его соратники были арестованы предположительно с санкции Сооронбая Жээнбекова, представлявшего интересы южных кланов. Примечательно, что до конфликта Атамбаев и Жээнбеков были соратниками, хотя представляли разные политические силы. Таким образом, борьба за власть в стране идет

между северными и южными политическими элитами (кланами), что создает в стране нестабильность.

По данным Фонда мира, «Индекса несостоявшихся (хрупких) государств (сравнение идет с наиболее благополучным государством – Финляндией 178 место), государства Центральной Азии находятся:

Казахстан – 117 место (из 178 государств) – 59,8 баллов из 120;

Узбекистан – 74 место (из 178 государств) – 74 балла из 120;

Кыргызстан – 73 место (из 178 государств) – 73,9 баллов из 120;

Туркменистан – 90 место (из 178 государств) – 69, 1 балл из 120;

Таджикистан – 67 место (из 178 государств) – 75,5 баллов из 120 [6].

Анализируя ситуацию в ЦА, становится ясно, что главную роль в урегулировании межнациональных конфликтов играет государство. Оно же часто проводит политику, не способствующую стабилизации в регионе. Государственные институты, в свою очередь, не способны функционировать эффективно по причине межклановых противоречий, дестабилизирующих политическую систему и не позволяющих институтам гражданского общества функционировать нормально. Из чего следует вывод о том, что для успешной национальной политики странам ЦА в первую очередь следует преодолеть межклановость, которая деструктивно влияет на политическую систему стран региона. С трансформацией гибридных режимов в демократические произойдет развитие государственных институтов, через которые станет возможным проводить эффективную национальную политику.

Литература

1. *Боришполец К.С.* Межэтнические отношения и вопросы территориального размежевания в Центральной Азии. – МГИМО, 2009.

2. Межэтнические конфликты в Центральной Азии: уроки и механизмы миростроительства. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/19266>.

3. Межэтнические конфликты в Центральной Азии: о темной стороне многонационального региона. – URL: <https://www.caanetwork.org/archives/20395>.

4. Об этнополитических реалиях в центральной Азии. – URL: <https://articlekz.com/article/18455>.

5. Eurasianet. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210818/250330420.html>.

6. The Fund of Peace. – URL: <https://fragilestatesindex.org/>.

Угрозы водной безопасности региона Центральной Азии: проблемы и пути решения

Забелло О.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема активизации угроз водной безопасности региона Центральной Азии. Дается характеристика основных проблем, связанных с эксплуатацией и распределением водных ресурсов в регионе, а также факторов, влияющих на появление этих проблем. В статье выдвигаются предложения, обладающие потенциалом для регулирования вопроса водного снабжения государств региона, наряду с возможными трудностями в процессе реализации этих предложений.

Ключевые слова: водная безопасность, секторы безопасности, трансграничные реки, Центральная Азия, Новая большая игра, климатические изменения, управление ресурсами, региональная организация, интеграционное объединение, Международный фонд по спасению Арала (МФСА), Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Говоря о факторах нестабильности Центральной Азии, в связи с событиями августа 2021 года первым по степени важности на данный

момент является афганский фактор, который также тесно связан с угрозами терроризма и экстремизма, наркотрафика. Помимо этого, краеугольным остается вопрос «Новой большой игры» в регионе, куда вовлечены 3 главных актора международных отношений. Однако вопрос водной безопасности региона остается наиболее актуальным, что связано с высокой значимостью водного ресурса для энергетического снабжения стран региона и обслуживания с/х деятельности, масштабированием глобальной проблемы нехватки водных ресурсов как результата климатических изменений, климатическими особенностями региона Центральной Азии, а именно с преобладанием пустыни и полупустыни, что объясняет большую потребность в дополнительной влаге. Иными словами, перманентное состояние недостатка воды для государств региона влечет за собой такие же постоянные угрозы стабильности в социально-политической и экономической сферах, т.е. создает угрозы в других секторах безопасности. Практической реализацией подобных колебаний является конфликт в Ферганской долине, где вопросы использования водных ресурсов, а также права эксплуатации объектов на главных реках региона наряду с другими факторами приводят к прямому столкновению на этой территории.

Главные угрозы водной безопасности могут быть представлены в виде замкнутого треугольника: рост потребления, загрязнение и неравномерное, нерациональное использование водных ресурсов. На это влияет, во-первых, демографический фактор, а именно высокие темпы прироста населения, присущие государствам региона. Во-вторых, сложности, возникающие в связи с диспропорцией объема потребляемой воды и численностью населения. В-третьих, экологический фактор, в виде изменения климата в сторону потепления, что сокращает водные запасы. В-четвертых, антропологический фактор – нерациональное использование воды, что вылилось в катастрофу Аральского моря. В-пятых, устаревшие водные объекты, которые «теряют» около 15 % воды. В-шестых, международно-правовой фактор, а именно отсутствие документа, закрепляющего общие основные правила

и порядок использования водных ресурсов ЦАР. В-седьмых, политический фактор, связанный с характеристикой политического лидера и политической элиты государства и внешнеполитическим курсом страны. Так, Узбекистан до 2016 года придерживался изоляционизма, и как следствие возможность обсуждения вопроса водной безопасности региона, а также согласования общего пути решения этой проблемы сводилась к нулю. После прихода на пост президента Шавката Миромоновича Мирзиёева Узбекистан активно включился в диалог, касающийся водной проблемы.

В качестве следующей угрозы можно выделить ухудшение качества воды главных речных артерий Сырдарьи и Амударьи, что выражается в повышении уровня минерализации, содержания магния, меди, железа. Загрязненные коллекторно-дренажные воды, сбрасываемые из многочисленных коллекторов, а также загрязнение берегов различными видами отходов, сброс неочищенных сточных вод, приводящий к инфекционным заболеваниям, делают труднодоступную воду малопригодной для использования. Аральская проблема демонстрирует последствия, к которым приводит подобное неконтролируемое антропогенное воздействие.

Кризис управления водными ресурсами является главной проблемой, не позволяющей нивелировать угрозы водной безопасности региона. Активизация трудностей с распределением водных ресурсов датируется началом 90-х годов, что связано с исчезновением советской централизованной системы управления и подтверждается предыдущим тезисом.

Например, говоря о реке Сырдарья, прежде всего, кризис выражается в конфликте стран верховья реки, где формируется основной водный поток (Киргизия и Таджикистан), и низовья реки (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан). Дело в том, что реки Амударья и Сырдарья не настолько полноводны, чтобы с легкостью обеспечить бесперебойную работу ГЭС верхних стран. Для сохранения их в режиме непрерывного функционирования Киргизии и Таджикистану необходимо

в летний период сберегать воду, а в зимний – сбрасывать через турбины ГЭС. Закономерно, что нижним странам, преследующим свои интересы, вода нужна в иное полугодие, и ресурсы в водохранилищах, с их точки зрения, нужно накапливать, напротив, зимой [1]. Нацеленность на интенсивное экономическое развитие стран региона требует ресурсов, человеческих в том числе, что влечет за собой рост объема потребностей, и приводит к конкуренции, где вода выступает одним из ее предметов. Как следствие, ни одно государство на уступки идти не готово.

Следующим вопросом управления является проблема правовой принадлежности, которая влечет за собой вопросы строительства, обслуживания и финансирования.

Несмотря на то что проблема водной безопасности региона неоднократно поднимается как в двустороннем, так и многостороннем форматах, где главной площадкой является МФСА, государства продолжают ставить свое преимущество выше вопроса водной безопасности всего региона. Неготовность политических элит прийти к компромиссу представляет главное препятствие решению или хотя бы эффективному сотрудничеству в сфере водных ресурсов.

Для реализации программ обеспечения водной безопасности стран Центральной Азии необходимо: модернизировать водную инфраструктуру, перейти на «экономный» режим в с/х (освоить менее водозатратные культуры, чем рис и хлопок, увеличить количество установок для капельного орошения), перейти к рациональному распределению ресурсов между странами верховья и низовья в зимний и летний периоды, стимулировать развитие альтернативных источников энергии, в том числе начать поиск альтернативы трансграничным рекам. Стоит отметить, что реализация предложенных мер напрямую зависит от внутривнутриполитической ситуации и экономического развития, а потому ускоренное решение проблемы, а также приведение в жизнь всех мер является маловероятным.

Однако одним из возможных решений ключевого компонента проблемы в лице координирования действий является привлечение рычага давления на государства с целью создания приемлемых для всех сторон условий водопользования и выполнения взятых на себя обязательств. Региональная организация или интеграционное объединение, возможно, будет наиболее эффективным инструментом решения подобной проблемы ЦАР, такой, в частности, может стать ЕАЭС. Именно это интеграционное объединение, посредством предоставления площадки для выработки соглашений и мерами финансового принуждения, сможет подвести государства Центральной Азии к решению проблемы распределения и использования водных ресурсов региона.

Российская Федерация как системообразующий компонент этой организации может осуществлять координирующую роль, выступать посредником при возникновении споров. Эффективность деятельности ЕАЭС также отмечена наличием опыта в разрешении проблем сырьевого использования, в частности рек Чу и Талас, в случаях, когда прозрачность трансграничного использования, мониторинг гидрологического режима рек сделали возможным разрешения противоречий Казахстана и Кыргызстана относительно этих рек [2, с. 137]. Однако, возвращаясь к проблеме трансграничных рек Сырдарья и Амударья, следует отметить, что Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан не входят в ЕАЭС. Тем не менее пример разрешения «водных противоречий» между членами ЕАЭС – Казахстаном и Киргизией, возможно, создаст некий потенциал для вступления в ЕАЭС новых участников, в том числе государств ЦАР, и привлечения его к решению проблемы управления трансграничных рек региона.

Литература

1. *Искандерова А.* «Водный» прогноз Центральной Азии: четыре сценария развития событий // Институт исследований Центральной Азии. – URL: <https://central-asia.institute/vodnyj-prognoz-czentralnoj-azii-chetyre-sczenariya-razvitiya-sobytij/> (дата обращения: 08.09.2021).

2. Сивохин Ж.Т. Проблемы и перспективы интегрированного управления водными ресурсами в странах евразийского экономического союза // Сборник научных трудов ФГБУН. Институт водных проблем Российской академии наук. – Том. 2. – 2015. – С. 136–143.

Гендерная ненависть в виртуальном пространстве как фактор радикализации молодежного сознания¹

Иванов А.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Обыденность гендерных конфликтов, носящих бытовой характер, дает возможность использовать их как рамочную конструкцию для создания деструктивных идеологем в виртуальном пространстве. Ультрарадикальные политические, националистические или иные проекты ксенофобной направленности для привлечения широкого круга симпатизантов используют порой гендерные концепты мизогинической и мизандрической направленности. Данная статья основана на эмпирическом исследовании с использованием методов глубинного интервью (взято 25 глубинных интервью с участниками мизандрических и мизогинических проектов из Республики Татарстан, возраст респондентов 17–40 лет) и включенного наблюдения в сообществах радикальной гендерной направленности, которые брендированы как «Мужское государство» [1], радфем [2], «ФемКызлар» [3] ВКонтакте, выступающие с ультрарадикальными социально-политическими лозунгами. Исследование проводилось в 2020–2021 годах.

---

¹ *Статья подготовлена по Программе фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.), проект «Факторы и причины радикализации личности в культурно сложном региональном сообществе».*

Ключевые слова: виртуальное пространство, мизандрия, мизогиния, гендерный конфликт, радфем, «Мужское государство», экстремизм.

Основополагающим в виртуальном пространстве становится гендерный конфликт, который политизируется. Гендерная ненависть как способ конфликтного взаимодействия есть результат переживания субъектом внутриличностного или межличностного конфликта с противоположным полом. Последствием межличностного или внутриличностного конфликта становится новая стратегия поведения в конфликте – гендерный экстремизм. В свою очередь, гендерный экстремизм провоцирует новые деструктивные конфликты в различных сферах: в социальной, политической, бытовой и т. д.

В рамках социально-психологического анализа видно, что любые внутриличностные и межличностные конфликты, как, например, гендерные конфликты в сообществах «Мужское государство» и «NAP» (это праворадикальные направления, пропагандирующие национал-патриархат) используются для формирования деструктивной антиобщественной повестки.

Из интервью:

Это движение за возврат к патриархату. К чистой расе, где славянские женщины не спят с кем попало, с горнороссиянами. Девушки продаются и покупаются. Это деградация. Нужен патриархат. (Муж., 20 лет, Казань)

Проявление маскулинности и агрессивности является основным трендом в данных группах. Для администраторов данных мужских пабликов мизогиния является внешним центром притяжения молодых людей, которым в дальнейшем презентуют политическую антироссийскую повестку в виде национал-патриархата.

В 2020 году произошел окончательный ребрендинг сообщества «Мужское государство» на сообщество NAP (Национал-патриархат). Одной из причин изменения бренда были массовые блокировки групп МГ-направленности. В дальнейшем сообщества NAP тоже стали

блокироваться Роскомнадзором и администрацией соц. сетей. На данный момент в названиях сообществ используются словосочетания «мужская беседа», «мужской легион» и другие.

Из интервью:

И.: Что привело Вас в движение NAR? Каковы были основные причины?

Р.: Разложение жещин и этот воинствующий феминизм вонючий, радфемок, их стрелочки сексизма, которые смотрят только на мужчин. (Муж., 20 лет, Казань)

Данные сообщества можно классифицировать как псевдомизогинические, так как основным вопросом, скрывающимся за повесткой женоненавистничества, является пересмотр политического режима российской государственности – «феминного государства».

В мужских мизогинических пабликах конечным объектом ненависти является «матриархатное государство» (современное российское государство).

Из интервью:

Данное государство – это феминистское государство, надо идти к патриархату. Везде идет пропаганда вагины. Это плохо. Надо создавать русскую мужскую дееспособную нацию, она только сможет господствовать в мире. (Муж., 20 лет, Казань)

В данном случае патриархат подается в контексте победы маскулинности над феминностью.

Из интервью:

В России нужен патриархат. Этот режим обабил страну, путинская Россия – это гулящая девка без трусов, всем дает, а собственный народ голодает. У меня девушка такая была, поздно прозрел. Правда она старше меня была на два года. (Муж., 17 лет, Казань).

Обесценивание феминности в личных отношениях проецируется на страну-«бабу», которая наделяется нелицеприятными чертами проституированности, эгоистичности, лживости. Именно такое интимное,

очеловеченное понимание государственности, как близкого человека, который предал, изменил, создает условия для легитимизации насилия против общественного порядка в рамках патриархатных установок.

Выделяются три основные «беды» России – это деградация маскулинности, разложение и лицемерие христианства (терпимое отношение к ЛГБТ, здесь все-таки речь идет о Западной Европе), массовая исламизация.

Политическая информационная повестка в данных сообществах достаточно быстро обновляется и привязывается к текущей проблематике через призму борьбы с радикальным феминизмом и черным расизмом.

Объектом ненависти для данных сообществ являются феминистки, представители нетрадиционной сексуальной ориентации и любители аниме, в связи с тем, что их подозревают в латентной гомосексуальности, выходцы с Кавказа.

С другой стороны, представители радфем выражают такую же зеркальную ненависть.

Из интервью:

...что касается МГ, терпеть не могу. (Жен., 22 года, Казань).

Мизогиническая повестка является привлекательной для части молодежи в связи с неумением строить отношения с противоположным полом, сексуальными комплексами и невротами, что толкает их подписываться на данные группы, где происходит обесценивание противоположного пола. Однако глубинная повестка скрыта под борьбой с феминизмом и «руснявыми наташками» – это программа национал-патриархатного переустройства политического режима российской государственности.

Если в мужских мизогинических пабликах конечным объектом ненависти является «матриархатное государство» (современное российское государство), то в рамках мизандрических женских ультрарадикальных сообществ финальным объектом ненависти остаются мужчины как социальная группа.

Прежде всего, разрабатывается доктрина безопасности женщин от «фемцида» со стороны мужчин во всех сферах жизни. Провозглашается необходимость противодействия насаждению политики свободной смены «гендера» и популяризации «трансгендерности» как метода внедрения мужчин в женские сообщества. За это радфем сам критикуется другими направлениями феминизма, прежде всего либеральным и интерсекциональным. Институт семьи рассматривается как инструмент патриархата. В противовес «мужскому государству» разрабатывается «феминорхатное мировоззрение».

Если в группах мизогинической направленности (МГ и NAP) очень часто используется понятие «русачок» в контексте «недомужик», «куколд»¹, то в рамках радикального феминизма можно увидеть зеркальное использование термина «патриархатная тетка», «патриархатная баба», которая разделяет ценности «мужского общества».

Из интервью:

Происходит длительное зомбирование женщин, именно оно вырабатывает устойчивую ситуацию подмены понятий и отсутствия каких-либо действительно важных прав для женщин. Вот вам право на еле оплачиваемый труд, и прыгайте, что вас взяли, а вот вам право на бесплатный домашний труд «дорогие женщины», и на бесплатные репродуктивные и секс отработки. Такой неравноценный обмен предлагают мужчины. Именно, когда пелена падает с глаз сестер они приходят к нам. Именно в социальных сетях мы боремся за этих жертв патриархатного режима. На старых патриархатных теток надежды нет, только на молодых сестер, которые подрастают и еще находятся на школьной скамье. С ними мы и работаем. ....есть огромное количество женщин, которые попали под мужскую пяду и не хотят оттуда выходить. (Жен., 36 лет, Казань)

---

¹ Слово *куколд* происходит от английского слова *cuckold*, которое означает обманутого женой мужа. В западных традициях куколдов иногда называют «носящими рога куколда» или просто «носящими рога». Это намек на брачные привычки оленей, которые утрачивают своих супругов, когда их побеждает другой самец.

С классической тематикой феминизма или мужского движения психоаналитического формата, о котором писал Джеймс Холлис, данные сообщества ничего общего не имеют [4]. Группы патриархальной направленности («Мужское государство») более политизированы, чем женские радикальные сообщества, и строят свою борьбу с российской государственностью как попытку остановить затянувшийся матриархат. В этом случае пропаганда здорового образа жизни в молодежных маскулинных сообществах является внешним контуром, под которым скрывается национал-патриархатная доктрина [5]. Для администраторов данных мужских пабликов мизогиния является внешним концентром привлечения молодых людей, которым в дальнейшем презентуют политическую антироссийскую повестку в виде национал-патриархата.

Заниженная самооценка, или наоборот, восприятие своей личности как сверхценной, а также потеря «смысла жизни» часто являются обстоятельствами поиска альтернативных ценностей и смыслов в виртуальном пространстве. Это создает ситуацию отрицательного социально-психологического отбора в данные сообщества. Отрицательный опыт общения с противоположным полом активно используется в мизогинических и мизандрических сообществах в виртуальном пространстве для «подключения» к политическим антиобщественным проектам, где обесценивается институт традиционной семьи, культивируется гендерная ненависть, пропагандируется ЛГБТ идеология или половая дискриминация.

Литература

1. Мужское государство. Москва. – URL: https://vk.com/patriarchat_moscow (дата обращения: 30.09.2021).
2. Радикальный феминизм. – URL: <https://vk.com/public39608949> (дата обращения: 30.09.2021).
3. ФемКызлар. Феминистки Казани и Татарстана. – URL: <https://vk.com/femkazan> (дата обращения: 30.09.2021).

4. *Холлис Джеймс*. Под тенью Сатурна: мужские психические травмы и их исцеление. – М.: Когито-Центр, 2005. – 184 с.

5. *Иванов А.В.* Праворадикальные тренды в Республике Татарстан в виртуальном пространстве: конфликтологический анализ // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. – Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 143–144.

Религиозный служитель: миссия противодействия мотивированному экстремизму

*Махмутова Р.Г., Шибанова Н.А., Храмова Е.В.
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности работы религиозных служителей по дерадикализации членов экстремистских организаций, выявляются сложности в организации систематической работы с бывшими членами деструктивных организаций.

Ключевые слова: религия, дерадикализация, установки, конфликт, экстремизм, терроризм.

К проблеме обеспечения духовной безопасности и профилактики религиозно мотивированного экстремизма обращались социологи, правоведы исламоведы, психологи, религиозные служители. Вместе с тем сложился определенный пласт практик, освещающих программы профилактики исламистски мотивированной радикализации (М. Блюме, В. Каль, К. Траутман, А. Цик. [7]), что говорит о научном осмыслении проблем и поиске альтернативных решений в области дерадикализации сознания.

Анализ сайтов религиозных организаций позволяет выявить причины, условия и факторы, влияющие на радикализацию молодежи. Данные факторы могут быть положены в структуру дерадикализации, устранение влияния данных факторов будет способствовать расширению каналов обратной связи между религиозными организациями и верующими. Среди них выделяют: неумелую работу с молодежью, отсутствие общей идеологии, незнание основ своей религии, исламофобия и навязывание ярлыков, формирование нового поколения мусульманской молодежи, которое оторвано от традиционных корней и ценности которого смещены. Волонтерское движение мусульманской молодежи названо «инструментом защиты от деструктивных сил и радикализации молодежи» [3].

Дерадикализация предполагает «добровольную коррекцию поведенческой составляющей личности путем поэтапного снижения негативного воздействия идеологии экстремизма средствами мотивирования лица к самодистанцированию от крайних идеологических воззрений и основанных на них криминальных форм поведения» [9, с. 284].

Методическое, экспертное и проектное обеспечение деятельности по дерадикализации требует координации специалистов из разных областей научного знания и гражданского общества. Развитие междисциплинарных исследований в области радикализации открывают дополнительные возможности для выработки подходов к ресоциализации отдельных категорий граждан. Программ по дерадикализации с подтвержденными научными исследованиями, учитывающих лучшие мировые и региональные практики по работе с экстремистским сознанием, существует не так много в силу разных факторов. Исламское образование разворачивается к работе с конфессиональной напряженностью лиц, вовлеченных в деструктивные сообщества, используя критическое восприятие деструктивных концептов, имеющих общественную опасность, способствуя изменению ценностных ориентаций, преодолению сложных жизненных ситуаций (инкультурация, социализация).

Религиозный служитель, реагируя и отвечая на присутствие угроз в радикальных сообществах, интегрируется в систему реабилитации участников экстремистских и террористических организаций, обеспечивая тем самым комплексность деятельности по снижению субъективных факторов эскалации экстремистских настроений.

Исследование социально-психологических факторов духовной безопасности позволит определить место религиозных знаний и лидеров в деятельности по преодолению последствий индивидуальной, групповой и массовой радикализации. Работа с группами риска предполагает обучение религиозных служителей маркерам сензитивности к экстремисткой деятельности, природе девиантного поведения, отклоняющихся смысловых траектории социализации, методике коррективки ценностных убеждений. Религиозные служители получают навыки по противодействию пропаганде насильственного экстремизма, что позволит выбрать тактику и тематику предупредительно-профилактической работы, определить методику проведения индивидуальной реабилитационной работы с членами деструктивных религиозных течений.

Усложняет изучение социальных процессов, происходящих у данной категории, отсутствие открытой информации об алгоритмах и наборах инструментов, используемых в работе с экстремистским сознанием. Дефицит полных сведений о программах дерадикализации затрудняет анализ практик, в то же время оценка их эффективности «основана исключительно на впечатлениях экспертов и потенциально некорректных показателях рецидивизма» [1, р. 539], либо отсутствуют «критерии оценки качества проектов, программ, методик и социальных технологий, несущих профилактический потенциал».

Переходя к анализу существующих программ работы с участниками экстремистских сообществ, можно выделить направления деятельности в работе религиозного деятеля и теолога – деятельность в рамках реабилитационного центра для последователей радикальных религиозных течений: разубеждение, адресная работа с женами

боевиков с целью снижения радикализации и предотвращения попыток выехать в зону вооруженного конфликта, проявление снисхождения и милосердия к тем, кто по воле членов семьи выехали в зону конфликта.

Возвращение в традиционный ислам требует решения кадровых вопросов, практика свидетельствует, что религиозные служители изучают методику профилактической работы с молодежью по вопросам дерадикализации, методы и приемы, используемые идеологами терроризма для распространения экстремистской террористической идеологии, способы искажения толкований Священного Корана и сунны «в интересах внесения раскола в исламский мир и разжигания межрелигиозной розни» [8].

Работа с бывшими членами радикальных течений связана с формированием толерантного отношения к светским устоям государства.

Взаимодействие с радикализованными лицами предполагает установление психологического контакта с человеком, высокий уровень теологической подготовки, «чтобы радикально настроенный человек прислушался» [7].

Установки, используемые в дерадикализации, связаны с разоблачением ложных стереотипов, подчеркиванием ценности жизни, «ни по каким мотивам нельзя совершать теракты и лишать себя жизни, даже если они красиво поданы под видом религиозных идей», отсутствия веры в радикальных организациях. Анализ и внедрение практик, продемонстрировавших свою эффективность (методическое пособие по дерадикализации «Исправление кривизны»), позволяют выявлять направления, которые необходимо развивать применительно к социокультурной среде, в которой происходили процессы радикализации отдельных категорий граждан.

Накапливая опыт противодействия радикальной идеологии, религиозный служитель получает возможность отобрать наиболее адекватные меры работы с прихожанами, имеющие разный уровень социальной и идеологической дистанции. Известна практика применения

модели «шестеренки», состоящей из шести этапов, призванных сформулировать объективное представление об исламских постулатах, «использование тех же терминов, которые употребляют радикалы, но тут им уже дается правильное толкование» [4].

Религиозные организации призывают «не поддаваться провокациям деструктивных и экстремистских течений, не слушать сомнительные проповеди зарубежных представителей из социальных сетей, быть бдительными по вопросам религий и не оказывать материальную помощь лжепроповедникам» [6].

Необходимо определить принципы эффективной профилактики, ее основные элементы, показатели доказательного эффекта, сформировать у субъектов профилактики культуру рисков принятых решений. Анализ технологий адаптации участников деструктивных сообществ позволяет утверждать, что работа с потребностями, в частности, «для достижения личной значимости, значительно снизили экстремизм через 1 год» [1, р. 539].

Отметим, что методика дерадикализации нуждается в совершенствовании. В частности, наблюдается нехватка квалификации и ресурсов, не четко сформулированы «индикаторы» уязвимости к экстремизму, сложность в определении оценки в отказе от радикальных идей, «отрекся человек от своих убеждений или нет» [5], длительность процесса трансформации ортодоксальных взглядов.

Необходимо также использование дифференцированного подхода в зависимости от степени усвоения радикальной идеологии (саморадикализованные, из зажиточных семей, принесшие клятву «халифату», экстремисты, отбывшие свои тюремные сроки, лица прошедшие боевую, психологическую подготовку в лагерях боевиков в Пакистане, Афганистане).

Следует также обратить внимание на такие проблемы, как неспособность имама выстраивать контакт, нехватка ресурсов для работы на опережение радикализации, работа с фактом обращения семей экстремистов за помощью.

Таким образом, изучение склонности молодых людей к агрессии и насильственным действиям, предпосылок для формирования и развития молодежных субкультур послужит идеологической и ценностной платформой процесса дерадикализации уязвимых к идеологическому влиянию.

Литература

1. *David Webber, Marina Chernikova, Arie W. Kruglanski. Deradicalizing Detained Terrorists // Political Psychology. – Vol. 39, no. 3. – 2018. – P. 539–556.*

2. Резолюция по итогам 2020 года. – URL: <https://www.xn--80an-enczbe.xn--plai/resolution2020>.

3. В Татарстане развивается волонтерское движение мусульманской молодежи. – URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_2719.htm.

4. Специалисты по реабилитации продолжают работу с казахстанцами, вернувшимися из Сирии. – URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/09/03/feature-01.

5. Операция по возвращению казахстанских граждан на родину завершилась, дерадикализация репатриированных экстремистов продолжается. – URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/02/13/feature-02.

6. Казахстанцы: дети из «Исламского государства», спасенные в Сирии, «не виноваты». – URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/06/03/feature-01.

7. В Казахстане откроются центры реабилитации для экстремистов. – URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2016/08/18/feature-03.

8. В рамках месяца борьбы с экстремизмом прошел семинар. – URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_8095.html.

9. *Абдулганеев Р.Р. Дерадикализация как средство предупреждения религиозного экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 3 (41), т. 11. – 2020.*

Языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья: риски и факторы конфликтогенности

*Храмова Е.В., Большаков А.Г., Махмутова Р.Г., Шибанова Н.А.
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Языковая проблема национальных регионов обусловлена вопросами сохранения и развития их в рамках национальной политики Российской Федерации. Общемировые же тенденции на настоящий момент таковы, что большая часть родных языков России находятся на грани выживания. В данном контексте возникает вполне объективный запрос на междисциплинарные исследования состояния языкового вопроса, рисков и факторов конфликтогенности сохранения и развития национальных языков в пространстве Российской Федерации. В основу публикации легла часть эмпирических данных исследования казанских ученых по направлению «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» государственного задания Правительства РФ и АН РФ.

Ключевые слова: языковая ситуация, регион, конфликтогенность.

Неравномерность динамики развития национальных языков на территории Российской Федерации в течение последнего десятилетия стимулирует исследовательские (особенно междисциплинарные) группы к изучению различных аспектов, связанных с региональной языковой ситуацией. К анализу подталкивают данные как внутрисоссийских и внутрирегиональных исследований, так и данные международных организаций, занимающихся проблемами культуры и языков народов мира. В частности, под эгидой ЮНЕСКО реализуется проект «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО» [1]. Согласно данным этого проекта, большинство языков республик Поволжья и Приуралья находятся в состоянии от уязвимо

(башкирский язык) до серьезной угрозы исчезновения (марийский луговой и горный). Мордовский (мокшанский и эрзянский), удмуртский и чувашский языки занимают промежуточное положение находящихся под серьезной угрозой исчезновения. В группе языков Республики Башкортостан, Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Республики Татарстан, Удмуртской Республики и Чувашской Республики только татарский язык не попал на Атлас языков ЮНЕСКО, поскольку является вторым по распространенности в РФ. Поскольку проект ЮНЕСКО представил свои последние результаты в 2010 году, реальное состояние данных языковых групп остается малоизученным и представляется актуальным к исследованию и анализу.

Сквозь призму рисков и факторов конфликтогенности с 2020 года проблема изучается междисциплинарной исследовательской группой Казанского федерального университета в рамках проекта программы фундаментальных и прикладных научных исследований по направлению «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» по государственному заданию Правительства РФ на 2020–2022 годы на тему «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов» (Программа выполнения в КФУ 20-136 (0211/02.11. 10136.001).

В качестве теоретико-методологической базы исследования выступает совокупность следующих подходов: конфликтная теория Л. Козера, акцентирующая внимание на позитивном социальном содержании конфликта и стимулирующая развитие социальных систем посредством обновления через творчество; концепция коллективного действия, объясняющая генезис этнополитических конфликтов через стремление определенных политических групп к обладанию властью посредством этнической (в том числе языковой, конфессиональной и культурной) мобилизации на почве коллективных интересов, включая формирование и поддержание групповой идентичности;

социально-психологическая теория этнического конфликта, выделяющая в динамике этнического конфликта социально-психологический и институциональный механизмы поведения; социолингвистическая парадигма, концептуализирующая понятия «языковая политика» и «языковой территориальный режим», определяющие взаимосвязь языка и этнической мобилизации. Под конфликтогенным фактором (фактором конфликтогенности) понимается побудительная сила, производящая конфликт (К. Хорни) [2].

В основу положены качественные методы сбора эмпирических данных. Основной технологией оценки конфликтогенных факторов (исследуемых объектов) выступает конфликтологический аудит. Технология представляет собой маркерный анализ выявления конфликтогенных факторов в процессе проведения фокус-групповых, экспертных и глубинных опросов. База маркеров формируется из смысловых единиц, возникающих на пересечении таких общественно-политических полей, как языковая ситуация в регионе, специфика реализации языковой политики, языковая принадлежность населения региона, набор идентичностей населения региона.

В качестве респондентов опросов выступают: эксперты от институтов конфликто разрешения по проблемам языковой политики в регионах (экспертные интервью); лидеры общественного мнения по проблемам языка в обследуемых регионах (глубинные интервью); представители социально значимых групп населения, которых касается данная проблема. В число последних входят: молодежь (как социально активная и общественно перспективная демографическая группа); экономически активное население (как группа, формирующая экономическую базу для развития государства и общества); граждане предпенсионного и пенсионного возраста (как группа-носитель ряда современных социальных проблем, чреватых напряженностью).

Конструирование технологий прогнозирования и предупреждения конфликтов осуществляется на основе анализа материалов конфликтологического аудита, вторичного анализа статистических

данных обследуемых регионов и фреймового анализа интернет-ресурсов всех возможных региональных и федеральных институтов конфликто разрешения в сфере языковой политики. Данное сочетание методов позволяет соблюсти принцип триангуляции в достижении релевантности эмпирических данных. Обследуемыми в исследовании выступают следующие регионы Поволжья и Приуралья: Республика Татарстан, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Мордовия, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика.

В период 2020–2021 годов в рамках грантового проекта проведены 48 экспертных интервью, 48 интервью с лидерами общественного мнения (ЛОМами), фрейм-анализ региональной ситуации в обследуемых республиках на предмет выявления специфики институтов конфликто разрешения в языковой сфере, массовый (анкетный) опрос студенческой молодежи (981 респондент), 12 фокус-групповых опросов. На основании эмпирических данных, имеющих в указанной базе исследований, можно сделать ряд промежуточных выводов в контексте сравнительного анализа позиций молодежи и более старших поколений относительно конфликтогенности и рисков языковой сферы обследуемых республик.

Так, в контексте гипотезы «Молодежь называет конфликтные ситуации, связанные с изучением и употреблением национальных (родных) языков» можно выделить ряд значимых для исследования моментов. Во-первых, повсеместно в поле «другое» ряда вопросов анкеты отмечаются радикализованные комментарии отрицания значимости национальных (родных) языков. В частности, у ряда респондентов сквозной тенденцией идет тезис о том, что «Национальный язык не нужен». Во-вторых, во всех трех вышеобозначенных сегментах применимости языков в равных процентных соотношениях респонденты отмечают наличие языковой дискриминации: «Да, повсеместно» – 12,1 %, «Да, в профессиональной деятельности» – 13,3 %, «Да, в быту» – 12 %. Качественный характер дискриминации определяется комментарием типа «Редко, но метко».

Прямой вопрос о наличии в регионах конфликтных ситуаций, связанных с национальным (родным) языком, вычленил целый ряд таковых, позволив дифференцировать всю совокупность по критерию возникновения в определенной сфере общественной жизнедеятельности:

- принуждение к изучению языка;
- абстрагирование от ситуации (стратегия избегания конфликта сама по себе является слабой в предотвращении конфликта);
- отрицание возможности конфликтных ситуаций подобного рода в принципе (стратегия уклонения от конфликта также не является эффективной в его разрешении);
- признание наличия конфликтных ситуаций без детализации;
- препятствия на пути желания изучать (образовательные (в том числе сокращение часов на обучение языку в школах), межличностные (высмеивание «не носителя») и др.);
- социальные последствия от незнания языка (в быту, в общественных местах, в пространстве проживания и коммуникации, в том числе проявления национализма и дискриминации);
- профессиональные (карьерные) последствия от незнания языка (в том числе дискриминация).

Вместе с тем респонденты редко предлагают варианты и возможности выхода из конфликтных ситуаций, однако однозначно порицают сам факт их наличия в языковой сфере. Это вполне объяснимо с точки зрения возрастного состава респондентов (в среднем 17–23 года) и наличия у них сравнительно небольшого жизненного опыта конфликто разрешения.

Аналогичный блок вопросов по наличию конфликтов в языковой сфере дает несколько иные результаты по группе старших поколений. Так, порядка половины экспертов отрицают возникновение в республиках конфликтных ситуаций, связанных с языком или языковой политикой. Практически все эксперты дают отсылку к периоду формирования региональной независимости (1990-е годы), именно его считая самым напряженным в этом направлении. Менее четверти опрошен-

ных в качестве конфликтной ситуации упоминают выступление В.В. Путина в Йошкар-Оле в 2017 году и его последствия. Случай саможжения А. Разина в Удмуртии, широко озвученный медиа и представленный именно как конфликт по поводу региональной языковой проблемы, экспертами из самой Республики Удмуртия и других обследуемых регионов данный факт был упомянут только трижды. Контекст упоминания и оценки един для всех трех экспертов – психические отклонения фигуранта кейса, сожаления о такой печальной кончине, отрицание языкового вопроса как основной причины инцидента. Во всех республиках эксперты особо выделяют острую проблему внесения учебников по национальным языкам в федеральный перечень Министерства просвещения: дорого, отсутствуют эксперты в Минпросвете РФ по нужным направлениям, процесс очень затяжной.

Эксперты сошлись во мнении, что языковой вопрос остро стоит только для узко специализированных кругов – научных или общественников. Исходя из этого, эксперты называли цифры не более чем в 15–20 % населения, ощущающего остроту языкового вопроса. Очень редко эксперт называл цифру в 70–80 %. В этих случаях эксперт имел специфический бэкграунд, обычно определяемый его профессиональным сообществом, как националистический.

Дискриминационного контекста эксперты не усматривают в использовании языков в республиках. Называются только специфические профессиональные сегменты: национальные СМИ и национальная культура, где знание национального языка объективно необходимо для профессиональной деятельности. Акцентирование интервьюером внимания респондентов на бытовых конфликтах не вызывало отклика. Единство во мнении «Нет, бытовых конфликтов на почве языка в республике нет» прослеживается у экспертов от всех регионов.

В целом, у экспертов по этому вопросу доминируют пессимистические настроения о современном отношении населения республик к языковому вопросу. Большинство опрошенных единогласны во мнении, что языковая проблема остра только для научно-образова-

тельного сообщества, а представителями органов государственной власти она зачастую используется только как точечный мобилизационный фактор. Молодежную группу эксперты в большинстве своем относят к не ощущающим проблем языков и не заинтересованным в их сохранении и развитии.

Таким образом, выявлен ряд несовпадений точек зрения у разновозрастных респондентов по проблеме наличия факторов конфликтности и рисков. Во-первых, треть молодежи отмечают наличие языковых конфликтов, вплоть до дискриминационного оттенка проблемы, тогда как старшее (экспертное) поколение делает отсылку по конфликтам этого типа к 90-м годам прошлого века (периоду суверенизации обследуемых регионов). Во-вторых, медийные конфликты регионального масштаба (2017 год, Удмуртия, А. Разин), отмечаемые старшим поколением, проходят незамеченными молодежью регионов. В-третьих, в то время, когда эксперты в большинстве ратуют за методическое обеспечение образования на родных языках и родным языкам в регионах, молодежь основной проблемой ставит вопрос применимости родных языков и значимости их в своих жизненных траекториях. В-четвертых, если старшее поколение в качестве основного института конфликто разрешения в языковом сегменте видит институт образования, то молодежь в первую очередь называет в качестве такового институт семьи.

Литература

1. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО // Вымирающие языки. – ЮНЕСКО. – 2010. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/>.

2. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию / перевод с английского Е.И. Замфир, под ред. проф. М.М. Решетникова. – СПб, совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и БСК, 1997. – 316 с.

Визуальные аспекты саморепрезентации радикальных исламистских онлайн-сообществ во «ВКонтакте»¹

Чудинов С.И.

*Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики*

Аннотация. В статье исследуется вопрос, насколько «визуальный поворот» (А. Ковач) оказал влияние на характер саморепрезентации исламистских (салафитских) сообществ в российских социальных сетях. Проводится контент-анализ тематики и анализ визуальных образов нескольких крупных салафитских онлайн-сообществ, функционирующих во «ВКонтакте». Показано, что тенденции по визуализации дискурса исламистских сообществ практически не затронули рассматриваемые в статье сообщества.

Ключевые слова: онлайн-сообщества, исламизм, салафизм, визуальные аспекты репрезентации и пропаганды, визуальные образы.

Исследованию текстуальной и визуальной саморепрезентации исламистских (салафитских) движений посвящен достаточно большой пласт академической литературы ([1], [2], [3], [4], [5] и др.). Одним из авторов, обративших внимание на существенные изменения в практике саморепрезентации и трансляции своей идеологии исламистами, стал А. Ковач, который ввел термин «визуальный поворот» в отношении характеристики обширной практики по введению в пропагандистский оборот визуальных образов радикальными и террористическими исламистскими движениями (палестинскими, глобально-джихадистскими) в начале XXI века, что привело к «эмансипации» визуального образа от текста в мусульманском контексте [4, с. 66]. Интерес к данной тематике

---

¹ *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31821.*

резко возрос с 2015 года в связи с интенсивной пропагандистской активностью «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации).

Современные исламисты активно используют имеющиеся в их распоряжении визуально-дискурсивные средства для репрезентации своих движений и организаций, своей идеологии, при обращении с посланиями к своим потенциальным сторонникам и отчасти к тем социальным силам, которые воспринимаются в качестве врагов.

В данном исследовании была поставлена цель проверить, насколько данная тенденция отражается в российских социальных сетях, насколько интенсивно исламистские онлайн-сообщества, базирующиеся в России, прибегают к языку визуальных образов для саморепрезентации и влияния на общественные настроения. Наше исследование носит характер пилотного проекта и представляет собой кейс-стади нескольких репрезентативных примеров исламистских сообществ, функционирующих во «ВКонтакте». В качестве анализируемых сообществ было избрано несколько наиболее крупных по количеству участников и активных в плане регулярного размещения контента (посты публикуются ежедневно или хотя бы не реже 1 поста в три дня). Рассматривался контент сообществ, размещенный в Интернете на протяжении 2019–2020 годов. К списку избранных сообществ были отнесены следующие: «ТАУНИД» (21 тыс. подписчиков весной 2020 года), «Галактика Таухида» (15 тыс.), «Черноокая» (19 тыс.), «Ислам – аяты, хадисы, цитаты» (172 тыс.).

Степень радикальности религиозно-политических взглядов рассматриваемых сообществ различна. При ее измерении следует, прежде всего, заметить, что в условиях постоянно усиливающейся цензуры и интенсификации политики по противодействию распространению экстремизма в России, любые радикальные онлайн-сообщества и в особенности исламистские маскируют свои реальные взгляды, отказываясь прямо и открыто обозначать свое, мягко говоря, критическое отношение к светской власти, таким острым вопросам, как открытое

противостояние несалафитам и традиционному исламу, вооруженная борьба с «несправедливым» и «безбожным» социальным порядком. Первые три сообщества в той или иной степени могут быть классифицированы в качестве сочувствующих идеологии «Исламского государства», что определяется по символике (наличие одного из элементов флага «Исламского государства» – «печати Пророка») и некоторым постами, косвенно свидетельствующим о моральной поддержке деятельности «Исламского государства». Четвертое из сообществ – самое умеренное и самое многочисленное по количеству подписчиков. Оно транслирует позицию мадхалитов по ключевым вопросам религиозно-политической повестки исламистов.

Для более полной характеристики контента сообществ был проведен тематический контент-анализ, в котором все посты были распределены по нескольким рубрикам, определена их эмоциональная тональность (негативная, позитивная, нейтральная). Негативная тональность, как правило, связана с образом внешних и внутренних врагов, обличением грехов и порочных нравов современного общества; позитивная – с образом собственной «спасшейся» общины; нейтральная – с объявлениями и другими постами с эмоционально нейтральным отношением.

Для сообществ характерна высокая пропорция негативной тематики – она либо равна пропорции позитивной тематики (по 30 % негативной и позитивной тематики в сообществе «Черноокая»), либо составляет 40–44 % (в остальных сообществах). Среди тем активно обсуждаются такие вопросы, как неверие в исламе, отступничество от веры и отход от чистоты единобожия в исламе (куфр, ширк), нововведения в религии и «еретические» течения в исламе, под которыми салафиты, как правило, подразумевают последователей различных суфийских течений, шиизма и несалафитского ислама (традиционных суннитов). Нейтральная тематика занимает небольшой объем в контенте сообществ – максимальная пропорция доходит до 11 % (в сообществе “TAUHID”). К ней мы отнесли вопросы вероучения

суннитского ислама (акыда), вопросы культа и приобретения знаний в религии, какие-либо объявления и пр.

В сообществе “ТАУНИД” активно пропагандируется радикальная салафитская доктрина «дружбы и непричастности» (аль-валя ва-ль бара). При этом она обращена не столько на отделение истинно верующих от мира неверующих, сколько на выявление внутренних врагов исламской общины – тех, кто искажает религию, вводя в нее новые доктрины и нормы («нововведенцы»); отошедших от чистоты единобожия (мушрики, или идолопоклонники), отступников от ислама (муртадды); лицемеров. Рефреном звучит императив даже не сидеть с нововведенцами рядом, а не то, чтобы с ними дружить. Для сообщества «Галактика Таухида» характерна более широкая тематика. Она включает в себя такие темы, как религиозные запреты, связанные с ширком (впадением в многобожие) – запрет обращаться к гороскопам и астрологическим прогнозам, запрет на колдовство, запрет на использование игрушек, изображающих живых существ; описание рая как награды для шахидов, павших на поле боя. В нем также активно пропагандируется доктрина «дружбы и непричастности», включая акцентирование внимания на запрет участия мусульманина в немусульманских праздниках.

Подобная же тематическая и доктринальная направленность свойственна и сообществу «Черноокая», которая отличается тем, что содержит блок тематик, ориентированных на женскую салафитскую аудиторию. Транслируется позиция, согласно которой салафиту недостаточно отстраняться от неверных, но также необходимо проявлять открытую вражду по отношению к ним. Помимо этого утверждается, что в проповеди ислама не следует избегать неудобных тем куфра, тагута и пр. В ряде постов отвергается в качестве легитимной любая власть, которая не апеллирует к шариатскому законодательству (она именуется тагутом).

Несмотря на предполагаемую связь данных онлайн-сообществ с моральной легитимацией идеологии «Исламского государства», они

оказались вовсе не затронутыми тем «визуальным поворотом», о котором речь шла в начале нашего исследования. Визуальная репрезентация довольно слабо выражена в рассматриваемых сообществах. Визуальные образы представлены в постах не столь часто и не имеют под собой какой-либо продуманной системы. Для всех сообществ свойственно избегание изображений человека (что соответствует салафитской (ваххабитской) установке по строгому запрету на создание и воспроизводство изображений человека, которой «Исламское государство» в своей пропаганде и медийной продукции пренебрегло). Образы природы, пожалуй, наиболее популярны среди различных категорий изображений в данных сообществах. Масштабные картины природных явлений, столь часто присутствующих в постах сообществ, отличает общая смысловая направленность, заключающаяся в иллюстрации всемогущества Бога-Творца, его потенциального гнева и кары в отношении неверующих и отступников и пр. (образы заката, восхода солнца, предгрозового неба, необъятных небесных далей и пр.). На втором месте представлены предметы быта, среди которых выделяются образы, олицетворяющие накопление и передачу знаний через текст (книги, письменные принадлежности, ноутбук и пр.). В сообществе «Черноокая» такие образы составляют около 90 % всего визуального контента.

Часто визуальные образы вовсе не связаны с содержанием тем, поскольку одни и те же образы сопровождают совершенно различные темы. Образы конкретных природных явлений не строго привязаны к каким-либо значениям. К примеру, в сообществе «ТАУНИД» образ розы ассоциируется с темами таухида и ширка, трудностей пути «истинно верующего» человека, этикой поведения женщин и пр. В сообществе «Галактика Таухида» нейтральными по эмоциональному посылу изображениями пера, печатной машинки, книги сопровождаются посты как с «положительной» (тематика воспитания и мусульманской семейной этики), так и «негативной» тематикой – «дружбы и непричастности», куфра и отступничества от ислама, мученичества павших

воинов джихада. Есть только один случай устойчивой связи образа с контекстом – образ коня и всадника (чьё лицо не попадает «в кадр»), который неизменно сопровождает тему военных сражений.

В сообществе «Ислам – аяты, хадисы, цитаты», несмотря на открытую критику джихадистов и террористов, воспроизводятся темы «дружбы и непричастности», враждебное отношение к суфиям в эмоциональной тональности, близкой к предыдущим, более радикальным сообществам. При этом визуальные материалы также очень аскетичны и весьма однотипны. В них избегается изображение человека и других живых существ, что подкрепляется открытой артикуляцией данной позиции в ряде постов, где объявляется о запрете даже на фотографирование живых существ. В основе визуальных материалов лежит текст – краткие фразы, обозначающие тематику поста; цитаты Корана (в переводе на русский язык), представленные на одноцветном фоне или фоне растений и других образов природы; цитаты хадисов, изображенные на фоне культовых сооружений и образов бытовой жизни.

Таким образом, исследование на основе анализа выборки довольно популярных салафитских онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» показывает, что «визуальный поворот» едва ли их коснулся. Как мы видим из проанализированного контента четырех крупных сообществ исламистов, «гламурная» эстетика онлайн-журналов и другой медиа продукции «Исламского государства» не оказала какого-либо влияния на данные сообщества. Визуальные образы в их саморепрезентации носят подчиненный характер, представлены фрагментарно и несистематично. Таким образом, текстуальная составляющая в трансляции религиозно-политической позиции и пропаганде данных сообществ остается ведущей.

Литература

1. *Brachman J., Kennedy Boudali L., Ostovar A. The Islamic Imagery Project. Visual Motifs in Jihadi Internet Propaganda, Combating Terrorism Center at West Point.* – West Point, NY: Combating Terrorism Center at

West Point, Department of Social Sciences United States Military Academy, 2006. – 128 p. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/19674/Islamic_Imagery_Project.pdf (дата обращения: 05.09.2021).

2. *Cohen K., Kaati L.* Digital Jihad. Propaganda from the Islamic State, FOI report no. FOI-R--4645--SE. 2018. – URL: <https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R--4645--SE> (дата обращения: 02.03.2019).

3. *El Damanhoury K.* Understanding ISIS's Provincial Propaganda: A Visual Framing Analysis of Wilayat Sinai's Imagery in 2016 // *Journal of Middle East Media*, 2017, 13. – P. 1–40.

4. *Kovacs A.* The “New Jihadists” and the Visual Turn from al-Qa’ida to ISIL / ISIS / Da’ish. *Bitzpol Affairs*. – 2015. – Vol. 2, no. 3. – P. 47–69.

5. *O’Halloran K.L., Tan. S, Wignell P., Lange R.* Multimodal Recontextualisations of Images in Violent Extremist Discourse / *Zhao S., Djonov E., Björkvall A., Boeriis M.* (eds). // *Advancing Multimodal and Critical Discourse Studies: Interdisciplinary Research Inspired by Theo Van Leeuwen’s Social Semiotics*. – London; New York: Routledge, 2017. – P. 181–202.

Кибермоббинг в виртуальном пространстве: профилактика и противодействие агрессору

Лебедева А.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Важный аспект развития нашего общества состоит в неизбежной компьютеризации, которая в последствии привела к различным противоречиям. Средства массовой информации берут вверх в своем развитии, повышается мобильность населения, происходит глобализация и переход к полному постиндустриальному обществу. Однако наряду с этим наблюдается иная тенденция, которая отчасти противоречит современности общества. Распространенность Интер-

нета привела к таким проблемам, как травля в виртуальном пространстве, получившая название «кибермоббинг». В работе рассмотрен теоретический аспект кибертравли среди современной молодежи, ее последствия, методики предотвращения данного феномена, а также рекомендации по предотвращению данного феномена. Также в работе представлено исследование с применением качественных методов, включая методики глубинного интервью в отношении детей, родителей, оказавшихся в ситуации кибертравли, а также дана оценка работы классного руководителя и родителей в разрешении данной проблемы. В ходе работы также было выявлено, что адекватное взаимоотношение в школе, как в отношении агрессора, так и жертвы, вносит значительный вклад в предотвращение школьных издевательств, виртуальной травли, а также способствует выстраиванию конструктивных межличностных коммуникаций.

В результате работы определено, что участие родителей, социальная среда, воспитание родителей, реагирование педагогов являются определяющими факторами в формировании моделей поведения учащихся. Если администрация школы не проявляет никакой заинтересованности в адекватном поведении школьников, в предотвращении онлайн и офлайн травли, то подросткам, склонным к агрессии, такая форма поведения кажется допустимой. Также агрессия в школьном пространстве может возникать в случаях, когда педагоги школы не проявляют заинтересованности в бытовой жизни ученика. Это формирует безынициативность и безответственность, отсутствие гуманного стиля поведения подростка. Насилие в онлайн и офлайн пространстве влияет на подростка таким образом, что он не усваивает понятие морали как общественного явления, вследствие чего между взаимодействием жертвы и агрессора не происходит осознание ответственности друг перед другом. Так, в качестве мер профилактики по предотвращению кибертравли необходимо знать об информационной компетентности – «умение пользоваться различными техническими средствами обработки информации, а также овладение компьютерной грамот-

ностью» [1, с. 56]. Освоив данный феномен, ученики должны уметь: безопасно работать за компьютером, находить в Интернете требуемую информацию, сохранять полученную информацию, создавая личные папки, применяя съемные носители, использовать возможности текстового редактора, научиться фильтровать информацию, грамотно работать со статьями.

Ключевые слова: школа, девиантное поведение, травля, кибертравля, буллинг, моббинг, агрессор, жертва, профилактика и противодействие агрессору, интернет-пространство.

Как показывает практика, повсеместная распространенность Интернета, особая популярность интернет-пространства среди молодежи, а также их увлеченность социальными сетями и другим источниками коммуникации в виртуальном пространстве приводит к дефициту компетенции и не соблюдению определенной этики общения в сети, что вследствие является серьезной проблемой социальных рисков среди подростков [2, с. 177].

Появление Интернета, виртуального пространства привело к такому феномену, как «виртуальное общение», ставшее для большинства ресурсом, открывшим дополнительные, удобные для общества социальные возможности. Интернет-общение привело к таким рискам, как снижение стыдливости в офлайн пространстве, активное проявление у подростка девиантного поведения, снижение понимания своей роли в социуме, а также появление чувства безнаказанности. В связи с этим встает острая проблема общения в Интернете, представляющая большие риски для современного общества, требующая особого внимания и поиска решений – моббинг и буллинг.

В теоретических и прикладных исследованиях насилия используются понятия «моббинг» и «буллинг», которые являются академически устоявшимися научными терминами. Под буллингом понимается психологическая или физическая травля один на один, под моббингом – травля группой лиц одного индивида или нескольких.

Целью исследования являлось определение особенностей конфликтных коммуникаций в процессе кибермоббинга, а также разработка профилактики и предотвращения психологической травли в виртуальном пространстве.

Исследование проводилось с использованием качественных методов, в частности, таких как кейс-стадии, а также метода глубинного интервью. В рамках кейс-стадии была исследована судьба казанской семьи, столкнувшейся с психологической и физической травлей своих детей, которая любезно согласилась на интервьюирование. Также было проведено 6 глубинных интервью с участниками конфликтных моббинг-коммуникаций в городе Казань.

В школах часто моббинг происходит в форме психологического давления, включающего в себя бойкоты, высмеивания, нападки с обидными словами. Травля может проявляться также в нескольких видах, включает в себя прямые воздействия на объект травли, выступающий в качестве жертвы. Проявляется, как правило, в виде физического вреда (пинки, толчки и т. п.). Стороной агрессии такая форма травли воспринимается как баловство, нередко сопровождается смехом, с мыслью «ничего серьезного». Словесная травля подразумевает высмеивание, оскорбления, распускание ложных негативных слухов о жертве. Также сюда относится такая форма игнорирования, как бойкот. Отличительной чертой является вымогательство, повреждение личных вещей жертвы. Бывает отдельно «выделяют сексуальное воздействие, которое может проявляться достаточно активно и агрессивно» [3, с. 9]. Такой вид травли относится как к психологическим, так и к физическим формам.

Однако, помимо этих видов травли, активно набирает обороты травля в виртуальном пространстве – кибертравля. «Кибертравля – это отдельное направление травли, которое определяется как преднамеренное агрессивное действие, повторяющееся систематически группой лиц или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленное против жертвы» [3, с. 180]. Она включает

в себя мгновенные сообщения в электронном пространстве, записи на форумах, в чатах и т. д. Кибертравля сходна по своим характеристикам и с другими видами девиантного поведения. Она, как правило, носит деструктивный характер, демонстрирует равнодушие в социуме, игнорирование человеческих ценностей, «повторение действий, которые способствуют формированию девиации» [4, с. 81]. В настоящий момент в виртуальном пространстве распространены такие интернет-площадки, которые позволяют агрессору приблизиться к жертве через виртуальный мир.

США является одной из первых стран, в которой проблема безопасности детей в виртуальном пространстве была вынесена на обсуждение в обществе. Поводом стали ситуации заинтересованности подростков действиями сексуального характера, которые провоцировали знакомства в Интернете. Большинство родителей американских детей (69 %) полагают, что виртуальное пространство оказывает на их детей положительное влияние, тем не менее они обеспокоены безопасностью своих детей, а также тем, что нет возможности контролировать риски и угрозы [5]. Исследователи из Великобритании вывели, что от «11–34 % подростков Англии подвергаются» травле в виртуальном пространстве [6].

Представляет интерес интервью, которое было взято у жертвы, оказавшейся в ситуации травли. В ходе интервью было выявлено, что подросток воспитывается в полной семье, в которой достаточно адекватные детско-родительские отношения. Родители, по словам подростка, поддерживают его, дома он чувствует себя комфортно. Однако несмотря на это, подросток стал жертвой кибертравли, которая затянулась на долгий период.

И.: А вот скажите, пожалуйста, старались ли вы подключать взрослых, то есть родителей, учителей, если чувствовали, что конфликт не разрешим вашими силами?

Р. (Жен., 20 лет, Казань): В первую очередь я, конечно же, обратилась к своей маме. Подключала классного руководителя своего,

подключались родители тех детей, которые меня унижали. Папа, понятное дело.

И.: А как они реагировали? То есть, приходили в школу разбираться, разбирались с одноклассниками? С родителями тех обидчиков? Как все это было?

Р.: Если про маму говорить и папу, ну понятно, для них их ребенок – самый лучший. Соответственно, они всегда были за меня. И вообще был шок для них, почему так. Касаясь классной руководительницы, она, как правило, имела своих любимчиков, и вообще на вот эту вот ситуацию (я не была ее любимицей, несмотря на то, что была старостой).

В ходе интервью мы выяснили, что в процессе травли классный руководитель не проявил заинтересованности в происходящем, что привело к обострению конфликта. Во взаимодействии с агрессором подросток держал нейтральную позицию, слушал советы взрослых. Находясь под давлением пассивной агрессии, свободно посещал занятия.

Таким образом, из интервью следует, что благодаря хорошим детско-родительским отношениям, у ребенка не возникли комплексы, по его словам, у него не было мыслей о суициде, социализация прошла успешно. Жертве буллинга и моббинга важно чувствовать себя нужным, ощущать поддержку со стороны взрослых. Отсутствие интереса классного руководителя, деление на «любимчиков» может приводить к явной агрессии со стороны учеников, к часто возникающим конфликтам, носящим в дальнейшем системный характер.

В ходе исследования мы также взяли интервью у родителя жертвы. Во время интервью было выявлено, что родитель, действительно, заинтересован в том, чтобы его ребенок чувствовал себя комфортно в обществе, чтобы его социализация прошла успешно. Он знает об увлечениях подростка, о его свободном времяпровождении, адекватно оценивает состояние ребенка, пытается поспособствовать в решении существующих проблем.

И.: А вы вообще старались подключаться к конфликтам своего ребенка, если ощущали, что нужна реальная поддержка?

Р. (Муж., 43 года, Казань): Да, конечно, да, я подключался. Более того могу сказать, что мы выходили на классного руководителя, на родительский комитет. Мы поднимали серьезно этот вопрос.

И.: Вы вот ранее упоминали, что у вашего ребенка был конфликт в онлайн-пространстве. Хотелось бы также узнать, каким образом с ним пытались конфликтовать в соц. сетях, вообще как это все происходило? В чем выражалось? Это были какие-то обидные фразы или может быть угрозы со стороны ровесников?

Р.: В большей степени нападки были, но это были и обидные фразы, конечно, да. Обидные фразы. Даже несколько проскакивали угрозы в общем-то. Да, угрозы были, да-да-да.

Так, из интервью следует, что в семье действительно хорошие детско-родительские отношения, построенные на чистом доверии и поддержке. Возможно, именно это помогло подростку, ставшему жертвой онлайн и оффлайн травли, в дальнейшем не развить комплексы, не прийти к аутоагрессии или суициду. Из нашего исследования следует вывод, что отсутствие интереса классного руководителя также может привести к активной эскалации конфликта, поскольку дети видят вседозволенность и безнаказанность.

За последние годы популярность социальных сетей возросла. Подростки заводят себе аккаунт, в котором публикуют информацию, зачастую носящую откровенный характер. Они не понимают рисков отсутствия конфиденциальности, частого злоупотребления личной информацией, за которой активно может следить агрессор или группа агрессоров. В публикуемой жертвой информации агрессор активно ищет повод зацепиться за нее, что приводит к активной кибератаке.

Что касается мер, проводимых в рамках школьного пространства, традиционно применяются следующие:

- проведение специалистами образовательного учреждения комплексной работы с обследованием семьи, в которой воспитывается ребенок; создание социального паспорта на семью;

- проведение работы с семьей – профилактические беседы с родителями, либо с детьми, постановка на учет семей, которые не исправляются в отношении воспитания своего ребенка;

- работа с семьями, злоупотребляющими спиртными напитками: изоляция детей от родителей, родителям – постановление об административном наказании в виде штрафа;

- выступление инспекторов ПДН с профилактическими беседами на родительских собраниях;

- Постановка подростков, совершивших правонарушение, на учет внутри школы либо в инспекцию по делам несовершеннолетних.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что среди современной молодежи, действительно, существует проблема кибертравли, приводящая к различным последствиям.

В связи с этим необходимо: помочь школьникам и учащимся колледжей узнать свои права и научиться ими пользоваться, защищать их в случае нарушения; помочь подросткам увидеть взаимосвязь личной свободы и ответственности каждого человека; также помочь школьникам научиться разрешать споры правовыми способами, а не дракой, оскорблениями и унижениями; разработать кодекс цифровой гигиены, чтобы была конкретика действий в случае, если ребенок оказался в ситуации травли; проводить активную внеурочную деятельность, чтобы ребенок был заинтересован именно в собственном развитии, а не уходил в девиантное поведение, сопровождающееся травлей.

Литература

1. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177–180.

2. *Бурмакина В.Ф., Зелман М., Фалина И.Н.* Информационно-коммуникационно-технологическая компетентность: методическое руководство для подготовки к тестированию учителей. – М.: НФПК, 2007. – 56 с.

3. *Двоскина Н.В.* Травля в детском коллективе, или как остановить насилие: учебно-методическое пособие. – Педагогический университет «Первое сентября», 2017. – С. 9.

4. *Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В.* Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 1(50). – С. 81.

5. Годовой отчет фонда “Childnet International” // Официальный сайт фонда “Childnet International”. URL: <http://www.childnet-int.org/downloads/annualreview08.pdf>.

6. *Rideout Victirua.* Parents, Children & Media. Kaiser Family Foundation survey 2007 // Официальный сайт фонда “Kaiser Family”. – URL: <http://www.kff.org/entmedia/7638.cfm>.

Зарубежный опыт формирования культуры толерантности при помощи визуальных материалов

Мухаметзарипов И.А.

Академия наук Республики Татарстан,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Создание информационной среды, помогающей формировать позитивные модели поведения молодого поколения, в настоящее время стало одним из важных направлений профилактики проявлений насилия и различных форм радикализма в странах Западной Европы и Северной Америки. Для достижения максимального эффекта используются разнообразные форматы, привлекательные и необычные образы, выбираются различные сочетания визуального и текстового содержания.

Ключевые слова: визуальные материалы, молодежь, толерантность, профилактика насилия, формирование моделей поведения.

Проблема толерантного отношения к представителям других культур приобрела особое значение с момента усиления миграционных потоков во второй половине XX века. Если до этого межкультурная коммуникация происходила в основном на периферии государств Европы и Северной Америки, на пограничных территориях, в местах компактного проживания и в колониях, то теперь люди разных этнических групп, рас и религий сталкиваются друг с другом ежедневно, вместе работают, учатся, продают товары, оказывают услуги и т. д.

Настороженное отношение к инаковости, характерное для начального этапа общения человека с незнакомцем, носит обоюдный характер: принимающее население не всегда готово относиться к мигрантам как к равным, а некоторые мигранты отрицательно относятся к ценностям и нормам местных жителей. Трудности в коммуникации, социально-экономические проблемы, имущественное расслоение, проблемы в трудоустройстве, получении образования и медицинской помощи, предоставлении жилья и т. д. усугубляют ситуацию для людей из «группы риска», подвергающихся влиянию комплекса неблагоприятных факторов и склонных к проявлению насилия. При этом информатизация общества позволяет постоянно сравнивать свое материальное положение и социальный статус с жизнью «соседа», занимающего более высокое положение в общественной структуре, относящегося к «успешной» группе населения. В итоге к межнациональной, расовой и религиозной розни, стимулируемой пропагандой радикальных групп, добавляется социальная вражда, приводящая к применению насилия, совершению терактов, вооруженному противостоянию. По всей видимости, преодоление социально-экономической дистанции между людьми является неразрешимой задачей для современных сообществ, тогда как воспитание молодого поколения в духе принятия людей с иным цветом кожи, другой национальностью и религии вполне реализуемо.

Общество заинтересовано в том, чтобы сделать поведение индивидов предсказуемым и безопасным для других, ограничив ситуации

«допустимого», «одобряемого» насилия (самооборона, задержание преступника, защита интересов социума и пр.), одновременно предоставив широкие возможности для самореализации личности и урегулирования конфликтных ситуаций. На это направлена система воспитания молодежи в семье, учебных и трудовых коллективах. Однако мало проводить только занятия и беседы, требуется создание соответствующей информационной среды, постоянно присутствующей в жизни молодого человека дома, на улице, в учреждениях, в социальных сетях. И здесь важным вспомогательным средством выступают визуальные материалы (плакаты, постеры, комиксы и др.), позволяющие говорить о правилах демократического общежития с широкими слоями населения.

Зарубежные страны, например, Западной Европы и Северной Америки, активно развивают данное направление просветительской и агитационной работы. Кроме осуждения экстремизма и насилия предлагаются позитивные альтернативные модели поведения. Приведем некоторые примеры наиболее интересных, на наш взгляд, практик.

Художник Кристоф Ньеманн, сотрудничающий с «Нью-Йорк Таймс», в 2015 году представил плакат против ксенофобии, на котором был нарисован человек с раскрытым от ужаса ртом, в котором одни зубы борются с другими [8]. Плакат содержит только одно слово – «ксенофобия», но за счет образности достигается повышенное внимание к проблеме.

В детских комиксах Элис Грэйвел (Канада) изображаются человекоподобные разноцветные существа, беседующие на темы любви и уважения к разным людям, эмпатии, опасности расизма и буллинга [10]. Одностраничные комиксы («стрипы») художницы удобны для распространения в Интернете, прочтения со смартфонов, распечатки и распространения в учебных заведениях. Шотландец Том Голд при помощи комиксов высмеивает неуважение к «инаковости». В комиксе «Посещение выставки» главный герой охотно насмехается над изображениями «чужаков», однако сильно возмущается, когда сталкивается

со своим портретом [3]. Маргрит де Хеер (Нидерланды) с 2010 года в сотрудничестве с ООН публикует детские комиксы о философии, религии, науке [12].

В Нью-Йорке и Бостоне американские мусульмане организовывали в течение нескольких лет кампанию «Мой джихад» с целью изменения отношения местных жителей и мигрантов к термину «джихад», укрепления связей между представителями разных мировоззрений при помощи постеров [4]. В Бостоне также размещали плакаты с рекомендациями лицам, сталкивающимся с агрессией принимающего населения по отношению к мусульманам [5]. Используется в материалах и ситуация с эпидемией коронавируса: американка Рэйчел Джингрич в 2020 году опубликовала серию плакатов, призывающих людей разных рас объединиться в борьбе с общим врагом – болезнью [1].

В швейцарском кантоне Санкт-Галлен в 2020 году были разработаны плакаты, в которых приводятся типичные примеры утверждений местных жителей, связанные с обидными стереотипами в отношении мигрантов [7]. В Германии одна из частных рекламных фирм опубликовала постеры, показывающие важность культурного разнообразия изображениями традиционных немецких кулинарных продуктов со словами: «Германия без разнообразия – как цимштерны без корицы, ... – как штоллен без изюма» [9]. Местная некоммерческая общественная организация “Tafel”, оказывающая помощь малоимущим гражданам и беженцам, выпускает визуальные материалы против экстремизма и ксенофобии со следующим текстом: «Здесь всем рады. Всем, кто уважает остальных» [11]. В немецких учебных заведениях распространяются листовки и плакаты против буллинга, молодых людей оповещают о специальных службах, готовых помочь в случае личных проблем, депрессии [2].

В Великобритании в 2015 году была запущена кампания «Я иммигрант». Все желающие могут зайти на специальный сайт проекта в Интернете и создать плакат со своей фотографией и информацией о роде деятельности и заслугах. Плакаты можно разместить в специ-

ально отведенных для этого местах в метро в Лондоне и железнодорожных станциях страны [6].

Опыт вышеуказанных стран в подготовке и распространении визуальных материалов антирадикального характера позволяет говорить о следующем:

1) визуальные материалы являются важным вспомогательным средством воспитания и образования новых поколений, информирования и стимулирования обратной связи, налаживания коммуникации между гражданами, обществом и государством, направленным на создание демократичной и безопасной среды;

2) основная цель визуальных материалов указанной категории – воспитание уважительного отношения к иным расам, национальностям, культурам и мировоззрениям, правам и свободам окружающих людей; формирование эмпатии, критического мышления, отрицательного отношения к любым формам незаконного насилия, личной ответственности и осознания последствий своих поступков; информирование о ценности культурного многообразия и межкультурного диалога, человеческой жизни, взаимопомощи;

3) визуальные материалы могут быть представлены в разных форматах (постеры, плакаты, инфографика, брошюры, видеоролики и др.) и распространяться в различных средах (улицы, общественный транспорт, здания, интернет), что позволяет наиболее эффективно охватить большое количество людей, особенно представителей молодежи разных возрастов;

4) актуальным в настоящее время является разработка материалов не «запрещающего», а «предлагающего» характера, направленных на формирование привлекательных образов и моделей поведения, одобряемых обществом альтернативных путей развития личности и решения жизненных проблем;

5) подготовка визуальных материалов и создание востребованных образов является творческой задачей, для решения которой необходимо широкое вовлечение в работу художников и дизайнеров,

творческих коллективов, негосударственных организаций, обладающих необходимыми талантами, навыками и ресурсами.

Литература

1. *Al-Awadhi B.* Digital PSA Posters. 17 March, 2020. – URL: <https://posterhouse.org/blog/poster-house-x-rachel-gingrich-psa-digital-posters/> (дата обращения: 18.07.2021).

2. Allein mit Deinen Problemen? Das Kinder- und Jugendtelefon der Nummer gegen Kummer. 27 November, 2020. – URL: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/service/publikationen/allein-mit-deinen-problemen-das-kinder-und-jugendtelefon-der-nummer-gegen-kummer-122340> (дата обращения: 18.07.2021).

3. *Capewell J.* Tom Gauld’s Deceptively Simple Comics Hold A Mirror To Human Hypocrisies. 10 July, 2017. – URL: https://www.huffpost.com/entry/tom-gaulds-deceptively-simple-comics-hold-a-mirror-to-human-hypocrisies_n_59d515e6e4b06226e3f583e0 (дата обращения: 18.07.2021).

4. *Chowdhury M.* Through Ad Campaign, Muslim Activists Want To Redefine ‘Jihad’. 30 January, 2013. – URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2013/01/30/170694966/through-ad-campaign-muslim-activists-want-to-redefine-jihad> (дата обращения: 18.07.2021).

5. *Domonoske C.* Boston Launches Anti-Islamophobia Poster Campaign. 18 July, 2017. – URL: <https://www.wnpr.org/post/boston-launches-anti-islamophobia-poster-campaign> (дата обращения: 18.07.2021).

6. I am an Immigrant Poster Campaign. – URL: <https://www.iamanimmigrant.net/i-am-immigrant-poster-campaign> (дата обращения: 18.07.2021).

7. Kanton St.Gallen gegen Rassismus. – URL: <https://www.sg.ch/gesundheits-soziales/soziales/integration/schutz-vor-diskriminierung/kanton-st-gallen-gegen-rassismus.html> (дата обращения: 18.07.2021).

8. Petting Zoo by Christoph Niemann. 15 April, 2015. – URL: <https://www.facebook.com/PettingZooApp/posts/christoph-niemann-has->

created-this-illustration-for-design-indaba-in-response-to/ 843020292411863/
(дата обращения: 18.07.2021).

9. Plakat- und Postkartenmotive gegen Rassismus und Fremdenfeindlichkeit. – URL: <https://mo-ka.net/portfolio/plakate-postkarten-gegen-rassismus-interkulturelle-woche/> (дата обращения: 18.07.2021).

10. Racism explained to kids. – URL: <http://elisegravel.com/en/blog/racism/> (дата обращения: 18.07.2021).

11. *Schödel A.* 100 % Menschenwürde: Tafeln gegen Rassismus. März, 2016. – URL: <https://www.bonner-tafel.de/menschenwuerde.html> (дата обращения: 18.07.2021).

12. The Global Goals of Sustainable Development. – URL: <http://margreetdeheer.com/eng/globalgoals.html> (дата обращения: 18.07.2021).

Анализ состояния исламского образования как центра формирования духовной безопасности общества

Зианишина Р.И.

Российская академия образования

Аннотация. В статье приводится анализ состояния исламского образования в современной России и уровня подготовленности к реализации образовательных программ в эпоху нового времени. Современные условия, в которых реализуются программы, требуют внедрения новых технологий и подходов к образовательному процессу. Возникает потребность в формировании пространства для максимального развития личности и организации новых отношений в системе ценностных ориентиров. Данные факторы способствуют упрощению процесса коммуникации и получения информационного контента, через операционные системы на основе открытого доступа. Доступность и открытость информации способствуют упрощенному получению

соответствующих компетенций, но при этом есть риск распространения деструктивного контента, содержащего искаженную информацию об исламской культуре и имеющего экстремистский характер. В статье обсуждается вопрос создания альтернативной системы по профилактике и противодействию экстремистской идеологии, реализующей свою деятельность через духовные образовательные организации.

Ключевые слова: образовательное пространство, исламское образование, духовная безопасность.

Анализируя состояние исламского образования на территории России и постсоветского пространства, мы можем наблюдать процесс, объединяющий «институциональные структуры (дошкольные и средние образовательные учреждения, образовательные организации высшего образования), где преобладает религиозная составляющая, эволюционировавшие в сторону культурного плюрализма в образовании» [1, 163]. Такие преобразования влекут за собой ряд изменений, в число которых входит взаимопроникновение двух систем светского и религиозного образования.

В условиях глобализации и стремления ряда государств к изменениям в геополитической ситуации в мире, возникает задача сохранения целостности государства, обеспечения единства и национальной безопасности. Возникающие деструктивные воздействия ставят перед собой задачу дестабилизировать состояние российского общества, используя как внешние, так и внутренние силы, одним из таких факторов является экстремистская деятельность, как отдельных граждан, так и группы лиц, основанная на крайне радикальной религиозной идеологии (независимо от конфессии, используемой в качестве инструмента для манипуляций). Деятельность подобных организаций тесно связана с привлечением в свои ряды новых членов и формированием у них искаженного представления о религии в частности, и общего мировоззрения в целом. Превентивной мерой по распространению данного рода деятельности является формирование информационного поля

с достоверной информацией о религии как о духовно-нравственном учении и связанной с ней культуре, а это одно из составляющих религиозного образования.

Неоднократно специалистами из разных областей, а так же автором данной статьи, было акцентировано внимание на ограниченности средств и ресурсов для формирования централизованной системной работы в области религиозного образования и просвещения, а также развития информационного пространства как элемента противодействия радикально настроенным течениям. Сложившаяся на сегодняшний день ситуация, когда в условиях нового времени информатизация образовательного процесса перестала быть «перспективой далекого будущего», став обыденным и необходимым условием для реализации образовательного процесса, религиозное / исламское образование и просвещение зачастую отстает от светского образования. Ряд передовых религиозных образовательных организаций по всей России успешно демонстрируют применение на практике дистанционных форм обучения и информационных ресурсов для просветительской деятельности, а также привлечения аудитории к своим ресурсам. Профессионально выстроенная стратегия по работе с информационными ресурсами является одним из основных компонентов по борьбе с распространением искаженной информации о исламской культуре, а также направлена на анализ рисков и перспектив распространения экстремистской идеологии на территории России через информационные сети.

Начиная с 2005 года проводился ряд мероприятий в рамках «Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования на 2005–2015 годы», в дальнейшем был принят Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 04.07.2007 № 196-дсп «Об обеспечении подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007 году» [2] и Приказ Федерального агентства по образованию (Рособразования) от 15.08.2007 № 1476 «О реализации проектов, выполняемых в 2007 году в рамках Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов

с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 годах, финансируемых за счет средств федерального бюджета» [3].

Особенностью реализации данного вида образовательной деятельности является трехступенчатая система организации духовного (религиозного) образования: от начальной / общей формы в семье и мектебе, профессиональной формы обучения в медресе и вузе, до специализированных высших учебных заведений с программой по повышению квалификации и присвоению научной степени по теологии; также сюда входят светские образовательные учреждения, реализующие программы по изучению ислама, его истории и традиций в рамках культурологического подхода (программа подготовки специалистов с углубленным изучением ислама в вузах, востоковедческие направления обучения и др.).

Одна из задач модернизации системы исламского образования нами представляется в том, чтобы в современных условиях обеспечить эффективное противостояние угрозе экстремистских течений и их возросшему влиянию на формирование сознания молодежи, ставящего под сомнение этические и идеологические ценности, как исламские, так общечеловеческие. Противостояние экстремистской идеологии – одна из важнейших задач, стоящих перед мировым сообществом, поскольку деятельность организаций экстремистского толка дискредитирует ислам и всех его последователей. Угроза распространения экстремистских настроений и последующая их трансформация в радикальные движения затронула не только отдельные страны и регионы, но и весь мир в целом. «Современное общественное устройство зависит от коммуникационных технологий, которые развиваются, с невероятной скоростью расширяя аудиторию пользователей и свою функциональность. В этой ситуации, информационное пространство – это зона повышенного риска, в котором можно найти разного рода источники с экстремистским содержанием, чем и пользуются радикальные движения, распространяя свой антигуманный контент через локальную сеть. В связи с этим необходима эффективная деятельность

альтернативной системы по предотвращению проникновения искаженной информации в свободный доступ, предоставляющей параллельно содержательную информацию, отвечающую вызовам времени» [4, 43]. Такой системой может и должна стать система исламского образования и просвещения, важной задачей которой может быть консолидация усилий исламских образовательных организаций и государственных светских структур в организации процесса распространения достоверной информации об исламской культуре и ее наследии.

Реализация данного направления подразумевает ряд мер по контролю и модернизации системы современного образования в соответствии с поставленными задачами, такими как:

- создание единой социально-информационной системы с доступом к достоверной и актуальной информации по исламской культуре;
- формирование единой базы по учету и контролю за исламскими образовательными организациями, некоего аналога на примере действующей общеобразовательной среды «Российская электронная школа», что позволит не только контролировать в режиме реального времени образовательный процесс, но и организовывать реализацию программ в дистанционном формате.

Литература

1. *Каиаф Ш.Р.* Диссеминация опыта институциональной организации исламского образования во внешнеполитическом контексте взаимодействия России, Турции и стран Центральной Азии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 1. – С 160–171.

2. Об обеспечении подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007 году: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 04.07.2007 № 196-дсп // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.08.2020).

3. О реализации проектов, выполняемых в 2007 году в рамках Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 годах, финансируемых за счет средств федерального бюджета: Приказ Федерального агентства по образованию (Рособразования) от 15.08.2007 № 1476 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.08.2020).

4. *Зианишина Р.И.* Современное состояние исламского образования в контексте глобального образовательного пространства // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: в сборнике материалов XII международной научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию открытия первого в постсоветском пространстве мусульманского медресе при ЦДУМ России имени Ризаэтдина бинэ Фахретдина. – Уфа, 2019. – С. 42–45.

Конфликтологическая компетентность учителей общеобразовательных школ

Кондрашина Е.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается сравнительный анализ понятий «конфликтологическая компетентность» и «конфликтная компетентность», приводятся функции конфликтологической компетентности и конфликтологические задачи учителей общеобразовательных школ, а также описываются результаты проведенного эмпирического исследования.

Ключевые слова: конфликт, конфликтологическая компетентность, конфликтная компетентность, школьный конфликт.

Проблема конфликтологической компетентности учителя в образовательном пространстве представляет научную и практическую задачу. В настоящее время происходит расширение перечня профессиональных компетенций и навыков школьного педагога: актуализируются коммуникативные и конфликтологические компетенции, навыки прогнозирования и проектирования образовательной деятельности. Умение вести конструктивный диалог, прогнозировать и предупреждать конфликтное взаимодействие и острые конфликты, минимизировать деструктивные и негативные последствия конфликтов между субъектами образовательной деятельности является важным и необходимым качеством в работе современного школьного учителя.

Развитие конфликтологической компетентности учителя способствует минимизации случаев острых конфликтов, снижению деструктивных последствий конфликта, сплочению класса. Необходимость ее развития обусловлена высоким уровнем конфликтогенности образовательного процесса между всеми его субъектами. При неизбежности конфликтного взаимодействия конфликтологическая компетентность выступает необходимым навыком современного учителя общеобразовательного учреждения.

Единого определения «конфликтологической компетентности», ее структуры и развития в научной литературе нет. Встречаются такие ее значения, как конфликтная компетентность (Л.А. Петровская, Л.С. Выгодский, М.М. Кашапов), конфликтологическая грамотность (Шурыгина О.В.), конфликтологическая готовность (Г.М. Болтунова, Т.В. Белова), конфликтологическая культура (О.И. Щербакова, Н.В. Самсонова), которые часто употребляются в синонимическом значении, что усложняет процесс изучения этой темы. В данном исследовании будут рассматриваться понятия «конфликтная» и «конфликтологическая» компетентность.

Впервые понятие «конфликтная компетентность» было использовано советским и российским социальным психологом Л.А. Петровской в 1994 году. Конфликтная компетентность (или компетентность

человека в конфликтной ситуации) представляет собой сложное интегральное образование. Л.А. Петровская рассматривает конфликтную компетентность как составную часть компетентности в общении. По ее мнению, в социуме (а также в межличностном взаимодействии) всегда присутствуют предпосылки к конфликту: ограниченность ресурсов, несовпадение мнений, идей и противоборство интересов.

Б.И. Хасан определяет конфликтную компетентность, как одну из важнейших характеристик профессионализма (прежде всего в гуманитарных областях), неотъемлемую составную часть общей коммуникативной компетентности, которая включает в себя: знание о возможных стратегиях поведения в конфликте, умение адекватно применять эти стратегии в реальной жизненной ситуации [1, 43].

М.М. Кашапов считает, что конфликтная компетентность – это способность человека оптимальным способом преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликтов и умение их конструктивно разрешать [2, 53].

По мнению российского конфликтолога, социолога и философа Л.Н. Цой, конфликтологическая компетентность – это способность личности (организации, социальной группы и т. д.) в ситуации конфликта осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных последствий (форм) конфликта [3, 33]. Также он представляет собой уровень развития знаний о стратегиях поведения в конфликте, умение конструктивно взаимодействовать в конфликте.

М.В. Башкин в своем исследовании говорит, что конфликтная компетентность может рассматриваться как один из видов коммуникативной компетентности [4, 47]. По его мнению, конфликтная компетентность является одной из важных характеристик профессионализма личности, прежде всего в гуманитарных специальностях. В своих исследованиях он разграничивает понятия «конфликтная» и «конфликтологическая» компетентность.

Можно сделать вывод, что понятия «конфликтная компетентность» и «конфликтологическая компетентность» не являются тождественными и их стоит различать.

Конфликтологическая компетентность – компонент профессиональной компетентности, предполагает наличие глубоких теоретических знаний в области конфликтологии и практических навыков в разрешении, управлении конфликтом.

Конфликтная компетентность – компонент коммуникативной компетентности, предполагает наличие общей конфликтологической осведомленности, а также способность к эффективному конфликто-разрешению (при этом не обладая специфическими практическими навыками).

Школьный конфликт – явление, которое естественно для такого динамичного социального института, каким является образовательное учреждение. Наличие объективных противоречий, возникающих во всех структурах образовательного процесса, делает конфликты неизбежными, а навыки по управлению конфликтом – обязательными и необходимыми.

Перед учителями общеобразовательных школ стоят следующие конфликтологические задачи:

- 1) мониторинг предконфликтной, конфликтной ситуации;
- 2) профилактика и предупреждение конфликта;
- 3) управление конструктивным конфликтом и его стимулирование;
- 4) разрешение конфликта;
- 5) оказание психологической помощи обучающимся, находящимся в конфликте;
- 6) организация конфликтологического обучения.

Под конфликтологической компетентностью педагога Бережная Г.С. понимает его подготовленность и способность к управлению конфликтами в школе. Также конфликтологическая компетентность предполагает не только способность выполнять трудовые функции в конфликтной школьной среде, но и преобразовывать, менять ее для успешного выполнения задач обучения, воспитания и развития учеников.

Формирование (развитие) конфликтологической компетентности учителя должно включать в себя следующие аспекты:

1. Теоретические знания по конфликтологии: природа конфликта, причины, функции, объект и предмет конфликта, типология конфликтов, стратегии поведения в конфликтной ситуации, конфликтогены;

2. Практические (прикладные) навыки по управлению конфликтными ситуациями: выявление, урегулирование, разрешение проблемы, предупреждение, профилактика, мониторинг, стимулирование и ослабление конфликта.

Исходя из характера педагогической деятельности, многообразия противоречий между всеми субъектами образовательного процесса, можно выделить следующие функции конфликтологической компетентности:

1. Превентивная (предупреждающая) функция – профилактика конфликтов и конфликтного взаимодействия между субъектами образовательного процесса, также ориентирована на экологичное снятие напряженности;

2. Прогностическая функция, заключающаяся в способности педагога прогнозировать возможные конфликты, их исходы и последствия;

3. Конструктивная функция – умение видеть в конфликте позитивные (конструктивные) стороны, также данная функция обеспечивает процесс выбора и принятия личностью оптимального, подходящего решения конфликта и стратегии поведения в нем;

4. Рефлексивная функция – готовность педагога к рефлексии своих эмоций, мыслей, действий, к саморегуляции своего состояния, а также к рефлексии конфликтологических ситуаций;

5. Практическая – способность педагога, опираясь на свои конфликтологические знания о техниках, стратегиях и методах, позволяющих минимизировать негативные (деструктивные) последствия конфликта, управлять конфликтной ситуацией и разрешить ее.

Для исследования отношения учителей к конфликтологической компетентности, их знаний о данной теме, а также их отношения к конфликту и возможного интереса к повышению конфликтологической компетентности был проведен экспертный опрос, содержащий 6 открытых вопросов. В экспертном опросе приняло участие 15 респондентов – учителей в возрасте от 20 до 53 лет и со стажем работы от 2-х недель и до 30 лет. Респонденты из городов: Самара, Казань, Москва, Йошкар-Ола, Севастополь, Санкт-Петербург.

На основе проведенного экспертного опроса можно выделить следующие аспекты:

На вопрос «как Вы относитесь к школьному конфликту?» были получены следующие ответы: нормально и адекватно относятся к конфликту 14 из 15 респондентов, отрицательное отношение у одного респондента. Трое видят конфликт как неизбежное явление в школе.

Под понятием «конфликтологическая компетентность» эксперты понимают: наличие знаний о конфликте и как себя в нем вести; умение грамотно разрешать конфликтные ситуации; умение решать конфликты с наименьшими эмоциональными потерями; умение избегать конфликтов и извлекать из них урок; понимание всех стадий развития конфликтных ситуаций; умение их (конфликтные ситуации) минимизировать, привести ее к минимизации, умение общаться и строить отношения так, чтобы во время конфликтов не выходить за рамки причин конфликта и не переходить на личные оскорбления; понимание и умение вести себя в конфликте; умение видеть пути разрешения конфликта.

Существует ли интерес у учителей к данной теме и есть ли интерес у них: 3 из 15 респондентов отметили, что данная тема не интересна другим учителям и также не интересна им самим; 12 из 15 респондентам данная тема интересна, и они считают, что другие учителя тоже в ней заинтересованы.

Есть ли опыт участия в мероприятиях, направленных на повышение конфликтологической компетентности: 5 из 15 респондентов

никогда не принимали участия в мероприятиях с подобными темами. Также были ответы: изучали в университете, изучали самостоятельно.

О необходимости развития навыков работы с конфликтом и о формате: все 15 респондентов опроса высказались «за» обучение учителей в таких форматах, как тренинги, лекции, семинары, консультации со специалистами, на примерах реальных ситуаций (разыгрывание реальных ситуаций), практические занятия со специалистом.

Анализ результатов экспертного опроса показал, что у учителей общеобразовательных школ существует интерес к теме повышения конфликтологической компетентности посредством проведения различных тренингов, мастер-классов с обязательной практической частью.

Литература

1. *Хасан Б.И.* Конфликтная компетентность – атрибутивный эффект развивающего обучения // Педагогика развития: «Проблемы современного детства и задачи школы». Материалы 3-й научно-практической конференции. Красноярск, 1996. – Ч. 1. – С. 42–47.

2. *Кашапов М.М.* Психология конфликтной компетентности: учеб. пособие / М.М. Кашапов, М.В. Башкин; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 128 с. – Портал психологических изданий PsyJournals.ru. – URL: <https://psyjournals.ru/authors/62441.shtml>

3. *Цой Л.Н.* Практическая конфликтология. Книга первая / Л.Н. Цой. – М.: Глобус, 2001. – С. 33.

4. *Башкин М.В.* Конфликтная компетентность: метод. указания / М.В. Башкин; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 72 с.

Конфликты в школе, инициируемые неформальными сообществами

Матвеева А.С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В данной статье были рассмотрены особенности влияния неформальных сообществ на конфликты в образовательных учреждениях (на базе МБОУ “СОШ” № 1 г. Чистополь).

Ключевые слова: конфликт, неформальные сообщества, молодежная субкультура, социализация, общество.

Влияющим видом деятельности подростка в реализации себя является общение, и главным образом общение с ровесниками. Большинство научных исследований посвящено проблемам подросткового возраста, которые имеют огромное значение для подростка, когда тот общается со сверстниками. Общение может быть как виртуальным, так и реальным – все это находится в центре жизни юного поколения и определяет его основное поведение в обществе, которое может быть конструктивным или деструктивным. Но, к сожалению, возможны различные затруднения. Формирование жизненной позиции у подростка является достаточно сложным периодом, и на этой почве возникает проблема конфликтов, поэтому данный вопрос сейчас достаточно актуален.

В настоящее время научные исследования направлены на изучение реальных неформальных сообществ. В основном научный интерес вызывают проблемы образования неформальных объединений в малых формальных группах, в частности, в школьных классах.

Современная общественно-политическая ситуация в России демонстрирует следующее: неформальные подростковые объединения – это достаточно актуальная проблема на данный момент, потому как внушительное количество подростков становятся заложниками деструктивного движения не из-за каких-либо убеждений и идеологий,

а из-за того, что им попросту нравится принадлежность к неформальным объединениям, относительная независимость и демонстрация самостоятельности.

Вся проблема взаимопонимания взрослого и подростка-неформала заключается в том, что взрослые не одобряют его выбора и относятся к этому с недоверием. Но неформальные субкультуры не всегда означают отказ от национальной культуры, принятой большинством, они обнаруживают лишь определенные отклонения от нее.

Неформальные сообщества – это группировки, направления и инициативы, некие кружки единомышленников, которые проявляют достаточно активную деятельность. Неформальное сообщество – своеобразное культурное течение, включающее в себя большое количество молодых людей, существующее на протяжении нескольких десятилетий, часто имеющее международный характер. Неформальные объединения для подростков есть способ свободного самовыражения, неограниченного проявления инициативы и бесконтрольного (со стороны взрослых) общения. Также неформальные объединения дают возможность молодому человеку определить границы своих реальных возможностей, узнать, на что он способен и утвердиться в обществе [1].

При выявлении сущности неформальных молодежных сообществ мы обнаружили, что они плюралистичны и многочисленны. Направленность тоже различается и зависит от идеологии, целей и задач самого объединения.

Представители различных молодежных субкультур, действительно, не вызывают особых симпатий у тех, кто постарше. Среди педагогов и родителей бытует однозначное мнение: если ребенок состоит в неформальном сообществе, следовательно, это непременно носит негативную сторону и обязательно приведет его «не в ту компанию», что грозит огромными проблемами.

Основная причина подобного выбора подростка – стремление реализовать свои основные психологические потребности, а их достаточно.

Также стоит отметить то, что в большинстве случаев причинами вступления в неформальные сообщества являются непонимание со стороны общества, неудовлетворенность потребностей, а также такие факторы, как стремление к большей ответственности, независимости от норм, традиций и ценностей взрослого мира. Решающим фактором при вступлении подростков в неформальные молодежные сообщества является атрибутика «неформальных людей»: внешний вид, знаки, символы.

Таким образом, неформальные молодежные объединения, с одной стороны, – закономерное порождение неформального сообщества, обусловленное историческими, экономическими, социокультурными причинами; в них подросток «отрабатывает» идентификационную поведенческую модель, удовлетворяет потребности в общении со сверстниками и ищет себя.

С другой стороны, воспитательный потенциал неформальных молодежных объединений изначально антигуманен, т. к. в них присутствует идеологическое давление на личность, культивируются физиологические, гедонистические потребности, отмечается препятствие ее морально-нравственному развитию, социализации.

В нашей стране на данный момент насчитываются десятки тысяч неформальных молодежных объединений разной направленности, за деятельностью которых невозможно проследить, поэтому необходимо воздействовать на подрастающее поколение, как формальных, так и неформальных институтов социализации, последние из которых практически не контролируются, но, в свою очередь, оказывают огромное и важное влияние на социальное становление подростка и его расстановку приоритетов [4].

Влияние неформального подросткового объединения обеспечивает компенсацию негативного отношения к себе, низкого уровня самоуважения, непринятия образа собственного тела (несоответствия внешнего вида эталонам принятия общества). Компенсация происходит благодаря крайнему преувеличению своей непохожести, исключительности. Таким образом, степень влияния неформальных сообществ на молодое

поколение достаточно велика и несет не только негативную функцию в плане популяризации, но и обратную в плане освещения и поднятия проблемы. Современное общество оказывается в состоянии полной беспомощности уберечь себя от проявления деструктивности.

В результате проведенного исследования на базе МБОУ «СОШ» № 1 г. Чистополя было выявлено, что большая часть подростков сталкивалась с конфликтами между сверстниками и более взрослым поколением, из-за своей принадлежности к неформальным сообществам. Характерными проблемами, возникающими у представителей неформальных молодежных сообществ, являются: возмещение отрицательного отношения к себе крайним утрированием своей отличительности; выбор определенного внешнего образа, который заменяет ценность самоопределения при отсутствии у воспитанника соответствующего социального опыта; конфликтность взаимоотношений с родителями, учителями и со сверстниками, что обусловлено провокационными образами и некомпетентностью в общении.

Деятельность педагога в процессе оказания социально-педагогической помощи школьникам предполагает: создание в группе дружелюбного эмоционального климата; оказание помощи учащимся в приобретении необходимого социального опыта; расширение представлений о способах и возможностях самовыражения, использовании медиации в конфликте с взрослыми и сверстниками [5].

Литература

1. *Беляева К.А.* Феномен молодежной субкультуры в условиях социальных противоречий современного российского общества. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2010. – № 5. – С. 35–38.

2. *Егорова Т.В.* Методы работы по предупреждению вовлечения подростков в деструктивные неформальные объединения / Т.В. Егорова // Воспитание школьников. – 2009. – № 9. – С. 27–30.

3. *Селиванова З.К.* Агенты и институты социализации старших подростков в современной России // Молодежь России: альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений. – 2012. – С. 224–243.

4. *Снимщикова Э.В.* Социализация и позитивные девиации личности // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 114–116.

5. *Степанова Г.С.* Проблемы социализации современной молодежи // Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 51–55.

**Педагогические конфликты
в контексте поколенческой парадигмы:
исторический опыт и практики современной России**

Стадухина С.О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Представлен анализ педагогических конфликтов, влияние идеологизированных ориентиров на современный воспитательный аспект. Определены педагогические и информационные противоречия, возникающие между участниками образовательного процесса – представителями разных поколений. Делается вывод о необходимости внедрения в воспитательный процесс специалистов, способных эффективно применять качественные универсальные методики по профилактике, предотвращению и урегулированию конфликтов в образовательных учреждениях различных уровней.

Ключевые слова: конфликт, поколение, школа, компетенции, управление.

Проблема поколенческих взаимоотношений в рамках педагогического процесса носит междисциплинарный характер, нуждающийся в исследовании ключевых аспектов. Они включают в себя фундаментальные характеристики современного и советского пространства

с помощью проведения глубокого последовательного анализа его методологической и прикладной части.

Основа междисциплинарного исследования поколенческого вопроса заключается в сравнительном анализе советского пространства и его ценностной ориентации в рамках образовательного процесса (влияние идеологизированных «советских ориентиров» на воспитательный аспект) и современного поколения (в контексте социологических поколенческих теорий).

Актуальность темы обусловлена попыткой междисциплинарного анализа педагогических конфликтов в сравнительно-исторической перспективе. Междисциплинарный характер проводимого исследования позволяет выявить социально-психологические, социально-исторические (для анализа методологии воспитания советского поколения), педагогические и информационные противоречия, возникающие между участниками образовательного процесса – между индивидами, представителями разных поколений.

В процессе воспитания «советского поколения» огромную роль играла политическая и экономическая ситуация в стране, которая вынуждала людей подстраиваться под авторитарную идеологизированную систему управления. Современная молодежь имеет больше прав и возможностей в рамках «свободы слова» и «свободы выбора», что наложило свой отпечаток на выстраивание взаимоотношений поколений друг с другом в образовательной среде.

Необходимо отметить важный для изучения аспект – информационный, его значимое влияние на современное поколение и непризнание, отторжение в какой-то степени инноваций со стороны «Homosoveticus» [1].

Сегодня педагогическая сфера в рамках воспитательного процесса базируется, на наш взгляд, на устаревших, «советских», теряющих свою эффективность методах воспитательной работы. Социальная теория Вадима Радаева, которая хорошо представлена в его работе

«Миллениалы: как меняется российское общество»¹, указывает на значительный рост инноваций и заполнение социального пространства цифровыми технологиями, что оказывает давление на формирование ценностных ориентиров и ценностей молодого поколения. Старшее поколение, не успевая за тенденциями и развитием общества, не могут найти общий язык и точки соприкосновения с нынешней молодежью. Это обусловлено тяжелой усвояемостью и сопротивлением принятия нового в своей жизни, либо же полным нежеланием менять укоренившийся уклад жизни. Шамис Е. совместно с Никоновым Е.² представили работу «В семье не без миллениума», где содержатся рекомендации по работе с современными поколениями России, которые вписались бы в сферу обучения педагогов.

Представленная проблема наглядно иллюстрирует один из актуальных вопросов последних лет – поколенческий аспект в разрешении образовательных, в том числе и педагогических, конфликтов. Это обусловлено тем, что сложность взаимоотношений выливается в различные социальные проблемы, которые начинают затрагивать общество в целом, о чем свидетельствуют проблемы демографического характера и фактор преступности. Данный феномен ярко выражается в открытых и не решенных на сегодняшний день проблемах, таких как национальная безопасность, личная безопасность, буллинг, моббинг, школьный экстремизм и терроризм и т. п.

---

¹ Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

² См.: В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985–2002 г.р.), которое меняет мир / Евгения Шамис, Евгений Никонов. М.: Synergybook, 2019. 184 с.

Стоит отметить, что данную проблему рассматривали целый ряд авторов, таких как Ю.А. Левада¹, Е.И. Иванова [3], Е.Л. Омельченко² и другие, в самых разных публикациях: пособиях, статьях, периодических изданиях в Интернете. В этих и других работах последнего десятилетия наблюдается развитие информационных технологий, на фоне которого современное поколение называют «цифровым».

Вместе с тем в основу современной европейской образовательной методологии положены теории четырех педагогов, определивших, по мнению ЮНЕСКО, способ педагогического мышления в XX веке. В этот список входят: Мария Монтессори³, Джон Дьюи [2], Георг Кершенштейнер⁴ и Антон Макаренко⁵. Педагогическая система А.С. Макаренко⁶ является универсальным механизмом преодоления конфликтов в педагогической сфере, который учит работать в ученических коллективах, невзирая на поколенческие расхождения, и грамотно выходить из возникающих столкновений.

Методологической рамкой исследования выступили: педагогическая система А.С. Макаренко, суть которой заключается в том, что система трудового воспитания позволяет ресоциализировать девиантных и делинквентных подростков, а выстраивание дисциплины происходит с помощью реального дела, то есть при помощи приучения учеников

---

¹ Левада Ю.А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Ю.А. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 235–244.

² Омельченко Е.Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века // Социологический ежегодник. Вып. 3 / науч. ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 243–263.

³ Монтессори М. Научная педагогика. Том 2. Элементарное образование. М.: Народная книга, 2014.

⁴ Кершенштейнер Г. Сборник // Основные вопросы школьной организации. Вопросы воспитания. СПб.: Изд. газеты «Школа и Жизнь», 1911. 140 с.

⁵ Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 91 с.

⁶ Там же. 91с.

к натуральному хозяйству и производству в целом; социологический поколенческий подход¹, объясняющийся тем, что поколение, которое принадлежит одной возрастной категории, в единый исторический период проживает аналогичные события, что формирует условия взросления и социализации, отпечатываясь в исторической памяти; политизированный подход², который проявляется в определении границ и характеристик поколений, влиянии политического аспекта на заинтересованность различных поколений; «теория поколений», которая подразумевает рассмотрение поколений с точки зрения междисциплинарного подхода, то есть системно и целостно, когда поколения рассматриваются под одним углом и вычленяется универсальный метод обучения в педагогической системе.

В качестве исследования был проведен вторичный анализ данных по воспитательной и образовательной деятельности учебных заведений, с целью выявления специфики педагогических моделей поколений в разрешении школьных конфликтов в советской и современной России. Кроме того, было проведено интервьюирование двух учителей учебных заведений. Выборка осуществлялась методом «снежного кома». Были заданы вопросы касательно структуры образовательного процесса, наличия конфликтов в учебном заведении и способах их разрешения, отношения представителей разных поколений друг к другу.

Нам удалось провести анонимный удаленный опрос учащихся школ, с целью определения: частоты конфликтов между сверстниками и представителями разных поколений; степени влияния «конфликта поколений» на образовательный процесс; отношения представителей разных поколений друг к другу.

Основные причины конфликтов – 66 % учащихся вступают в конфликтное взаимодействие с представителями старшего поколения, в то

---

¹ Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

² Там же. 224 с.

время как 34 % учащихся имеют конфликты исключительно со своими сверстниками, представителями одного поколения.

Нам удалось выявить причины конфликтов в процентном соотношении и выстроить их в порядке убывания: 28 % отметили, что основная причина – это навязывание точки зрения по отношению к оппоненту; 27 % представителей говорят о разности взглядов, ценностей и представлений, мироощущения; 21 % выделяют основной причиной вмешательство в личную жизнь; 15 % отмечают основной причиной конфликтного взаимодействия разный жизненный опыт; 9 % главной причиной считают нравоучения и духовные разногласия.

В ходе проделанной работы нам удалось прийти к ряду выводов, которые стоит учитывать при дальнейшем рассмотрении, анализе и работе с представленной проблемой.

В общих чертах с помощью исследования удалось прийти к следующим выводам. Уровень организации образовательной и воспитательной работы в учебных учреждениях остается на невысоком уровне; специалист способен подвести индивидуумов к выработке личной, конструктивной, модели поведения в конфликте; школа нуждается в специалисте, который способен объяснить, что времена меняются и на смену старых приходят новые взгляды, ценности, установки и устои, которых придерживаются представители определенного поколения, в силу своего формирования в определенный исторический период; учащиеся убеждены, что школа нуждается в усовершенствовании методик по организации образовательного и воспитательного процесса, во внедрении нововведений, улучшающих образовательный процесс.

Таким образом, школа обладает высоким уровнем конфликтогенности и сопровождается частым конфликтным взаимодействием. Грамотное выстраивание конфликта способствует развитию индивидов, однако при направлении конфликтной ситуации в негативное русло приводит к отрицательным последствиям. С целью недопущения данных последствий, образовательные структуры должны усовершен-

ствовать воспитательную деятельность, которая при использовании грамотных современных методик способна будет объяснить учащимся понятие конфликта и его возможные исходы. Орган по воспитательной работе нуждается не только в специалистах – психологах, способных применять стандартные методики психотестирования или психоконсалтинга, но и в специалистах – конфликтологах, способных эффективно применять качественные универсальные методики по профилактике, предотвращению и урегулированию конфликтов в образовательных учреждениях различных уровней.

Литература

1. Гомо советикус // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М.: Локид-Пресс, 2005. – С. 186.

2. Дьюи Дж. От ребенка – к миру, от мира – к ребенку (сб. статей). – М.: Карапуз, 2009. – 352 с.

3. Иванова Е.И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социологические исследования. – № 4. – 2012. – С. 42–53.

4. Кершеништейнер Г. Сборник // Основные вопросы школьной организации. Вопросы воспитания. – СПб.: Изд. газеты «Школа и Жизнь», 1911. – 140 с.

5. Левада Ю.А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Ю.А. Левады, Т. Шанина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 235–244.

6. Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – 91 с.

7. Монтессори М. Научная педагогика. – Том 2. Элементарное образование. – М.: Народная книга, 2014.

8. Омельченко Е.Л. От сытых нулевых – к молчаливым десяткам: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века //

Социологический ежегодник. Вып. 3 / науч. ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – С. 243–263.

9. Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

10. В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985–2002 г.р.), которое меняет мир / Евгения Шамис, Евгений Никонов. – М.: Synergybook, 2019. – 184 с.

Детерминанты и предупреждение деструктивных проявлений молодежного активизма

*Логинова Л.В., Щепланова В.В.
Саратовская государственная юридическая академия*

Аннотация. В статье представлен социологический анализ информационно-коммуникативного, социально-политического, социально-экономического контекстов причин деструктивных проявлений молодежной активности; на основе данных экспертного опроса предложена система мер по предупреждению.

Ключевые слова: молодежь, гражданская активность, деструктивная активность, профилактика деструктивной активности.

Студенческая молодежь, находясь на особой стадии жизненного цикла (социализации), для которой характерны активный поиск своего места в жизни общества, формирование жизненного мира, социально-политических установок, развитие личности, подвержена деструктивным проявлениям своей гражданской активности. С функционалистских позиций деструктивная активность, означающая «разрушение социальных структур с целью актуализации нового содержания, противоположного имеющемуся ранее» [2, с. 63], может проявляться

в агрессивных делинквентных действиях, нарушающих законные интересы общества, подрывая и / или саботируя цели, задачи, ресурсы и эффективность общественного развития, и представляющих социальную опасность; в экстремистском поведении; а также в гражданско-активистских ненасильственных легальных и нелегальных практиках (протестный активизм), имеющих конструктивный потенциал в интересах решения каких-либо общественных проблем [3, с. 98–99].

Характеризуя причины деструктивных проявлений гражданской активности студенческой молодежи, можно выделить несколько контекстов.

Информационно-коммуникативный контекст. С использованием интернет-технологий энергия инициативной, предприимчивой студенческой молодежи уже не раз была задействована в процессах реализации разнообразных революционных сценариев по смене неугодных политических режимов в различных странах. Координация их действий происходит с помощью социальных сетей и блогов, мессенджеров, активное использование которых стало одним из главных признаков всех молодежных протестов последних лет. Так, в апреле 2021 года в девяти городах России, в том числе в Саратове¹, были задержаны сторонники молодежной проукраинской неонацистской организации, готовившие серию взрывов и вооруженных нападений. В Саратовской области призывы к экстремистской деятельности распространялись через WhatsApp.

Молодежь уютно чувствует себя в онлайн-пространстве, следует всем трендам и зарегистрирована практически во всех социальных сетях. Если еще десять лет назад проведенное время в социальных сетях можно было назвать досугом, то сейчас социальные сети стали неотъемлемой частью их жизни. И именно в социальных сетях начало возрастать количество молодежных групп, каналов. Многие создают собственный онлайн-контент, например, телеграмм-каналы, блоги, посвященные наиболее острым социальным проблемам, защите гражд-

---

¹ URL: https://www.newsru.com/russia/29Apr2021/another_mku.html.

анских прав и свобод. Переходу протеста, в том числе радикального, в сетевое пространство способствуют действия властей по ограничению легальных способов его выражения. Но опасность такой политики кроется в сложностях контроля [5, с. 119].

В условиях информационной войны, которая развязана против современной России, активизацией в этой связи разнообразных социально-политических, религиозных, культурно-образовательных, благотворительных организаций, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных государств, существует угроза манипулятивного воздействия на студенческую молодежь.

Социально-политический контекст. Данные российских исследовательских центров демонстрируют, что склонность молодежи к экстремистской деятельности сочетается со скептическим отношением к современной социально-политической системе. Среди молодого поколения больше критиков свободы слова и собраний и тех, кто считает весьма вероятными радикальные выступления против власти. Телефонный опрос ФОМ¹ показал большее недовольство молодого поколения законом 2013 года, по которому для проведения митингов, демонстраций и подобных акций необходимо получать разрешение от властей. 60 % респондентов от 18 до 30 лет (против 49 % в среднем по выборке) не хотели бы согласовывать с властями публичные акции, получать от них разрешение. Согласно данным опроса ВЦИОМ², молодое поколение чаще (66 % респондентов от 18 до 24 против 48 % в среднем по выборке) отмечает вероятность беспорядков внутри страны.

Результаты научно-исследовательского проекта «Деструктивная гражданская активность студенческой молодежи: диагностика

---

¹ Протесты: отношение и представления об эффективности, август 2020, N=1000, URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14445>.

² ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ, март 2021. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=321&q_id=33369&date=28.03.2021.

и модель»¹ показали, что побудить молодежь к участию в протестных акциях значительным образом может непрозрачность принимаемых властью решений, связанных с неблагоприятными экологическими последствиями. В регионах периодически проходят протесты экологов: против строительства «заводов смерти» на Волге; превращения регионов «в свалки отходов!».

Социально-экономический контекст. Источниками молодежной деструктивности выступают и социально-экономические факторы, в том числе материальное неравенство, проблема занятости. При исследовании активизма молодежи в Восточной Азии, в том числе в китайских провинциях, исследователи подчеркивают депрессивное состояние целого поколения, детерминированное безработицей, отсутствием социальных гарантий [8]. Неудовлетворенность своим социально-экономическим положением также высказывается представителями молодого поколения россиян [6]. Студенческая молодежь наиболее деструктивно настроена (вплоть до поддержки «цветной революции») в тех регионах России, где наихудшие условия в части материального благополучия, высокий уровень неравенства [4, с. 90, 93]. Замечено, что при наличии четких перспектив и тенденции к улучшению социально-экономической ситуации нереализованность социально-экономических амбиций молодых может не сопровождаться ростом экстремистских настроений. Причиной таких настроений может стать психологическое состояние депривации (лат. “deprivatio” – потеря, лишение), когда из-за отсутствия возможности реализовать свои ожидания, удовлетворять значимые потребности возникает агрессия, зреет политическое насилие [1, с. 59].

Для оценки действующих и необходимых мер предупреждения деструктивных проявлений гражданского активизма студентов Саратовской области были проведены интервью с экспертами (N = 31; 2019–2020 гг.) [7].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31001.

Совершенствованию профилактической работы по противодействию деструктивным явлениям, экстремистским настроениям среди молодежи способствуют следующие мероприятия:

- создание альтернатив негативным настроениям и изменение социально-экономических условий;

- расширение коммуникаций по линии отношений «власть – студенты – бизнес-сообщество – гражданское общество», активное взаимодействие и по линии вовлечения студентов в проектную деятельность с привлечением представителей бизнеса;

- информирование молодого поколения о результатах мониторингов деструктивных проявлений (в реальной жизни, в социальных сетях) и их последствий, приглашение с выступлениями, лекциями на площадки, доступные студентам;

- расширение объектов профилактической работы и молодежной политики через более широкий охват работой по вовлечению в гражданский активизм разных групп молодежи;

- проведение молодежных мероприятий нового формата (интернет-квестов, нацеленных на использование положительного познавательного и патриотического контента);

- развитие культуры гражданского участия и активизма, встраивание ее в социально-культурную матрицу общества;

- придание профилактической работе системного характера. Профилактическая работа будет давать эффект, только если будут обеспечены три системных условия: а) способность власти создать такую социокультурную среду, где молодой человек с детства был бы вовлечен в различные позитивные виды деятельности; б) высокое материальное благосостояние общества, снижение % бедных семей, которые не могут обеспечить детям эти виды деятельности, снижение социально неблагополучных семей; в) воспитание в семье, обеспечивающее занятость детей позитивной деятельностью.

Таким образом, для противодействия радикализации гражданской активности молодежи, российским властным структурам

необходимо создавать современные каналы для налаживания диалога с проактивной молодежью, равнодушной к социальным проблемам, различного рода горизонтальных площадок для общественного участия молодежи.

Литература

1. *Безрукова Е.Ю.* Социально-политический протест в России, или «почему люди не бунтуют? // *Власть.* – 2020. – № 2. – С. 58–62.

2. *Злоказов К.В.* Деструктивность и идентичность личности // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН.* – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 61–73.

3. *Логинова Л.В., Щепланова В.В.* Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // *LogosetPraxis.* – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 98–108.

4. Отношение российского студенчества к цветным революциям / С.Б. Суровов, А.В. Малько, И.Н. Коновалов, Л.В. Логинова // *Социологические исследования.* – 2019. – № 3. – С. 85–97.

5. *Петухов В.В., Петухов Р.В.* Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // *Полис.* – 2019. – № 5. – С. 119–133.

6. Хватает ли людям зарплаты на жизнь? Считают ли они оплату труда справедливой? // *Социологический опрос Фонда общественного мнения от 4 августа 2019 г.* – URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14240>.

7. *Щепланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю.* Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов.* – Серия: Социология. – 2020. – Том 20. – № 3. – С. 595–610.

8. *Joo Y.* Same Despair but Different Hope: Youth Activism in East Asia and Contentious Politics // *Development and Society.* – 2018. – № 47(3). – P. 401–422.

Корпоративная безопасность в условиях цифровизации общества

Терешина Е.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. На фоне цифровой трансформации общества наблюдается усиление социально-экономических вызовов и угроз, особую актуальность приобретает проблема безопасности организации. Информационные технологии открывают новые возможности для функционирования государства и общества, вместе с тем они несут риски и угрозы для большинства современных корпораций. На основании сложившихся в научной среде подходов к пониманию корпоративной безопасности, автор раскрывает ее сущность, определяет ее структурные элементы. Корпоративная безопасность реализует себя посредством выполнения таких ключевых функций, как управление рисками, кризисное управление, информационная безопасность, выявление преступлений, сдерживание мошенничества, физическая безопасность, расследования и планирование непрерывности бизнеса. Перед корпоративной безопасностью стоят серьезные задачи, напрямую связанные с материальным благополучием и успехом организации. Автор полагает, что современным корпорациям недостаточно только правильно подобрать систему корпоративной безопасности, нужно профессионально уметь управлять. Цифровые технологии могут быть использованы в помощь организации, в качестве инструментов выявления потенциальных рисков и угроз, смягчения реальных угроз и уменьшения их воздействия на общество и государство.

Ключевые слова: цифровизация общества, государство, организация, корпорация, корпоративная безопасность.

С ростом числа кибератак, стихийных бедствий, случаев кражи интеллектуальной собственности корпоративная безопасность стала приоритетным направлением во всем деловом мире. Новые угрозы

и вызовы начали предъявлять корпорациям иные требования к системе обеспечения своей безопасности, которая в условиях цифровизации должна обладать свойством не только быстрого реагирования на угрозы и вызовы, но и потенциалом их прогнозирования и профилактики.

Рассуждая о концепте «корпоративная безопасность», важным представляется соотнести между собой понятия «корпорация» и «организация».

В контексте данной публикации понятие «корпорация» выступает производным от понятия «организация». Организация понимается намного шире, нежели корпорация. Организация – это социально-экономическая система, созданная для достижения коммерческих или некоммерческих целей, которая реализуется в объединении людей, совместно осуществляющих программу или цель и действующих по основе определенных правил или процедур [1, с. 86]. Вместе с тем корпорация есть также сообщество людей, занимающихся совместной деятельностью, объединенных ценностями сотрудничества.

Феномен корпоративной безопасности выступает основой сохранения и развития такого социального организма, как организация. Многообразие научных подходов к исследованию корпоративной безопасности, на наш взгляд, целесообразно свести к трем основным.

Во-первых, «корпоративная безопасность» может быть определена как многоаспектное состояние, характеризующее положение корпорации во внешней среде. В этом смысле корпоративная безопасность предполагает отсутствие опасности и угрозы для корпорации. Но в любой организации или корпорации в реальности всегда присутствуют определенные препятствия, риски, угрозы внутреннего и внешнего характера.

Во-вторых, корпоративная безопасность предполагает процесс взаимодействия социальных объектов с многочисленными обстоятельствами и факторами, оказывающими на них деструктивное воздействие. Предупреждение, ослабление, ликвидация угроз и вызовов,

наносящих ущерб существованию, благополучию, нормальному функционированию людей в организации, а также поддержание их жизнедеятельности на должном уровне дает представление о безопасности в более широком смысле этого слова.

В-третьих, корпоративную безопасность можно определить как системное качество, присущее любой организации. Механизмы функционирования корпорации, цели и задачи обеспечения безопасности целесообразно рассматривать в контексте системного подхода, сторонники которого определяют организацию как совокупность элементов, находящихся в отношениях друг с другом и образующих единое целое [2, с. 15].

Системы безопасности могут создаваться не только в государственном масштабе, но и в рамках отдельных корпораций. Система безопасности корпорации представляет собой совокупность мероприятий экономического, управленческого, организационного, технического и юридического характера, которые направлены на эффективный контроль за текущей деятельностью организации.

В рамках системы обеспечения корпоративной безопасности можно выделить ряд элементов или подсистем.

1. Кадровая безопасность (защита от разглашения информации, защита от совершения противоправных действий, защита от некомпетентных действий и пр.).

2. Информационная безопасность (защищенность информационных ресурсов и потоков информации корпорации).

2. Финансовая безопасность (бизнес-разведка, управление и минимизация экономических рисков, защита от мошенничества).

3. Техническая безопасность (защита от утечки информации).

4. Инженерно-техническая (противопожарные меры, видеонаблюдение, контрольно-пропускной режим, система сигнализации).

5. Личная безопасность (физическая защита сотрудников корпорации, юридическая защита, психологическая защита).

6. Кибер- или IT-безопасность (защита сетей, защита автономной информации, защита информации при передаче между разрозненными объектами).

7. Правовая безопасность (юридическое обеспечение деятельности предприятия, отношения с государством, партнерами, конкурентами, поставщиками и пр.).

В условиях распространяющейся в обществе цифровизации актуальным выступает обеспечение кибербезопасности в организации.

Так, по данным Глобального исследования «Доверие к цифровым технологиям» 2021, проведенного организацией PwC, около 96 % руководителей глобальных компаний изменили свою стратегию обеспечения кибербезопасности в связи с COVID-1 [4]. Об ускорении цифровизации заявили 24 % руководителей российских компаний против 40 % по всему миру [3].

Среди задач, которые стоят в настоящее время перед системой безопасности корпорации, можно выделить следующие: защита информации; предотвращение угроз со стороны конкурентов; обеспечение устойчивой операционной деятельности корпорации, стабильности бизнес-процессов; сохранение и развитие кадрового состава; защита от неправомерных действий клиентов и партнеров; сохранение финансов корпорации.

Одним из главных факторов благополучия в борьбе с проблемами безопасности является своевременное отслеживание и определение маркеров, которые бы свидетельствовали о том, что в корпорации возникли сбои и появился источник угроз. В этой связи на уровне корпорации предпринимаются необходимые меры по защите и профилактике.

1. В качестве первой меры по защите от угроз в отношении корпорации можно назвать оценку бизнес-процессов, возможного ущерба, повторяемости, уровня опасности, способов ликвидации.

2. Далее, на уровне корпорации необходимо разработать минимальный комплекс документации (должностные инструкции, регламент безопасности, положение о коммерческой тайне корпорации, положение о режиме в корпорации и пр.)

3. Также необходимо иметь набор средств для обнаружения, ликвидации и профилактики угроз корпоративной безопасности.

4. Тщательно относиться к подбору персонала, этапу обучения и адаптации новых сотрудников.

5. Необходимо провести с сотрудниками беседу (описать на портале, в базе знаний и т. д.) относительно разглашения информации, в том числе в публичных местах, родственникам, друзьям.

6. Необходимо учитывать опыт ликвидации инцидентов и хранить его как информацию для служебного пользования.

7. Важно использовать специализированное программное обеспечение.

8. Необходимо тщательно следить за источниками, по которым внутренняя информация может транслироваться вовне.

9. Важно развивать лояльность сотрудников, контролировать HR-ресурсы.

10. Нужно транслировать свое понимание безопасности конкурентам, партнерам, удаленным филиалам и сотрудникам.

11. Делать резервные копии с целью сохранения информации в случае ее потери или искажения.

Безусловно, перечень рекомендаций корпорациям по защите от угроз носит условный характер и может дополняться. Выполнение минимального количества норм корпоративной безопасности ощутимо может сократить риски и обезопасить корпорацию. Роль безопасности в корпоративном мире и заключается в смягчении этих рисков и уменьшении их воздействия.

Таким образом, корпоративная безопасность является неотъемлемой составляющей системы безопасности страны и выступает основой обеспечения национальной безопасности.

Деятельность по обеспечению корпоративной безопасности, противодействию угрозам предполагает создание сложной системной организации. В этой связи «корпоративная безопасность» может рассматриваться как организованная деятельность по предотвращению, устранению и нейтрализации внешних и внутренних угроз.

Корпоративная безопасность – это не только тотальный контроль и строгая отчетность. Перед комплексом корпоративной безопасности стоят серьезные задачи, напрямую связанные с материальным благополучием и успехом организации.

Корпоративная безопасность является составной частью риск-менеджмента и общей системы управления компанией. Она выполняет в организации множество ключевых ролей, таких как управление рисками, кризисное управление, информационная безопасность, выявление преступлений, сдерживание мошенничества, физическая безопасность, расследования и планирование непрерывности бизнеса.

Корпорации недостаточно правильно подобрать систему корпоративной безопасности, нужно целесообразно использовать ее, уметь управлять ею. Для этого необходимо строго подходить к вопросу кадрового обеспечения персонала корпорации, учитывать опыт ликвидации инцидентов, использовать специализированное программное обеспечение и тщательно следить за источниками, по которым внутренняя информация может транслироваться во внешнюю среду.

Литература

1. *Оболонский Ю.В., Оболонская Н.Ю.* Исследование феномена корпоративной безопасности организации // Экономические отношения, 2015. – № 4. – С. 74–94.

2. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М., 1974. – 280 с.

3. Как обеспечить кибербезопасность в бизнесе? – URL: https://pro.rbc.ru/news/5f573dd49a7947bdc83aae88?from=material_cards (дата обращения: 20.09.2021).

4. Глобальное исследование «Доверие к цифровым технологиям» 2021. – URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/dti-2021/e-version-digital-trust-insights-2021-in-russian.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

Вызовы и проблемы обеспечения безопасности Северо-Кавказских республик в период пандемии Covid-19

Анахаева М.Д.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, связанная с распространением пандемии Covid-19 в республиках Северного Кавказа, анализируются нормативно-правовые акты, принятые с целью пресечь распространение инфекции. Автор вносит предложения по изменению законодательства республик.

Ключевые слова: Covid-19, республики Северного Кавказа, пандемия, законы, безопасность, Кабардино-Балкария, Чечня, Дагестан.

В 2020 году в мире началось распространение инфекции Covid-19. В России первые случаи заболевания начали фиксировать в начале марта 2020 года, на 31 марта число заболевших достигло 2 337, ежедневно прибавлялось по 500 человек, на 30 апреля число достигло 106 730 человек, с ежедневным прибавлением в 7 113 человек, на 31 мая – 406 973, 30 июня – 649 779, 31 июля 2020 году уже – 841 822¹. Коронавирус распространялся очень быстро и зачастую приводил к летальным исходам, летом 2021 года ситуация усугубилась, число зараженных начало расти². Мы полностью согласны с мнением ученых о том, что распространение коронавируса напрямую влияет на безопасность населения страны [1, с. 159].

Критическая обстановка сложилась на Северном Кавказе, так, к концу весны 2021, на 31 мая, число заболевших в Кабардино-Балкарской Республике составило 2 827 человек, а к концу лета, 31 августа, –

---

¹ URL: <https://zona.media/coronagraph> (дата обращения: 10.09.2021).

² Коронавирус статистика // Яндекс. URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_graph&utm_source=main_notif&geoId=225 (дата обращения: 10.09.2021).

уже 6 514, в Республике Чечня к 31 мая заболело 1 227 человек, к 31 августа – 2 270, данные по Республике Дагестан составили 4 955 человек на 31 мая, 10 999 – на 31 августа¹.

По нашему мнению, можно выделить две причины резкого скачка заболеваемости на Северном Кавказе. Первой причиной является особенность менталитета горских народов, который предполагает наличие большого количества близких родственников, совместное проживание с ними, а также регулярное посещение семейных мероприятий. Второй причиной увеличения числа заболевших видится привлекательность Юга России, как туристического центра, что способствует большой концентрации людей, зачастую игнорирующих масочный режим и другие ограничительные меры, установленные Роспотребнадзором.

В целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции федеральными и региональными властями было принято большое количество нормативно-правовых актов, а также были внесены изменения в уже действующие законы. Например, в Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в 2020 году были внесены изменения, устанавливающие правила поведения граждан и организаций при введении режима повышенной готовности². Субъекты Российской Федерации сами вправе устанавливать правила, предусматривающие масочный режим, социальную дистанцию и самоизоляцию заболевших коронавирусом граждан.

---

¹ Коронавирус статистика // Яндекс. URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_graph&utm_source=main_notif&geoId=225 (дата обращения: 10.09.2021).

² Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. N 68-ФЗ "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовая база «Гарант». URL: [http://base.garant.ru/10107960/#:~:text=Федеральный%20закон%20от%2021.12.1994,с%20изменениями%20и%20дополнениями\)%20%7C%20ГАРАНТ](http://base.garant.ru/10107960/#:~:text=Федеральный%20закон%20от%2021.12.1994,с%20изменениями%20и%20дополнениями)%20%7C%20ГАРАНТ) (дата обращения: 10.09.2021).

Так, согласно Указу главы Республики Дагестан от 18 марта 2020 года № 17 «О введении режима повышенной готовности» на территории республики запрещается проводить массовые мероприятия, в том числе спортивные, деловые, культурные, зрелищные и развлекательные, население обязуют к соблюдению постановлений санитарных врачей о нахождении в режиме изоляции на дому. Жителям предписывается обеспечить самоизоляцию на дому сроком 14 календарный дней с момента возвращения на территорию РФ (запрещается посещение работы, учебы, минимизируется посещение общественных мест), использование механизма дистанционного получения государственных и муниципальных услуг, посредством сети Интернет, при этом исключая посещение соответствующих учреждений; следует воздержаться от поездок к неблагополучным по санитарно-эпидемиологической обстановке (Covid-19) территориям; воздержаться от посещения массовых мероприятий, в том числе деловых, спортивных, зрелищных, культурных и развлекательных¹.

Одновременно с властями Дагестана 18 марта 2020 года глава Кабардино-Балкарской Республики подписал Указ «О введении на территории Кабардино-Балкарской Республики режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)». Согласно указу на территории республики запрещено проведение деловых, спортивных, зрелищных, иных массовых мероприятий. Рекомендовано гражданам Российской Федерации, проживающим и временно находящимся в Кабардино-Балкарской Республике, воздержаться от поездок за пределы Российской Федерации и регионы Российской Федерации, неблагополучные по новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV). Рекомендовано сообщать о своем возвращении, месте и датах пребывания на указанных территориях гражданам,

---

¹ Указ главы Республики Дагестан от 18 марта 2020 года № 17 «О введении режима повышенной готовности» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/03/18/dagestan-ukaz17-reg-dok.html> (дата обращения: 10.09.2021).

прибывшим на территорию Кабардино-Балкарской Республики с территорий, где зарегистрированы случаи новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV), при появлении первых признаков респираторной инфекции (повышенная температура тела, кашель и др.) незамедлительно обращаться за медицинской помощью на дому без посещения медицинских организаций¹.

Для защиты своего населения руководство Чечни также приняло соответствующий нормативно правовой акт – Распоряжение правительства Чеченской Республики от 18 марта 2020 года № 138-р «О введении режима повышенной готовности на территории Чеченской Республики и мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)». Согласно документу на период действия режима «Повышенная готовность» запрещается проводить спортивные, культурные [2, с. 505] и иные мероприятия между учреждениями образования с участием студентов, детские межшкольные, межмуниципальные спортивные, культурные и иные мероприятия, спортивные, зрелищные, публичные и иные массовые мероприятия, численностью участников более 50 человек. Рекомендуются гражданам, которые проживают или прибывают на территорию Чеченской Республики, посещавшим страны, где распространены случаи COVID-2019 передавать сведения о месте и дате их пребывания, возвращения на «горячую линию» министерства здравоохранения Чеченской Республики, в случае выявления начальных признаков болезни – оставаться дома (по месту пребывания) и незамедлительно обратиться за медицинской помощью; обязательно соблюдение предписаний специалистов Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по

---

¹ Указ главы Кабардино-Балкарской Республики от 18 марта 2020 года № 19-УГ «О введении на территории Кабардино-Балкарской Республики режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/03/19/kbr-ukaz19-reg-dok.html> (дата обращения: 10.09.2021).

Чеченской Республике о нахождении в режиме изоляции на дому (по месту пребывания)¹.

Резюмируя ограничительные меры, принятые в период пандемии коронавируса в республиках Северного Кавказа, мы пришли к выводу, что самое большое количество запретов ввели власти Республики Дагестан, Чеченская Республика использовала относительно небольшое количество принудительных мер, и наиболее щадящие меры применялись в Кабардино-Балкарии.

Об эффективности принятых нормативно-правовых актов и их реализации можно судить по данным, взятым из статистики заболеваемости на территории рассматриваемых субъектов. Для показательности результатов, рассмотрим период с даты издания Указов (19 марта) по 28 мая²:

Дата	Кабардино-Балкарская Республика	Чеченская Республика	Республика Дагестан
19/03/2020	0	0	0
26/03/2020	4	1	0
02/04/2020	8	10	25
09/04/2020	23	22	57
16/04/2020	69	108	154
23/04/2020	218	347	454
30/04/2020	456	485	1 389
07/05/2020	1 008	674	2 372
14/05/2020	1 548	865	3 095
21/05/2020	2 020	1 026	3 746
28/05/2020	2 592	1 174	4 579

---

¹ Распоряжение правительства Чеченской Республики от 18 марта 2020 года № 138-р "О введении режима повышенной готовности на территории Чеченской Республики и мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)" // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/03/19/chechnya-rasp138-reg-dok.html> (дата обращения: 10.09.2021).

² URL: <https://zona.media/coronagraph> (дата обращения: 10.09.2021).

Как мы видим по вышеприведенным показателям, несмотря на введенные властями субъектов режимы повышенной готовности, заболеваемость в республиках росла, что говорит об их неэффективности. По нашему мнению, ограничения оказались недостаточно жесткими для сложившейся ситуации. Они не предусматривали значительных правовых последствий за их несоблюдение, что, в свою очередь, повлекло игнорирование населением установленных властями запретов. Рост заболеваемости и введение карантина может напрямую отразиться и на обеспечении продовольственной безопасности региона [3, с. 2].

Летом 2021 года на Северный Кавказ пришла третья волна коронавируса. Статистика удручает: по состоянию на 26 июня 2021 года на территории Дагестана выявлено 128 человек заболевших Covid-19, 30 человек – в Чеченской Республике и 31 человек заразился в Кабардино-Балкарии¹. Отметим, что на момент начала нового этапа пандемии, на территории рассматриваемых республик из всех коронавирусных ограничений сохранился лишь масочный режим, обязательный в местах скопления людей. Ослабление ограничений, по нашему мнению, стало упущением властей республик и привело к появлению третьей волны коронавируса. На наш взгляд, до полного выздоровления всех заболевших ковидом снятие ограничений является преждевременным.

Можно сделать вывод о том, что меры, предпринимаемые властями республик с целью предотвращения распространения коронавирусной инфекции, оказались недостаточными. Законодателю еще предстоит совершенствование системы нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, обратив при этом особое внимание на специфические черты, характерные для субъектов Северного Кавказа – их территориальные и национальные особенности.

На наш взгляд, необходимо перевести на удаленный режим работы не менее 40 % сотрудников, обязать работников регулярно

---

¹ Коронавирус: дашборд. URL: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbrregion&state=686ceb9d167 (дата обращения: 10.09.2021).

сдавать тест на коронавирус, обеспечив при этом его бесплатное прохождение. Следует также пресекать распространение фейковых новостей о заболевших после вакцинации гражданах [4, с. 437]. Заведения общественного питания должны посещать только граждане, привитые от коронавируса, стоит ограничить число зрителей на концертных, зрелищных, спортивных, развлекательных мероприятиях. Ограничения не должны действовать при предъявлении паспорта вакцинации. Для пожилых граждан следует ввести режим самоизоляции, независимо от наличия прививки. Масочный режим и социальная дистанция должны быть сохранены до конца пандемии. Также обязательную вакцинацию следует внедрять посредством популяризации идеи вакцинирования, а именно активной социальной рекламы, наиболее ярко отмечая вопрос безопасности старшего поколения, сохранения возможности собираться в кругу родственников, поддерживать активные социальные связи, продолжать жить в привычном ритме. Необходимо ужесточить правила въезда в республики, очень важно обратить внимание и на экологическую безопасность региона [5, с. 106]. Помимо этого, властям республик следует контролировать передвижение между границами с обязательством предъявления паспорта вакцинации или отрицательного ПЦР теста, ужесточить наказание за нарушение режима повышенной готовности, а сотрудникам правоохранительных органов тщательно следить за нарушениями и их фиксацией.

Литература

1. *Галицкая Н.В.* Безопасность населения в условиях распространения COVID-19 // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов, 2020. – С. 158–162.
2. *Галицкая Н.В.* Административно-правовые аспекты обеспечения безопасности культурного наследия России // Юридическая техника: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение

высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». – 2016. – № 10. – С. 504–507.

3. *Галицкая Н.В.* «Влияние пандемии COVID-19 на продовольственную безопасность» // Международный научно-практический журнал «Научное обозрение». – № 3. – 2021. – URL: <https://srjournal.ru/2021/id305/>

4. *Галицкая Н.В.* Фейковые новости как проблема обеспечения информационной безопасности в России // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: коллективная монография в 2 т. / под ред. Н.Н. Ковалевой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – Т. 2. – 204 с.

5. *Галицкая Н.В.* Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности граждан в России // Вестник Воронежского государственного университета. – Воронеж: Издательство Воронежский государственный университет, 2017. – № 3(30). – С. 101–107.

Одиннадцатое сентября: начало эры глобального террора

Архипова А.В., Ганеева М.Р.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ

Аннотация. В данной статье была рассмотрена трагедия 11 сентября 2001 года, когда в результате террористической атаки были разрушены здания всемирного торгового центра в Нью-Йорке и погибло 2 977 человек. С целью рассмотрения данной трагедии, исследования ее влияния на борьбу с терроризмом и дальнейшую историю, были

изучены следующие параметры: личности террористов, строение башен, а также влияние 9/11 на события будущего.

Ключевые слова: башни, масштабный теракт, память, самолет, терроризм, террористы, трагедия.

Современное общество не только открывает для себя новые возможности, но и сталкивается с серьезными угрозами. Одна из наиболее опасных угроз – международный терроризм. История второй половины XX – начала XXI века показала, что условия глобализации создают благоприятную для международного терроризма почву. Почему это происходит, и как можно противостоять угрозе терроризма?

В нашем мире происходит огромное количество событий, которые уносят человеческие жизни. В последнее время довольно сильно распространены теракты. В наш век войн они происходят регулярно и оставляют за собой огромное количество жертв. Наиболее известные: 1 сентября – 3 сентября 2004 года, Террористический акт в Беслане, Теракт на Олимпийских играх в Мюнхене, Теракт на Дубровке 2002 года.

Но самым масштабным терактом в истории всего человечества считается 11 сентября 2001 года – разрушение башен всемирного торгового центра в США, в результате которого погибло 2 977 человек.

Актуальность данной темы заключается в том, что произошедшее 11 сентября, также как и резня на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года, вызвало гигантский диссонанс в обществе, чем породила проведение множественных работ и создание специальных схем по борьбе с терроризмом.

Цель работы: изучить определенные составляющие 9/11, тем самым разбирая, как те или иные детали повлияли на наше будущее и какие изменения внесли в различные отрасли нашей жизни, а также как в общем весь террористический акт изменил политику борьбы с терроризмом.

11 сентября Аль-Каида осуществила теракт в США. На четырех самолетах, захваченных террористами, был произведен налет на

здания ВТЦ Нью-Йорка, Пентагона, а также, по официальной версии, планировалось разрушение Белого дома, которое не произошло по причине того, что пассажиры самолета вернули управление на украденном воздушно-транспортном средстве.

В результате теракта 11 сентября были основательно разрушены башни-близнецы, здание ВТЦ 7, а также отчасти пострадали здания ВТЦ 3, 4, 5 и 6, что привело в будущем к их сносу.

В тот день погибло 2 977 человек. Их имена и имена 6-х погибших в теракте 1993 года, который также подразумевал разрушение зданий, написаны на зеркальных прудах, которые построены на месте бывшего ВТЦ. Особенности произошедшего 11 сентября 2001 года: «Башни высотой в 110 этажей архитектора Минору Ямасаки представляли собой новаторскую конструкцию – без традиционной кирпичной кладки, без опорных угловых колонн, на которых держатся здания, и без внутренних колонн: открытое пространство, свет, воздух и простор» – рассказал Джеймс Роберт Делени, который работал бригадиром бетонщиков на возведении башен. Лестничный пролет, построенный его бригадой, оказался единственным уцелевшим фрагментом на «граунд-зиро», который теперь станет экспонатом национального мемориала 9/11. Конструкторы башен-близнецов прорабатывали версию того, что в них может врезаться самолет. Допускалось, что идущие на посадку самолеты в тумане могут потерять ориентацию и столкнуться со зданиями. О терроризме тогда никто не думал, но изучался прецедент 1945 года, когда военный бомбардировщик В-25 Mitchell врезался в тумане в Эмпайр Стейт Билдинг, самое высокое здание мира на протяжении почти 40 лет. Поэтому башня была создана так, что в случае налета на нее, люди не должны были пострадать, а само здание должно было выстоять.

К сожалению, план провалился. Башни рухнули, что позднее привело к полноценному сносу, а ныне строительству нового ВТЦ. К построению новых зданий, что составляют ныне всемирный торговый центр, относились куда более кропотливо. По большей части архитекторы изучали ошибки и неточности, которые могли привести к более

быстрому разрушению башен, и за счет этого создавали проекты для новых объектов. Ныне стоящее здание ВТЦ 1 имеет под собой фундамент и куда более усиленную конструкцию, цель которой по-прежнему выстоять в ситуации, подобной 9/11.

По данным американских спецслужб, в осуществлении теракта принимали участие 19 террористов принадлежащие к Аль-Каиде из Саудовской Аравии.

Побуждения к действиям были чисто политические, и, что интересно, большинство из участников были нарушителями некоторых законов США и находились под пристальным вниманием ФБР. Именно ФБР, некогда выслало данных террористов обратно на родину. Работа служб в США никак не связана между собой, и когда подозрительные оппоненты въехали в границу страны снова, миграционная служба не выдала никакой информации ФБР о данной ситуации, тем самым приведя в исполнение план Аль-Каиды.

Данная ситуация повлекла за собой улучшение взаимодействия между спецслужбами стран, и США в частности, которые теперь имеют общую карту данных со всеми нарушениями в своей полицейской базе.

Рассмотрим влияние события 9/11 на изменение структуры борьбы с террором. Невзирая на то, что 11 сентября проводились специальные работы по проверке готовности войск действовать в условиях террористической опасности, получившие название «бдительный страж», подразумевавшие осмотр самолетов, теракт все же произошел.

Это был второй наиболее серьезный момент в истории, показывающий, насколько же мы бессильны и неподготовлены в случае серьезной террористической угрозы.

Именно после данной трагедии начали вводиться проверки, целые войска, разрабатываться специальные планы, создаваться агентства, единственная цель которых – это борьба с терроризмом. Именно с 9/11 началось массовое усиление систем борьбы с террором, которые совершенствовались и продолжают совершенствоваться сейчас.

По результатам опроса, проведенного среди студентов КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева, можно сделать вывод, что большинство учащихся осведомлены о том, что случилось 11 сентября. Больше половины опрошенных боятся повторения той трагедии, но также существует процент, который этого не боится.

Последний наш вопрос давал молодым людям возможность поразмыслить на тему, как бороться с терроризмом. Определенный процент учащихся предложил усилить слежку за жителями государства. Именно это и сделали американцы после 11 сентября в целях безопасности населения. В результате теперь за каждым жителем ведется доскональная слежка. С этим мнением мы согласны лишь отчасти, так как будет хорошо, если в результате прослушивания разговоров власти узнают важную информацию про следующий теракт. Но в этом случае у людей отнимут свободу. Также были предложены варианты повышения эффективности деятельности силовых структур и изменения некоторых законов. С этим аргументом мы согласны. А к эмигрантам не будет никакого специального отношения, так как уже есть данные, что они безопасны для окружающих. Также были предложены смертные казни. Мы выступаем против этого, так как большинство террористов являются смертниками.

Также определенное количество людей предложило идти на некоторые уступки и не занижать достоинства других религий. С этим мы согласны, поскольку занижение определенных наций, как в случае с 11 сентября, может стать причиной для мести.

Наилучший вариант, касающийся населения нашей страны и иных стран, предполагает налаживание отношений с другими странами и проведение определенных мероприятий для населения. Жители других народов будут знать об опасности, которая может их ожидать и будут готовы в определенный момент создать безопасные условия.

В начале XXI века сложились международные центры по борьбе с террористами. Активную роль в этой борьбе играют Россия, США, Израиль и другие европейские страны. Одним из координаторов

антитеррористической деятельности в международном масштабе выступают ООН. Это организация разрабатывает правовые нормы, координирует антитеррористическую деятельность и непосредственно участвует в борьбе с терроризмом, используя возможности Совета Безопасности. В 2008 году 192 государства-члены ООН единогласно приняли глобальную контртеррористическую стратегию. В 2012 году были разработаны 16 соглашений, направленных против международного терроризма и конкретных видов террористической деятельности.

Противодействие террористическим угрозам, помимо международного сотрудничества, предполагает решение внутригосударственных задач, таких как разрешение социальных конфликтов, снижение уровня социальной политики, для чего необходимо развитие экономики, регулирование процессов миграции. Необходима антитеррористическая защита конкретных объектов (зданий, сооружений, транспортных средств), мест массового скопления людей (концертных залов, стадионов и т. д.), детских учреждений, больниц.

Литература

1. *Салчинкина А.Р.* Политология: учеб. пособие / А.Р. Салчинкина, С.В. Хоружая. – Краснодар :КубГАУ, 2018. – 103 с.
2. *Антитеррористическая безопасность: учебное пособие / В.Т. Кайбышев, А.Л. Федотов, О.Ю. Травников, Р.Н. Кильдебекова, В.М. Ахметов.* – Уфа: ФГБОУ ВО БГМУ Минздрава России, 2020. – 54 с.

Приемы, используемые в сети Интернет для вовлечения подростков в деструктивное движение «Колумбайн»

Шпилев Д.А.

*Нижегородская академия МВД России,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Аннотация. На основе контент-анализа переписки пользователей социальной сети «ВКонтакте» описываются приемы вовлечения подростков в деструктивное сетевое движение «Колумбайн», обращается внимание на наиболее опасные темы, обсуждаемые участниками чатов, в частности, оружие, убийство, агрессия и ненависть.

Ключевые слова: социальные сети, «ВКонтакте», «Колумбайн», «Скулшутинг», школьники, подростки, деструктивное движение.

В настоящее время в сети Интернет активно действуют и развиваются субкультуры деструктивной направленности. От последствий воздействия этих субкультур на подростков пострадали многие страны. Российская Федерация не является исключением. Одной из деструктивных подростковых субкультур является «Скулшутинг» (стрельба в школе) или «Колумбайн». В реальной (несетевой) жизни «Скулшутинг» воплощается в виде насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимся (или группой учащихся) в отношении преподавателей и учеников с использованием оружия и иных средств. При этом основная цель нападающего состоит в причинении максимального вреда жизни и здоровью наибольшего количества жертв. В России идеология «Скулшутинга» распространяется в Интернете, преимущественно через социальную сеть «ВКонтакте».

Контент-анализ текстового массива переписки участников движения «Скулшутинг» с использованием словаря (фильтров), относящегося к темам оружия, убийства, агрессии и ненависти, показал, что

для воздействия на психику подростков и вовлечения их в деструктивную идеологию используются определенные приемы, к которым, в частности, относятся:

Призыв к использованию даркнета – скрытой анонимной сети. Подросткам дают понять, что в обычных социальных сетях нет никакой серьезной информации, что ими пользуются только дети. После этого следует предложение ознакомиться с интересной информацией в скрытой сети и предоставляется инструкция по пользованию даркнетом. Далее подросткам сообщается о том, что использование скрытой сети – это гарантия не попасть в поле зрения ФСБ, а также о том, что для пользователей, интересующихся оружием или желающим его приобрести, в даркнете есть много интересных данных.

Предложение проявить свою смелость и поиграть с ФСБ. Вторым приемом вовлечения является предложение проявить свою смелость и поиграть с ФСБ, показать отсутствие страха перед возможным общением с представителями спецслужб. При этом большое количество сообщений посвящено анализу и оценке работы ФСБ, в которых выражаются сомнения в адекватности сотрудников спецслужб. Присутствуют и прямые оскорбления, как в стихотворной, так и в прозаической форме. Таким образом, у подростков снижается естественное чувство осторожности, создается образ противника в лице сотрудников ФСБ, которых не следует бояться, а необходимо перехитрить и переиграть.

Стимулирование интереса к оружию у девушек. Третий способ вовлечения направлен на девушек. В беседах постоянно повторяются тезисы о том, что для «продвинутой» девушки нормально интересоваться оружием и учиться пользоваться им. Кроме того, говорится о том, что девушка также может быть целеустремленной и агрессивной. Такой подход позволяет модераторам соответствующих страниц в социальных сетях существенно расширить целевую аудиторию, не ограничиваясь только подростками мужского пола.

Обсуждение ТТХ различных видов оружия. Значительный объем контента посвящен рассуждениям о различных видах холодного и огнестрельного оружия, его тактико-технических характеристиках. Неоднократно говорится о том, что для человека нормально иметь дома или при себе большое количество различного оружия. Активно ведется обсуждение вопроса о том, где и как, с какого возраста можно приобретать различные виды оружия. Таким образом, подросток привыкает к мысли о том, что можно и нужно приобрести (возможно, нелегальным путем), хранить дома, носить с собой и, по возможности, пускать в ход холодное и огнестрельное оружие.

Для выявления подростков с ослабленным самоконтролем, склонностью к девиации и психическими отклонениями в чатах ведется активное обсуждение следующих тем: 1) кто такой герой, что является героическим поступком; 2) за что можно убить человека и как за убийство наказывают в разных странах; 3) отношение к смерти, трупам, расчлененке и некрофилии; 4) ненависть, агрессия, национализм и ксенофобия; 5) суицид.

Обсуждение темы героев и героических поступков. В комментариях участникам чата сообщают, что они сами не совершили никаких героических поступков. При этом действия школьных стрелков в различных странах интерпретируются не как убийство невинных людей, а как жертвенный подвиг, который имеет смысл повторить.

Обсуждение вопроса о том, за что можно убить человека. Следует отметить, что мнения подростков о возможности совершения убийства имеют определенные отличия. Часть подростков признают, что убить можно в целях самообороны или при защите собственности. Вторая группа подростков относится к убийствам и применению насилия крайне отрицательно. Третья группа испытывает к теме преступлений и убийств иррациональный интерес и не может прекратить читать про эти события, а также рассматривать фото- и видеоматериалы. Представители четвертой группы склонны во всех тяжких преступлениях обвинять не преступника, а общество. Такой подход позволяет

частично оправдать убийцу, мол, не мы такие, жизнь такая. Представители пятой группы используют тему убийств и преступлений для приколов и хайпа.

Отношение к смерти, трупам, расчлененке и некрофилии. Интенсивная дискуссия на деликатную тему сопровождается фото- и видеорядом, большим количеством черного юмора, что может негативно повлиять на человека с чувствительной душевной организацией.

Ненависть, агрессия, национализм и ксенофобия. Тема ненависти связана с двумя аспектами: во-первых, с национализмом и ксенофобией, а во-вторых, с ненавистью к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, а также сексуальных меньшинств к людям с традиционными сексуальными предпочтениями.

Суицид. В чатах периодически всплывают высказывания, связанные с темой самоубийства. Эти высказывания не носят массового характера, тем не менее повторяются с достаточной регулярностью в разных интерпретациях и явно рассчитаны на определенную целевую аудиторию.

Отметим, что в настоящее время из-за эпидемии коронавируса подростки больше времени проводят дома, меньше общаются со сверстниками и поэтому реже подвергаются травле и издевательствам в школе. В связи с этим интерес к теме свершения террористических актов в школе у подрастающего поколения несколько снизился. Однако в любой момент он может вновь возникнуть в связи с очередным подобным терактом в любой стране мира. Очень важно, чтобы родители и учителя своевременно обращали внимание на смену круга интересов у подростка, интересовались контентом социальных сетей, в которых ребенок проводит много времени.

Заключение

Новый виток напряженности в Южной и Центральной Азии, Ближнем Востоке угрожает целостности государств, создает напряженность в сопредельных регионах, угрожает национальной и общественной безопасности, создает предпосылки для роста социальных конфликтов, порождает отчужденность, приводит к размыванию традиций и ценностей.

Возрастающая активность экстремистских и террористических группировок, появление новых очагов социальной и политической напряженности требует анализа влияния факторов нестабильности и их последствий для сопредельных территорий. Определение моделей анализа конфликтов в условиях разнонаправленных интересов мировых и региональных акторов позволит предотвратить ущемление прав, насилие в разных сообществах, обозначив действенные шаги для локализации дестабилизации, выработанные на основе работы с подобными конфликтами на стадии постконфликтного урегулирования.

Цель конференции:

– консолидация усилий научного и экспертного сообщества, органов власти и управления, общественных деятелей в обсуждении и решении актуальных проблем обеспечения стабильности в конфликтных регионах, изучение традиционных и инновационных методов исследования радикализации и дерадикализации, вопросов развития цивилизационного диалога в условиях современной России, Центральной и Южной Азии и глобализации в мире.

Задачи конференции:

– определить методики анализа напряженности в конфликтных регионах, позволяющие своевременно принимать управленческие решения;

– стимулирование интереса экспертного сообщества к методикам работы с проявлениями насилия;

– расширение инструментария специалистов, работающих с молодежью, в вопросах предотвращения вовлечения молодых людей в деструктивные сообщества.

Основными направлениями конференции были:

1. Безопасность в Центральной Азии: факторы нестабильности и механизмы урегулирования конфликтов;
2. Профилактика экстремизма: российский и международный опыт;
3. Методология и практика радикализации и дерадикализации групп риска;
4. Профилактика экстремизма в российском гражданском обществе.

На секции, посвященной методологии исследования радикализации и дерадикализации групп риска был рассмотрен процесс возникновения направления исследований феномена радикализации, который активно изучают в мире последние 20 лет. Отмечено, что за прошедшее время появились концепции и модели радикализации, вместе с тем данная сфера – относительно молодая и недостаточно развитая научная область. Несмотря на рост исследований радикализации в последние годы, эмпирические исследования по-прежнему составляют лишь небольшой процент знаний. Отчасти из-за отсутствия единой концепции радикализации, систематических исследований охватить всю сложность факторов, связанных с процессом радикализации, до сих пор не представляется возможным.

Актуальность исследований онлайн-радикализации возрастает в последние годы, в связи с тем что сам процесс радикализации приобретает глобальный, вирусный, масштабируемый характер, имеет каскадный эффект, что является отличительной чертой онлайн-радикализации от офлайн. Сокращается временной период процесса радикализации, происходит активная консолидация транснациональных связей экстремистских сообществ, появляются новые гибридные формы, трудно поддающиеся классификации. Новые вызовы и угрозы привели

к повышенному вниманию и усилиям научного сообщества по выявлению факторов риска радикализации и изучению механизмов индивидуальной, групповой и массовой радикализации. Изменение технологического контекста тоже имеет значение, поскольку технологии делают возможной и способствуют интеграции экстремистов, мейнстрима и кроссплатформенной координации. Имеет значение динамика сети, определяющая рост цифровых платформ, сетевой эффект и роль алгоритмов в предоставлении контента пользователям Интернета. В связи с этим возникает потребность в создании инструментов для сопровождения исследований в области социальных наук, обеспечивающих скорость, надежность и эффективность компьютерных аналитических методов и созданных на этой основе прототипов программной системы.

Обобщая данные о современном состоянии исследований радикализации за весь период изучения, модератор секции выделил возможности и ограничения исследовательского поля, а также типичные методологические ошибки в российских исследованиях онлайн-радикализации, которые влияют на результаты исследований, зачастую становятся материалом для методических пособий, которые, в свою очередь, оказывают влияние на процесс принятия решений.

Отмечая развитие междисциплинарных исследований радикализации, модератор подчеркнула, что с ростом доступности данных, а также инструментов для сбора и анализа достоверных данных (ground truth), в сочетании с применением более сложных методов и средств работы с Big Data, Web Mining и искусственного интеллекта, мы надеемся, что в ближайшие годы увидим и более надежные результаты. Была также отмечена важность исследований в области изучения дерадикализации, которая представляет собой важнейший компонент глобальной «войны с терроризмом».

Участники конференции пришли к следующим выводам.

1. В современной конфликтологии особую роль приобретает методология конфликтологического аудита, базирующаяся на мониторинге ситуации социально-политической напряженности в разных

возрастных группах и сообществах. Особое внимание со стороны органов власти уделяется проведению периодических специальных исследований, анализу динамики развития конфликтных ситуаций в конкретных общественных сегментах. Институционализация методологии конфликтологического аудита произошла в процессе реализации ряда грантовых программ междисциплинарного характера представителями кафедры конфликтологии Казанского федерального университета. Конфликтологический аудит может рекомендоваться широкому кругу исследователей социальных конфликтов, проявлений экстремизма как самостоятельная функциональная методология анализа.

2. Участники конференции считают важным развитие профессионального конфликтологического образования всех уровней подготовки в России (бакалавриата, магистратуры, послевузовского образования) и других странах СНГ как условия адаптации образовательной системы страны к требованиям времени и политическим и социальным запросам населения.

Предложения и рекомендации участников

1. Вузам способствовать развитию самоуправляемых студенческих организаций, конфликтологических служб и научных кружков на уровне образовательного учреждения, осуществляющих среди студентов работу по гражданской профилактике радикализации молодежи.

2. Развивать систему антиэкстремистской экспертизы и мониторинга СМИ и социальных сетей.

3. Осуществлять систему повышения квалификации специалистов, работающих в сфере профилактики экстремизма и терроризма.

4. Осуществлять научную экспертизу разрабатываемых программ повышения квалификации по направлению профилактики экстремизма и терроризма.

6. Считать целесообразным проведение в рамках ежегодной научно-практической конференции под эгидой Казанского федерального университета секции по теме: «Профилактика экстремизма в российском гражданском обществе».

7. Издать материалы конференции и обеспечить доступ к ним для всей общественности.

8. Создание единой социально-информационной системы с доступом к достоверной и актуальной информации по исламской культуре в эпоху становления информационного общества становится одной из приоритетных задач в формировании общества будущего. Объединение усилий ведущих исламских образовательных организаций и профессионального сообщества с целью просвещения и популяризации гуманистических ценностей исламской культуры будет направлено на противодействие экстремистским идеям.

9. Формирование единой базы по учету и контролю за исламскими образовательными организациями, некоего аналога на примере действующей общеобразовательной среды «Российская электронная школа». Что позволит не только контролировать в режиме реального времени образовательный процесс, но и организовывать реализацию программ в дистанционном формате.

10. Важнейшими задачами в решении проблемы религиозной безопасности является разработка:

- целевой программы исследования социально-психологических факторов духовной безопасности молодежи,
- концепции и инструментария в области информационного противодействия влиянию деструктивных религиозных групп на подрастающее поколение.

11. Система образования должна стать одной из главных структур по внедрению системной профилактической работы в снижении конфессиональной напряженности и по предотвращению вовлечения в различные религиозные секты, психокульты молодежи. Решением данной проблемы может стать введение курса «Религиозная безопасность» в образовательный процесс школ, ссузов, вузов. Данный опыт разработки и апробации такой программы был реализован в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы в 2019–2020 годах.

Научное издание

**ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: АНАЛИЗ И РЕШЕНИЯ**

Всероссийская научно-практическая конференция

Казань, 21 сентября 2021 года

Сборник статей

Подписано в печать 21.03.2022.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 9,07.

Уч.-изд. л. 8,82. Тираж 100 экз. Заказ 37/2.

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28